

А. А. Кандинский — Рыбников

УЧЕНИЕ О СЧАСТЬЕ И
АВТОБИОГРАФИЧНОСТЬ В

„ПОВЕСТЯХ ПОКОЙНОГО
ИВАНА ПЕТРОВИЧА
БЕЛКИНА,
ИЗДАНЫХ А. П.“

УЧЕНИЕ О СЧАСТЬЕ И
АВТОБИОГРАФИЧНОСТЬ В

„ПОВЕСТЯХ ПОКОЙНОГО
ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА,
ИЗДАНЫХ А. П.“

Москва - '93

Кандинский-Рыбников А.А.

К15 Учение о счастье и автобиографичность в „Повестях покойного Ивана Петровича Белкина, изданных А.П.“: Литературно-критическое исследование. — М.: МП „Феникс”, 1992. — 200 с.

„Повести Белкина” истолкованы в этой книге как мистическое произведение, тайно посвященное Н.Н. Гончаровой, в котором кроются покаяние Пушкина перед женьбой и нецерковная проповедь нравственных основ христианства. В исследовании показано, что содержащаяся в „Повестях” тайнопись (в частности, числовую) во многом постиг М.А. Булгаков и воспользовался ею в „Белой гвардии” и „Мастере и Маргарите”.

Книга адресована читателю, интересующемуся творчеством А.С. Пушкина.

ББК 83.ЗР1-8

© А.А. Кандинский-Рыбников, 1992

ОТ АВТОРА

В предлагаемой вниманию читателя работе "Повести Белкина" рассматриваются как эзотерическое творение. Важной линией исследования стало осмысление не замечавшейся раньше в "Повестях" тайнописи. Последняя выразилась помимо прочего в числах. Их огромная роль роднит "Повести" с "Комедией" Данте, с которой, как я старался показать, во многом связана концепция "Повестей" и их стиль, ориентированный также на Священное писание (мистический реализм). Пушкинский опус истолковывается мной как тайная, нецерковная проповедь нравственных основ христианства, верность которым есть необходимое условие обретения человеком счастья. Такое прочтение я стремился подтвердить свидетельствами того, что пять повестей соответствуют по своей сути ветхозаветным заповедям (с шестой по десятую). Вместе с тем цикл интерпретируется мной как произведение исповедально автобиографическое, как тайное покаяние Пушкина перед женитьбой, в котором не раз зашифровано посвящение невесте. Подтверждения многим моим выводам обнаружались в "Белой гвардии" и "Мастере и Маргарите" Булгакова, чем мотивировано включение в работу разделов, посвященных названным романам. Булгаков, как я старался доказать,

постиг пушкинскую тайнопись и воспользовался ею, зашифровав ссылки на Пушкина.

Не видя нужды более подробно освещать проблематику моего труда, спешу выразить искреннюю благодарность опубликовавшим его Р.Н.Ляну, И.С.Ирковой, А.Е.Зыкову и А.В.Молчанову.

Глава 1

1

Болдинскую осень 1830 г. Анна Ахматова назвала покаянной и заметила, что Пушкин тогда "вспоминал все и всех"¹. <<Ему, - пишет В.Непомнящий, - нужно было изменить жизнь, приведя ее в соответствие с нравственным призванием русского поэта, как он его понимал, - изменить, чего бы это ни стоило. < . . . > До сих пор он был холост, свободен и ответственен лишь за самого себя - горячий, чувственный, подверженный порывам сокрушительных страстей. Достигнув вершин, на которых царит покой творческого всемогущества, он обязан был и в жизни остановиться и успокоиться, нравственно и лично подтвердить и обеспечить эту невероятную высоту. Ответственность за себя перестала быть лишь частным делом. Она потребовала жить "как люди" - как народ живет. < . . . > Владимир Соловьев прав был, называя его брак родом аскезы. Лирика 30-х годов страстно устремлена к строгости и целомудрию; по ней можно догадываться, как труден, впрочем, был этот бег к "Сионским высотам".

"Зависимость жизни семейственной делает нас более нравственными", - писал он жене. Это не было "категорическим императивом": такое отношение к браку - древнее и истовое, элемент народной культуры - стало его совестной потребностью >>².

В преддверии женитьбы Пушкин неотступно думал о счастье. В это время слово "счастье" как никогда часто встречается в его письмах. Он уезжал в Болдино, рассорившись с будущей тещей из-за "самой нелепой сцены", которую она устроила, и "оставил дверь открытой". В написанных перед отъездом письмах к невесте, Вяземской и Плетневу звучит один и тот же мотив "Быть может . . . неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня"; "Ах, что за проклятая штука счастье!"; "Черт меня догадал бредить

---

¹ А х м а т о в а А. О Пушкине. Л., 1977. С. 183.

² Н е п о м н я щ и й В. Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 168, 166.

о счастья, как будто я для него создан"¹. Из Болдина он писал П.А.Осиповой: "В вопросе счастья я атеист; я не верю в него и лишь в обществе старых друзей начинаю немного сомневаться"². По возвращении в Москву, когда все препятствия к свадьбе были преодолены, он, сообщив Кривцову о том, что женится, заметил: "Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. *P n'est de bonheur que dans les voies communes* ("Счастье можно найти лишь на исхоженных дорогах" - цитата из "Rene" Шатобриана - А.К.-Р.). Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся - я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность представляется мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью"³. Однако Пушкин мечтал о житейском счастье и, наверное, более всего - в покаянную и неимоверно счастливую для него как для творца Болдинскую осень, когда он в уединении подводил итоги прожитого и готовился вступить в "жизнь семейственную". В письмах он более не проговаривался о своих мечтах. Они выразились в творчестве.

В связи с трагедией Дон Гуана и второй дуэлью Сильвио с графом Б^{***}, но, конечно, имея в виду и многое другое, Ахматова писала: "Можно даже, рискуя показаться парадоксальным, сказать, что Пушкин так же боялся счастья, как другие боялись горя. И насколько он всегда был готов на всякие огорчения, настолько же трепетал перед счастьем, т.е., разумеется, перед перспективой потери счастья"⁴.

---

¹ П у ш к и н А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1979. Т. 10. С.237, 644; 238, 644 (эти письма написаны по-французски, вторые числа в парах отсылают к странице, где приведен их русский перевод); 238.

В дальнейшем все ссылки на сочинения Пушкина приводятся по названному изданию с указанием только тома и страницы.

² Там же. С. 247, 647.

³ Там же. С. 264.

⁴ А х м а т о в а А. Указ. соч. С. 100.

В первые же дни после свадьбы Пушкин пишет Плетневу: "Я женат - и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось - лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился". (П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 265).

Во многом вследствие этого в "Повестях Белкина" - самом автобиографичном пушкинском цикле - столь "глубоко запрятал Пушкин свое томление по счастью . . . и в этом кроется мысль: так люди не найдут, не будут обсуждать, что невыносимо (см. "Ответ анониму"). Спрятать в ящик с двойным, нет, с тройным дном: 1) А.П.; 2) Белкин; 3) Один из повествователей"¹.

В письме к Плетневу, где перечисляется основное из созданного в Болдине, Пушкин особо выделяет свой первый законченный прозаический опус: "Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единого). Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется - и которые напечатаем . . . Апопуге. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает"². Не касаясь пока необычной реакции Баратынского (ведь "Повести Белкина" вызывают прежде всего умиление своей добротой, простотой, сжатостью, прозрачностью и гармоничностью), обратим внимание на то, что "весьма секретно" извещая Плетнева о намерении мистифицировать публику, Пушкин мистифицирует и его самого, ибо мотивировка "Булгарин заругает" есть розыгрыш: Фаддей Венедиктович не был простаком и не мог не распознать с первого взгляда, чьему перу принадлежат эти повести, к тому же "изданные А.П." (более того, перед выходом их в свет Пушкин велел Плетневу: "Смирдину шепнуть мое имя, с тем, чтобы он перешепнул покупателям"³).

Прибегнул ли бы Пушкин к "посредству" Белкина и анонимных "особ", от которых "автором" "слышаны" сии истории, если бы это диктовалось только стремлением скрыть от публики нечто сокровенное и не было бы органичной частью художественного и философского целого? Конечно, нет. Иначе "Повести Белкина" не стояли бы на одной высоте с "Маленькими трагедиями", "Борисом Годуновым", "Евгением Онегиным", иначе они при всей их внешней непритязательности и безыскусности не производили бы такого глубокого впечатления, очищающего душу.

В них лаконично воплощены высокие и простые истины. Ниже будет доказываться, что "Повести Белкина" представляют собой учение о счастье. Мудрую человечность этого учения мы в большинстве своем бессознательно чувствуем и в детстве, при первом изуст-

---

¹ А х м а т о в а А. Указ. соч. С. 167.

² П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 252-253.

³ Там же. С. 292.

ном знакомстве с "Повестями Белкина", и во взрослом возрасте¹. Правда, отсюда до понимания авторского замысла - "дистанции огромного размера". Читатель должен ("кто имеет уши слышать, да слышит") разгадать символический смысл повестей-притчей, и тогда они осветят ему его собственный жизненный путь, тогда он обретет в них опору и утешение. Ну, а те, кто не проникнут в "Повести Белкина", за пределы их внешнего сюжета, прочтут более или менее занимательные истории, написанные восхитительным языком и пробуждающие у большинства читателей неведомым для них образом "чувства добрые".

В предуведомлении "От издателя" в сноске выписаны "для любопытных изыскателей" "чин или звание и заглавные буквы имени и фамилии" тех, от кого "слышаны" "г. Белкиным" истории, переложенные им в повести. Можно подумать, что цель этой "библиографии" ограничивается тем, чтобы подчеркнуть "недостаток воображения" у сочинителя, объяснить колорит каждой повести ("военный" - в рассказанной "подполковником И.П.",

---

¹ Если не впадаем в эстетство и не усматриваем в них по преимуществу литературные пародии и чуть ли не самоценное утверждение реализма, если не впадаем в социологический фетишизм и не стремимся волюно или невольно прочесть их в духе ленинской концепции трех этапов освободительной борьбы в России. См., например, статью Н.Берковского <<О "Повестях Белкина">> в его книге "О русской литературе" (Л., 1985), где, в частности, утверждается: <<"Повести Белкина" вводят в мир . . . массовой России и массового человека в ней, озабоченного своими правами, - ему их не дано, и он их добивается>>; "Пушкин хочет воссоздать картину народно-национальной России, накапливающей силы для своего внутреннего освобождения"; "Победа Дуни - внешняя, декоративная. Победа одиночки не бывает истинной победой"; <<. . . Среди "маленьких вещей" необходимости, бытового принуждения - "маленькие вещи" свободы, и это кое-чего стоит, это обещает, что будет когда-то большая, массовая свобода>>; "Механизм . . . общественных и бытовых отношений, косность, традиционность их, уловляющие человека, приняты Пушкиным во внимание - без этого нельзя доведаться, какими силами побеждает новое и как оно может захватывать жизнь вглубь, а не только с ее поверхности"; <<Существо "Повестей Белкина" - пробуждение народной России, а воображаемый демократический читатель всеми интересами своей души не может не быть предан этому делу и этому замыслу, хоть и неясному для него вначале>>. (С. 7, 93, 107, 110.)

В книге С.Орлова "Болдинская осень" (Горький, 1962) написано: "Сюжеты повестей были подсказаны автору самой жизнью, и он создал их, намереваясь раскрыть красоту и нравственное благородство простых людей, обойденных удачей и счастьем в условиях самодержавия". (С. 27.) Там же (С. 29) к "Станционному зрителю" относится констатация: "Антисамодержавная . . . сущность повести несомненна".

"сентиментальный" - в историях "девицы К.И.Т.", "мещанский" - в "слышанных" от "титularного советника А.Г.Н." и "приказчика Б.В."), способствовать впечатлению подлинности сюжетов, предлагаемых вниманию читателей, и побудить последних к поискам реальных людей среди героев повестей и "рассказчиков". Однако, если бы роль этой "справки" сводилась ко всему перечисленному, она была бы внешней по отношению к художественной конструкции цикла и не помогала проникнуть в глубинные слои содержания. Будучи знакомы с мудрым лукавством Пушкина, мы должны предположить: невинное обращение к "любопытным изыскателям" уведомляет, что дойти до сути "сказок" нелегко, и одновременно заключает в себе загадки некоторых загадок. Забегая вперед, скажу, что "девица К.И.Т.", например, является древним символом спасительной Судьбы и духовного возрождения. С одной из "ее" историй, а именно с "Метели", я и начну разбор цикла. Но прежде нужно сделать еще несколько замечаний, относящихся ко всем "Повестям Белкина".

2

Герои в них - простые, не выдающиеся люди (исключение - Сильвио), представители всех сословий русского общества 1810 - 1820-х годов. (Обыкновенным, кротким, простодушным человеком является и сам Иван Петрович Белкин.) Почти ко всем ним судьба милостива. Все это составляет разительный контраст с написанными тогда же в Болдине "Маленькими трагедиями": там герои - люди выдающиеся, и судьба у них у всех трагична. Вспомним изречение Шатобриана, полюбившееся Пушкину и неоднократно им повторявшееся: "Счастье можно найти лишь на исхоженных дорогах". Вникнем еще раз в то, что в связи с этой мыслью говорится в письме к Кривцову: "Молодость моя прошла шумно и бесплодно (здесь и далее выделено мною. - А.К.-Р.). До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. < . . . > В тридцать лет люди обыкновенно женятся - я поступаю как люди . . ." Значит, чтобы жить счастливо и плодотворно, надо жить тихо, "как обыкновенно живут", то есть как живут нормальные, обыкновенные люди, даже если ты гений, ибо талант налагает свои обязанности, но не освобождает от прочих. Гениален и нормален пушкинский Моцарт. Таким был и Пушкин. В автобиографическом "Отрывке" (Болдино, 26.10 1830) он подчеркивал: "Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец". В "Отрывке" говорится о том, сколь досаждала пушкинскому "приятелю" слава. "Поступая как люди" и вступая в брак, Пушкин желал жить в своей семье не как

художник, "числящийся по России" (им он себя сознавал и без женитьбы), а как обыкновенный человек: любить избранную им женщину и быть любимым ею, воспитывать детей, испытывать семейные радости и горести.

Нет счастья без чистой совести¹, "независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и бурями судьбы"², но одно дело - чувство собственного достоинства, гордый девиз "читать самого себя", и совсем другое - гордыня. К 1830 г. Пушкин сполна был научен горьким опытом за эйфорию (см. главу "Судьба одного стихотворения" в книге В. Непомнящего "Поэзия и судьба"), овладевшую им в 1826-1827 гг., после того как он, создав "Бориса Годунова" и "Пророка", поднялся на грандиозную высоту в творчестве, затем был вызван из ссылки к Николаю I, беседу с которым посчитал залогом своего чуть ли не безмерного влияния на современное ему русское общество. Такому настроению вчерашнего изгнанника способствовала также восторженная встреча его читающей Россией, пришедшая к нему ненадолго при жизни небывала дотеле у отечественных литераторов слава, которая заметно угасла уже в 1828-1829 гг. С тех пор он неустанно боролся с соблазном любоначала (см. стихотворение 1836 г., переложение великопостной молитвы святого Ефрема Сирина), под которым с древних времен "разумелась любовь к власти, в особенности - соблазн духовного владычества, ведущий к самопревознесению, к смертному греху гордыни"³.

---

¹ О проблеме совести как центральной в творчестве Пушкина см. указ. соч. В. Непомнящего.

² П у ш к и н А.С. Т. 7. С. 286.

³ Н е п о м н я щ и й В. Указ. соч. С. 124.

"Не я ль язык твой одарил *Могучей властью над умами?*" - говорит аллах в "Подражаниях Корану".

<<Сознание своей *могучей власти над умами* не прошло для автора "Подражаний Корану" бесследно и безболезненно, соблазн преодолеть не удалось. И в одном из последних в своей жизни стихотворений он вводит в переложение молитвы, которая "Всех чаще . . . приходит на уста", усиление в том месте, где именуется грех, всего более страшный его: " - Любоначала, змеи сокрытой сей" (в оригинале - " . . . любоначала . . . не даждь ми". - А.К.-Р.).

Не здесь ли, в этой высокой и смиренной молитве, стоящей почти рядом с "Памятником", с его "милостью к падшим", подводится духовный итог многолетнего - на всю жизнь - внутреннего диалога, сложных и столь часто мучительных отношений смертного человека со своим бессмертным даром!>> (Там же. С. 125.)

Противоположность гордыни - смирение. Среди его проявлений - принятие мира и своей судьбы. Сколь часто то, что мы воспринимаем поначалу как горчайшее испытание, оказывается для нас величайшим благом. Пушкин имел случаи в этом убедиться. Например, ссылка в Михайловское обернулась не безжалостным ударом судьбы, а ее щедрым даром. То же можно сказать о болдинском заточении Пушкина в холерном 1830 г. Смирение человека - необходимое условие его счастья. Такова одна из основных мыслей "Повестей Белкина", где почти все совершается против воли героев - к их счастью. Поэтому "маленький человек", герой "белкинского" цикла - еще и символ того, что человек мал, слаб и неразумен перед лицом высшей воли. Счастье, полагал Пушкин, невозможно, если нет семейного очага, который начинается с любви и свадьбы, и в каждой повести звучит мотив свадьбы (даже в "Гробовщике", где Адриан Прохоров гуляет на серебряной свадьбе Готлиба Шульца).

"Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак безнравственности", - высказывает мысль автора персонаж отрывка "Гости съезжались на дачу", названный "русским". Не может быть святости семьи там, где "дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед настоящим"¹. Чувство дома для Пушкина включает в себя "Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам". (В черновике этого стихотворного отрывка содержится следующий смысловой ряд: "Они священны человеку . . . И ты, к отечеству любовь . . . Святыня . . . Семья . . ."). Для зрелого Пушкина в широком смысле домом, вне которого он не мыслил счастья, было Отечество (замысел "поэтического побега" в чужие края он давно оставил). Жизненный уклад этого Дома был ему бесконечно дорог. Бытовые устои, которые нужно соблюдать, если хочешь "поступать как люди", Пушкину были дороги постольку, поскольку в них воплощены вековые нравственные устои, живущие в народном сознании (в сознании людей различных сословий, составляющих народ). Всем этим объясняются неслыханный дотоле в русской литературе "бытовизм" "Повестей", обилие с любовью написанных картин из жизни русской провинции, большое драма тургическое значение бытовых законов. Так, "Метель", "Барышня-крестьянка" и "Станционный смотритель" косвенно подтверждают ту старую "бытовую" истину, что супружеское счастье легче обрести людям одного круга, что желательнее вступать в брак, имея на то родительское благословение.

---

¹ Пушкин А.С. Т. 7. С. 136.

Образ, казалось бы, жестокой, а на самом деле спасительной судьбы, хранящей героев от исполнения их желаний, в "Метели" обнаружить легче, чем в других повестях. Не случайно именно "Метель" была во многом понята первой из них. Это сделал М.Гершензон¹.

Метель не позволяет совершиться одному браку и вместо него учиняет другой, подменив жениха. Судьба мгновенно разлучает молодоженов, не дав им даже запомнить друг друга в лицо. Через три с лишним года они встречаются в другом краю, рождается взаимная любовь, каждый из них втайне от другого знает, что обвенчан неведомо с кем и не может надеяться на счастье, тем не менее происходит объяснение в любви, и выясняется, что они - муж и жена.

Уже в михайловской ссылке возник "Зимний вечер", где снежная буря при всей пейзажной достоверности - метафора жизненной бури, что делает метафорическим и "путника".

И туча у Пушкина - не только деталь пейзажа, но и метафора ("Предчувствие" - 1828; "Туча" - 1835; "Бесы" - 1830, Болдино). В "Капитанской дочке" (глава "Буран") "на краю неба белое облачко" "предвещало бурю", стремительному приближению которой не поверил Петруша Гринев; но <<облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег - и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл, сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. "Ну, барин, - закричал ямщик, - беда: буран!". >>

В "Бесах", "Метели" и "Капитанской дочке" метель, изображение которой принадлежит к шедеврам реалистического пейзажа, является символом судьбы, бури в житейском море. Гершензон обнаружил удивительное сходство между метелью (ее описанием и символикой) в "Бесах" и в повести Белкина. Непомнящий сделал то же в отношении "Бесов" и "Капитанской дочки". Мне необходимо сравнить все три метели и дополнить наблюдения Гершензона и Непомнящего.

---

¹ См.: Гершензон М. "Метель" // Мудрость Пушкина. М., 1919

"Метель"	"Капитанская дочка"	"Бесы"
<p>Но едва Владимир выехал за околицу, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел</p>	<p>Ветер завыл; сделалась метель... Все исчезло</p>	<p>Еду, еду в чистом поле... Вьюга мне слипает очи...</p>
<p>...Окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу</p>	<p>... Мгла кругом... Я ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели</p>	<p>Невидимкою луна освещает снег летучий; Мутно небо, ночь мутна.</p>
<p>Лошадь начинала уставать... Лошадь его чуть ступала</p>	<p>Лошади шли шагом.. и скоро стали</p>	<p>... Вьются тучи... сил нам нет кружиться доле... В поле бес нас водит, видно, Да кружит по сторонам</p>
<p>В одну минуту дорогу занесло... Владимир... напрасно хотел снова попасть на дорогу</p>	<p>Да что ехать? - отвечал он, слезая с облучка, - невесть и так куда заехали: дороги нет...</p>	<p>... Коням, барин, тяжело... ... Колокольчик вдруг умолк</p> <p>Все дороги занесло; Хоть убей, следа не видно; Сбились мы...</p>

"Метель"	"Капитанская дочка"	"Бесы"
<p>... Ветер выл, ставки тряслись и стучали...</p> <p>... Ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу...</p> <p>Все сугробы, да овраги; поминутно сани опрокидывались</p> <p>... безобразные ... видения неслись перед нею одно за другим</p> <p>Владимир с ужасом увидел, что заехал в незнакомый лес... Отчаяние овладело им...</p>	<p>Ветер завыл... Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным</p> <p>Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг</p> <p>Ну, барин, - закричал ямщик, - беда: буран!..</p>	<p>(Пейзаж в "Бесах" - тоже одушевленный)</p> <p>Вон - теперь в овраг толкает Одичалого коня...</p> <p>Вот уж он далеке скачет; Лишь глаза во тьме горят...</p> <p>Вижу: духи собрались Средь белеющих равнин. Бесконечны, безобразны, В мутной месяца игре Закружились бесы разны Будто листья в ноябре...</p> <p>Сбились мы. Что делать нам!</p>

"Метель"	"Капитанская дочка"	"Бесы"
<p>"Далеко ли Жадрино?" - "Жадрино-то далеко ли?" - "Да, да! Далеко ли?" - "Недалече; верст десяток будет". При сем ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти</p> <p>Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда¹</p> <p>Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать и уверился, что</p>	<p>Вдруг увидел я что-то черное. "Эй, ящик! - кричал я, - смотри: что там такое чернеется?" <...> "А бог знает... воз не воз, дерево не дерево... Должно быть, или волк, или человек"</p> <p>"... Сворачивай вправо да поезжай". <...> Я велел ящику ехать</p>	<p>"Что там в поле?" - "Кто их знает? Пень или волк?"</p>

¹ В стихотворении бес "верстою небывалой" "торчал" перед путником, в "Метели" он, по выражению Гершензона, "встает небывалой и обманчивой рощей", где Владимир находит дорогу, увозящую его из-под венца. И в "Капитанской дочке", и в "Метели" герою находится вожатый. В повести это - "парень с дубиною", который приводит Владимира в Жадрино, чтобы он узнал, что его невеста обвенчана с другим.

"Метель"	"Капитанская дочка"	"Бесы"
<p>должно было взять ему вправо</p> <p>В начале 1812 года¹, - сказал Бурмин, - я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ящики советовали мне преждать. Я их послушался; но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю</p>	<p>Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее</p>	

¹ В "Метели", "Капитанской дочке" и даже "Бесах" метель является знаменем бури в жизни не только героев, но и всей России. (На с. 222-223 указ. соч. В. Непомнящего отмечается, что в грозной строке "Сбились мы. Что делать нам!" «соединилось многое. Всего за полгода до "Бесов" Чаадаев писал Пушкину: "Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России">>.) В таком значении символ метели не раз вновь появлялся в отечественной литературе: например, в поэме Блока "Двенадцать", в романе Булгакова "Белая гвардия", в романе Пастернака "Доктор Живаго", в поэме Твардовского "По праву памяти".

Перекличек тьма. В трех произведениях перед нами один и тот же образ метели. К отмеченному выше надо прибавить еще несколько наблюдений.

С метелью связан мотив свадьбы. Бесы хоронят домового (хранителя семейного очага) и выдают замуж ведьму. Метель ведет Владимира прочь от свадьбы, а Бурмина - под венец; они о том не ведают и оба лихорадочно торопятся. Савельич выговаривает Гриневу: "И куда спешим? Добро бы на свадьбу!" Однако не угоди они в буран, Гринев не был бы впоследствии дважды спасен Пугачевым и не смог бы с его благословения увести из швабринского узилища Машу Миронову. Савельич в этом случае, как и в ряде других, спроста оказался пророком: Гринев волею судьбы спешил-таки на свадьбу.

В повести и романе метель - морская стихия; живописуя метель, Пушкин уподобляет движение возка, застигнутого метелью, плаванью по морю в шторм:

"В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем".

"Снег засыпал (как вода заливает. - *А.К.-Р.*) меня и Савельича".

"Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это было похоже на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил цинковку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пеннем бури и качкою тихой езды".

". . . лошадь . . . поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму, сани поминутно опрокидывались" (как лодка); "Владимир старался только не потерять настоящего направления" (так держат курс в открытом море); "Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами" (провалами между океанскими валами); "Но он ехал, ехал, а полю не видно было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались . . ."

Именно уподобление метели морской стихии рождает символический образ разбушевавшегося житейского моря:

4.

Враждебна ли эта стихия Владимиру?

Он, "бедный армейский прапорщик", и девушка, которая "считалась богатой невестой", искренне верили в то, что не могут жить друг без друга. Но влюбленность их была книжной, внушенной чтением сентименталистской литературы. Словно сошедшей со страниц романа мы видим "стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу", которая "была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена". "Пред-

мет, избранный ею", был во вкусе ее любимых героинь. Поведение своих родителей, запретивших ей и думать о Владимире, она восприняла как звено романического сюжета. Далее молодые люди старательно следовали литературным образцам, главным образом - упомянутому в "Метели" вскользь (все такие намеки и цитаты в цикле имеют концепционное значение) роману в письмах Ж-Ж. Руссо "Юлия, или Новая Элоиза". Если Юлия, дочь богатого барона, ответила взаимностью на пламенное чувство Сен-Пре, ее учителя из семьи немущих разночинцев, то Марья Гавриловна влюбилась в "бедного армейского прапорщика", который "пылал равною страстию". В обоих случаях роман героев развивался втайне от родителей девушки, не допускавших мысли о таком муже для их дочери.

Книга Руссо то и дело пародируется Пушкиным и косвенно охарактеризована им как приторно чувствительная и безнравственная (несмотря на многословное морализирование, которому предаются ее героини).

"Наши любовники были в переписке и всякий день видались наедине в сосновой роще¹ или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения². Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей (сам Пушкин неизменно называет их добрыми - А.К.-Р.) препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без нее?³. Разумеется, что эта

¹ "Приютом любви" и свидетелем первого поцелуя Юлии и Сен-Пре была роща.

² Сосчитать "клятвы в вечной любви" Юлии и Сен-Пре и сделанные ими "различные предположения" было бы затруднительно. Сетования же Марьи Гавриловны и Владимира Николаевича на судьбу образуют "контрапункт" со словами Юлии (ч. 2, письмо VII): "Пускай весь мир знает о моих нежных чувствах, только бы ты на миг не усомнился в них, ибо твои упреки мне горше позора. <...> Зачем упрекать за мнимые обиды? Будем же сетовать на судьбу, но только не на любовь".

³ "Что весьма естественно", "они дошли до рассуждения", заимствованного у милорда Бомстона, который выступил в роли свата Сен-Пре перед неумолимым отцом Юлии. Бомстон писал Кларе, кузине Юлии и поверенной ее любви: "Почему же какой-то бессмысленный предрассудок изменил пути Провидения и нарушил гармонический союз двух мыслящих существ? Почему тщеславие жестокого отца . . . заставило два нежных и добродетельных сердца . . . стелать и лить слезы? < . . . > Если бы от меня зависело соединить наших влюбленных, вопреки воле вздорного старика, я бы, разумеется, довершил предопределенное свыше, не считаясь с мнением света" (ч. 2, письмо II).

счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания, но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно (!), будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: Дети! придите в наши объятия" ¹.

Осуществись этот поистине детский план, произошло бы непоправимое: супружество не выдержало бы испытания жизнью и тогда бы открылось, "какие розы им заготовил Гименей".

Примечательно, что Владимир, готовясь похитить Машу, мечется словно угорелый и даже в день свадьбы ни секунды не думает об ответственности, которую он собирает на себя взять. "Целый день Владимир был в разъезде. Утром он был у жадринского священника; насилиу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками." (В свидетели он берет посторонних и крайне легкомысленных людей) "Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит в **усах и шпорах** ² и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы ³. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для

---

¹ "Эта счастливая мысль" "сперва пришла к голову" Владимиру потому, что он "играет роль" Сен-Пре, который во многих письмах умолял Юлию "предаться ему" и бежать с ним. Например: "Я способен на все, кроме одного: я не в силах отказаться от тебя. И чего бы только ни сделал я, да, чего бы ни сделал, только бы обладать тобою или же умереть. <...> Ты пренебрегаешь единственной возможностью достигнуть цели; . . . Твоя добродетель становится просто-напросто сумасбродством. <...> Приди, о душа моя, в объятия своего друга . . . Приди, и пред лицом неба, покровителя нашего бегства, свидетеля наших клятв, мы дадим обет жить и умереть друг для друга" (ч. 1, письмо XXVI).

² Слово в гриме и театральном костюме.

³ У него, конечно, сердце замирало от перспективы участвовать в столь романическом приключении.

него жизнью¹. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой готовить

Путь Владимира в Жадрино страшен, и страшное известие ожидало его там. Но, как говорилось, метель избавила его от горшего зла: он не сумел бы преодолеть пропасть между "литературой" и жизнью и погубил бы себя и Машу. Это явствует помимо прочего из того, как он повел себя, когда находившиеся в счастливом неведении относительно замужества дочери ненарадковские помещики, напуганные ее болезнью, "положили послать за ним и объявить неожиданное счастье: согласие на брак"². "В ответ на их приглашение они получили от него по-

¹ Такие клятвы в духе "Новой Элоизы". Через несколько часов эти свидетели, перепуганные, позволят самозванному супругу Марьи Гавриловны беспрепятственно выйти из церкви.

² Как мы помним, через сутки после тайного венчания у Маши "открылась сильная горячка" и бедная больная две недели находилась у края гроба". Все, кто был причастен к ее тайне, "были скромны, и недаром . <...> Таким образом тайна была сохранена более чем полудожной заговорщиков". Ср. с этим письмо Клары к Сен-Пре (ч. 3, письмо I): "Надобно навсегда скрыть ужасную тайну ... - благо, по милости самого Господа, все обошлось без ощутимых последствий. К тайне причастны шестеро - все люди надежные". Ср. с той же ситуацией в "Метели" еще одно письмо Клары к Сен-Пре (ч.1, письмо ХХУП): "Милая Юлия при смерти, она не проживет и двух дней. Так тягостна была ей разлука с вами, что ее здоровье надломилось; разговор с отцом подействовал на нее еще сильнее; другие - недавние - огорчения расстрожили ее еще больше, и все довершило ваше последнее письмо (с угрозой покончить жизнь самоубийством - А.К.-Р.). Она была так взволнована, что провела ночь в ужасной душевной борьбе и вчера заболела горячкой; ей становилось все хуже, и, наконец, она стала бредить. В забытьи она то и дело произносит ваше имя и говорит о вас с такой нежностью, что нетрудно понять, до чего вы завладели ее помыслами. Отца стараются к ней не допускать. Очевидно, тетюшка кое о чем подозревает. <...> Жизнь ее дочери в опасности, и думаю, что тетюшка на время забыла обо всем остальном и была бы не против того, чтобы вы у нас появились. Приезжайте немедленно. Ср. с этим: "Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреде высказывала свою тайну. Однако ж, слова ее были столь несообразны, что мать, не отходявшая от ее постели, могла понять из них только то, что дочь ее смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиной ее болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что <...> суженого конем не объедешь" и т.д.

Однако, героям повести пока невдомек, что судьба Марьи Гавриловны уже решена, что она обвенчана со своим суженым. Вывод ненарадковских помещиков и их соседей: "Видно такова была судьба Марьи Гавриловны" - верен, но именно в том значении, которое представлялось им несообразным.

лусумасшедшее письмо!" Он бы мог, не впадая в патетику, ответить, что, к его несчастью, этот брак невозможен, что он не должен более видеть их дочь, - словом, пусть прослыть сумасшедшим, но повести себя нормально, как это сделал три года спустя в объяснении с Марьей Гавриловной Бурмин, собиравшийся удалиться, с тем чтобы ее "милый образ" был "мучением и отрадой" его жизни, но вовсе не стремившийся в могилу. Владимир же, свихнувшись на "литературе", объявил Гавриле Гавриловичу и Прасковье Петровне, что "нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою"¹. И милосердная Судьба, выбравшая для Владимира из двух зол меньшее, послала ему смерть, перед тем дав ему возможность проявить лучшее, что в нем было: он отличился и был тяжело ранен под Бородином и "умер в Москве, накануне вступления французов" (скончался не в плену и не узнав о сдаче столицы - и в этом судьба его пощадила). Смерть в бою Пушкин почитал завидною. Вспомним "Путешествие в Арзрум": "Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна". Но лучший комментарий в пушкинском творчестве к смерти Владимира - концовка "Рославлева": <<"Ты не знаешь?" сказала мне Полина с видом вдохновенным, - твой брат . . . он счастлив, он не в плену - радуйся: он убит за спасение России".

Я вскрикнула и упала без чувств в ее объятия...>>

И Маша упала в обморок, получив известие о Владимире.

Судьба пощадила его чувство к Маше, не позволив ему совершить зло, и даровала ему героическую смерть. Маша "берегла все, что могло его напомнить <...>. Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды". Траур "этой девственной Артемизы" продолжался более трех лет. Большого нельзя было бы требовать даже от супруги Владимира. Он и Маша остались чисты друг перед другом.

---

¹ "Прототипом" этого "полусумасшедшего письма" являются стенания Сен-Пре, разлученного с Юлией по ее воле (ч. 2, приложение к письму II): "Почему мне нельзя было увидеться с вами перед отъездом? Или вы боялись, что я умру, расставаясь? О сердобольная, разуверьтесь. Я чувствую себя хорошо . . . не страдаю . . . еще жив . . . думаю о вас . . . думаю о том времени, когда был дорог вам . . . сердце у меня ноет . . . коляска укачивает . . . я в унынии . . . не могу ничего писать нынче. Быть может, завтра прибавится сил . . . или я уже не буду в них нуждаться."

Героиня повести сродни Татьяне Лариной, Маше Троекуровой и Маше Мироновой. "Но я другому отдана; я буду век ему верна"; "Нет . . . Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского", - ответили тем, кого они любят, первые две героини. То же (я обвечана не знаю с кем, но буду ему верна) готова сказать Маша Р* Бурмину. Ей по справедливости достается счастье.

Вспомним, как она к нему приходит.

5.

Согласившись после долгих колебаний на мольбу Владимира бежать с ним и венчаться тайно, она продолжает вести себя как "героиня романа". Марья Гавриловна "написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, ее подруге¹, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой поступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшей минутою жизни она почтет ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших ее родителей". Оба письма она запечатала "тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью".

Однако Марья Гавриловна "накануне решительного дня", когда она "не спала всю ночь", не только писала письма, но и "укладывалась, увязывала белье и платье". Чистая и наивная девочка, пускаясь в книжную авантюру, серьезно готовится к новой жизни, а ведь куда романтичнее было бы убежать налегке (вспомним о собольем тулупе, данном Долоховым Анатолю Курагину для похищения Наташи Ростовой).

Оказывается, ее обращение к родителям было не только данью книжной традиции, ибо ее начинает мучить совесть (с пробуждения совести и начинается ее путь: через испытания - к счастью). ". . . Она бросилась на постель перед самым рассве-

¹ Конечно, эта неведомая нам наперсница любовных тайн героини - "тень" Клары из романа Руссо. Некоторое представление о послании Марьи Гавриловны к своей чувствительной подруге дает одно из писем Юлии: "В разлуке с тобой мне опостылела жизнь, которую ты мне вернула! <...> Страсть, еще более пагубная, чем горячка и бред, ведет меня к погибели. Жестока! Покидаешь меня, хотя нужна мне, как никогда. Ты оставлешь меня на неделю, а быть может, не увидишь вовеки. Ах, если бы ты знала, что этот безумец посмел мне предложить! . . . И с какой настойчивостью . . . Чтoб я убежала! . . . Следовала за ним! . . . Чтoбы он похитил меня! . . ." (Ч. 1, письмо XXУП).

том и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали". Ее чуткая душа сказывается в том, что она видит вещий сон - как Татьяна Ларина и Гринев, "То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу в темное, бездонное подземелие¹ . . . и она летела с неизъяснимым замиранием сердца; то она видела Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться² . . . другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим".

В голове у Марьи Гавриловны пока властвует "литература". Поэтому ее совесть оживает, когда сознание дремлет. (Наяву она еще далека от нравственной позиции Маши Мионовой. Капитанская дочка не сетует на судьбу и на отца Гринева и отказывается выйти замуж за Петра Андреевича потому, что *ему* без отцовского благословения не будет счастья). В пророческом сне героини, как и в сне Гринева, встает проблема долга. Гринев, подойдя к умирающему отцу под благословение и увидев в постели весело поглядывающего на него мужика с черной бородой, не соглашался (и потом отказался наяву) поцеловать "ручку". Наяву он, преодолев искушения, остался верен завету отца, выраженному пословицей "Береги честь смолоду", - дважды спасенный Пугачевым и полюбивший его, он ради не только своего, но и Машиного спасения не поступился присягой. Душа Марьи Гавриловны разрывается между долгом дочери и долгом невесты³. Дело зашло слишком далеко. Сон вещий: отец скоро умрет, а Владимир погибнет. Как ни поступи она своею волей, смерть того или другого ляжет на ее совесть. И тут ее выручает метель.

¹ Вещий сон воплощен в образах, связанных с романом Руссо, где к Юлии обращены слова: "Тирания несговорчивого отца низвергнет вас в бездну" (ч. 2, письмо III).

² Это видение отчасти объяснимо тем, что Сен-Пре множество раз в письмах умолял Юлию поскорее с ним обвенчаться и рассуждал о самоубийстве.

³ Та же коллизия, что у Руссо. Получив от лорда Бомстона предложение бежать в Англию, обвенчаться там с Сен-Пре и жить в одном из имений названного пэра, Юлия ужасалась в письме к Кларе: "Если я останусь добродетельной, - послушание внушит мне одно, а верность другое; если буду следовать склонности сердца, кого же я предпочту - возлюбленного или отца? Увы! Покорствуя любви, покорствуя ли дочерней привязанности, я неминуемо ввергну в отчаяние либо того, либо другого. Принюсая себя в жертву долгу, я неминуемо свершу прегрешение; и каким бы путем я ни пошла, мне все равно суждено умереть жалкой преступницей".

Но перед этим автор покажет, что она стояла такого спасительного случая.

Поутру "она встала с непритворною головною болью. Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? - раздирали ее сердце". (Действительно, какую семью они с Владимиром по-детски жестоко порешили разрушить!) "Она старалась их успокоить, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, ее окружавшими. Подали ужинать; сердце ее сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили (на каждом шагу ей приходится расплачиваться за ложь - *А.К.-Р.*): она чуть не заплакала. Пришел в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала ее успокоиться. Все было готово. Через полчаса Маша должна была навеки оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь..."

"- **И для чего? Какая судьба ожидала ее?** -" (Эти слова, вырвавшиеся у Пушкина, вычеркнуты из черновой редакции).

"На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали¹; все казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме все утихло и заснуло (как хорошо в доме и как жалко собравшуюся с исконной женской заботой о семейной жизни, одевшуюся по-дорожному, безропотно идущую на дурацкое заклинание девочку, которую автор сейчас впервые назовет Машей - *А.К.-Р.*). Маша укуталась шалью, надела теплый капот, взяла в руки шапку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. **Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто сияясь остановить молодую преступницу.** Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и ее девушке усесться и уложить узлы и шапку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню **печению судьбы** и искусству Терешки-кучера, обратится к молодому нашему любовнику".

"Рассказать о том, как пеклась о ней судьба, - писал Гершензон, - значило рассказать не о ее путешествии, а о поездке Владимира, которого вела судьба, - вела не навстречу ей, а в сторону". **Но прежде чем сделать это, Пушкин, как мы помним,**

¹ Ср.: *Видит, на море черные бурж;*
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так вост и вост.

обрисовал вздорное поведение Владимира, улаживавшего свадьбу.

Показав затем, как метель не пустила Владимира под венец, Пушкин сразу же, едва скрывая удовлетворение, с нежностью сообщает о людях, от которых она отвела беду, переносит нас в уютный ненарадовский дом, для хозяев которого все осталось по-прежнему: <<Но возвратимся к **добрым ненарадовским** помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафроке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девочку узнать от Марьи Гавриловны, каково ее здоровье и как она почивала. Девочка возвратилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придет в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и маменькой.

"Что твоя голова, Маша?" - спросил Гаврила Гаврилович. "Лучше, папенька", - отвечала Маша. "Ты, верно, Маша, вчера угорела", - сказала Прасковья Петровна. "Может быть, маменька", - отвечала Маша.

День прошел благополучно, но в ночь Маша занемогла>>.

Ее венчание с неизвестным, ее болезнь, гибель Владимира и смерть отца - все это воспринимается "молодой преступницей" как заслуженные ею наказания. Испытания она переносит с честью: ". . . наследство не утешало ее; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться"; она чтит память Владимира. "Мать иногда уговаривала ее выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась". Автор снова, и уже до конца повести (за единственным исключением, о котором будет сказано), зовет ее по имени-отчеству: теперь она не "героиня романа" (хотя влияние литературы, на которой она воспитана, еще дает о себе знать) и не наивная девочка, а взрослый человек¹. Последним очистительным испытанием перед тем, как она обретет семейное счастье, становится ее встреча с Бурминым.

До этого она, искренний и честный человек, старалась не дать угаснуть своему чувству к Владимиру, которое к тому же помогало ей мириться со своей участью. Память Владимира "казалась свя-

---

¹ Такие вариации имени в зависимости от поведения персонажа аналогичны изменениям имени Григория Отрепьева в "Борисе Годунове", где в ремарках он предстает Григорием, Самозванцем, Димитрием, Лжедмитрием и Гришкой (см. главу "Наименее понятый жанр" в указ. соч. В.Непомнящего).

ценною для Маши (в последний раз она так названа, ибо она пытается сродниться с той Машей, какою она была прежде - А.К.-Р.); по крайней мере она берегла все, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее". В этом она следует не только примеру своих любимых героинь, но и нравственным требованиям жизни.

Ясно, что Марья Гавриловна вот-вот должна полюбить по-настоящему. И она "поступила как все": когда "война была со славою окончена" и "полки возвращались из-за границы", когда так "сильно билось русское сердце при слове *отечество*", и "русские женщины были тогда бесподобны", восторженно встречая победителей, когда "в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был еще сильнее", чем в обеих столицах, а "появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве"¹ - тогда "в замке" Марьи Гавриловны

---

¹ Говоря о русских женщинах, Пушкин влетает в изложение своей мысли цитату из "Горя от ума": "Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали!"

Как все цитаты у Пушкина, эта строка из монолога Чацкого должна быть истолкована в связи с контекстом оригинала:

- 1) И в женах, дочерях - к мундиру та же страсть!
- 2) Я сам к нему давно ль от нежности отрехся?!
- 3) Теперь уж в это мне ребячество не впасть,
- 4) Но кто б тогда за всеми не повлекся?
- 5) Когда из гвардии, иные от двора
- 6) Сюда на время приезжали, -
- 7) Кричали женщины: ура!
- 8) И в воздух чепчики бросали!

Весь этот отрывок включается в контекст "Метели" и наполняется новым смыслом. Первая, четвертая, седьмая и восьмая строки подчеркивают ту мысль, что, влюбившись в Бурмина, Марья Гавриловна "поступила как все"; вторая и третья строки напоминают об эволюции Пушкина, мечтавшего по выходе из Лицея о карьере военного; наконец, пятая и шестая строки обращены к "любопытным изыскателям" - они указывают на знатность Бурмина, на его службу в гвардии (эти две строки - комментарий к словам Бурмина о том, что в начале 1812 г. он возвращался в свой полк, находившийся в Вильне, где, как известно, встретили войну двор и гвардия), на его близость ко двору и на постоянное место жительства в Петербурге или в Москве (или попеременно в одной из столиц; кстати, так жил Пушкин, что немаловажно в свете того, что Бурмин, как мы выясним позднее, - персонаж автобиографический).

Как покажет анализ "Выстрела", Бурмин и граф Б*** - одно и то же лицо. Похоже на то, что он был настолько же богаче Марьи Гавриловны,

"в *** губернии", куда она с матушкой переехала из Ненарадова, "места печальных воспоминаний", явился "раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с интересной бедностию, как говорили тамошние барышни"¹, - и она его полюбила.

"Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны". Во Владимира она в свое время влюбилась, когда он "находился в отпуску в своей деревне" неподалеку от Ненарадова. В остальном Пушкин подчеркивает контраст между ее избранниками и ее романами с ними. Бурмин - не мальчик, но муж, человек богатый, родовитый и светски воспитанный. "Бурмин был в самом деле очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый". Блистательный образец такого ума нам знаком по письмам Пушкина к представительницам прекрасного пола. В отличие от книжного - вычурного и экзальтированного - ухаживания Владимира Николаевича поведение Бурмина с Марьей Гавриловной "было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера".

Это восхитительное замечание оттеняет "покорность общему закону" Марьи Гавриловны в ее отношении к Бурмину. Она "очень

насколько беднее ее был армейский прапорщик Владимир Николаевич: по контрасту с деревней последнего Ненарадово названо поместьем ("В конце 1811 года . . . жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**"; "Предмет, избранный ею, находился в отпуску в своей деревне"); в свою очередь, " ***ское поместье" семьи Р** превращается в деревню в сравнении с владениями Бурмина ("Он приехал в отпуск в свои поместья (обратим внимание на множественное число - А.К.-Р.), находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны"). Возможно, поэтому в начале повести сказано, что Марья Гавриловна "считалась богатой невестою". Вряд ли она считалась бы таковой и в высшем свете, к которому принадлежал Бурмин.

¹ "Интересная бедность" пленяет не столько повзрослевшую Марью Гавриловну, сколько юных "тамошних барышень", ищущих себе кумиров, подобных модным литературным героям (вспомним, как расспрашивала Настю об Алексее Берестове Лиза Муромская).

его отличала. При нем обыкновенная задумчивость ее оживлялась (романической героине, напротив, пристала бы усиленная задумчивость в присутствии "предмета, ею избранного" - А.К.-Р.). Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя ее поведение, сказал бы:

*Se amor non è che dunque? . . .*¹

В эпиграф к "Новой Элоизе" взяты два стиха из Петрарки; герои этого романа, выражая в письмах свои чувства, многократно цитируют Петрарку. Но Пушкин, приведя его строку, что внешне выглядит подражанием сентименталистскому роману, любезному сердцу Марьи Гавриловны и "девицы К.И.Т.", противопоставил Петрарку Руссо, свою героиню - Юлии.

Мы знаем, сколь высокий смысл вкладывал Пушкин в слово "поэт". Происходящее в душе героини он выражает словами одного из величайших поэтов, основоположника лирической поэзии Нового времени. Строка из сонета Петрарки, в котором говорится о могуществе любви, приведена как порука истинности чувства Марьи Гавриловны. Этой цитатой Пушкин также дает понять разницу между "французскими романами" и большой литературой, которая должна служить человеку путеводной звездой и которая находит поэзию не в чувствительных затеях, а в жизни (поэтична невыдуманная любовь Марьи Гавриловны к Бурмину, поэтичен ненарадковский быт . . .).

Сонет включен в контекст "Метели". Он служит комментарием к происходящему в душе Марьи Гавриловны и Бурмина и словно звучит из их уст, причем в сонете, как и в повести, морская буря (которой Пушкин уподобляет метель) есть метафора воли Судьбы.

*Коль не любовь сей жар, какой недуг
Меня знобит? Коль он - любовь, то что же
Любовь? Добро ль?.. Но эти муки, Боже! . .
Так злой огонь! . . А сладость этих мук! . .*

*На что ропщу, коль сам вступил в сей круг?
Коль им пленен, напрасны стоны. То же,
Что в жизни смерть - любовь. На боль похоже
Блаженство. "Страсть", "страданье" - тот же звук.*

*Призвал ли я иль принял поневоле
Чужую власть?.. Блуждает разум мой.
Я - утлый чем в стихийном произволе.*

---

¹ "Если это не любовь, так что же?" (стих из сонета СХХХII Петрарки из цикла "На жизнь Мадонны Лауры").

*И кормилица над праздною нет кормой.
Чего хочу, - с самим собой в расколе, -
Не знаю. В зной -дрожу: горю - зимой¹.*

Молчаливое указание на Петрарку (его имя не названо) как на образец поэта имеет в данном случае глубокий автобиографический смысл.

Большая часть созданного в Болдине так или иначе связана с женитьбой Пушкина. Как мы убедимся, образ Натальи Николаевны незримо присутствует во всех "Повестях Белкина", и в цикле есть скрытое посвящение ей. Пушкин полюбил ее самой чистой любовью из всех им пережитых. В эту пору ему стал особенно близок автор стихов "На жизнь Мадонны Лауры". Свою невесту Пушкин воспел в исполненном благоговения сонете ("В нем жар любви Петрарка воспевал") "М а д о н н а", который заканчивается так:

*Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.*

6

Коснувшись автобиографичности "Метели", постараюсь доказать, что прототип с нежностью написанного образа Марьи Гавриловны Р** (расшифровка аббревиатуры напрашивается: Pouchkine²) - Ольга Сергеевна Пушкина. Ее кормилицей была ставшая няней Александра и Льва Сергеевичей Арина Родионовна Яковлева. Вскоре после приезда в Михайловское опальный Пушкин назвал сестру в письме к Вяземской "небесным созданием"³. А.П.Керн вспоминала: "Я думаю, он никого истинно не любил кроме

---

¹ Перевод Вяч. Иванова.

² Замечу, что в сочетании с фамилией имя, отчество Р** и инициалы доброго патриарха ненарадковского дома, Гаврилы Гавриловича Р**, воспринимаются как напоминание о Гавриле Григорьевиче Пушкине, родством с которым поэт дорожил и которого сделал действующим лицом в "Борисе Годунове". О нем говорится также в набросках предисловия (30.1.1829) к "Борису Годунову", в автобиографическом отрывке (26.10.1830) и в так называемом "Начале автобиографии" (1830-е годы). У него было два сына и дочь, умершая девицей, - Марья Гавриловна. (См.: В е с е л о в с к и й С. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1990. С. 210.)

³ П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 81, 600.

няни своей и потом сестры”¹. По словам Л. Майкова, Пушкин к Ольге Сергеевне ”питал особую привязанность”². Когда в 1822 г. И.П. Липранди, друг Пушкина периода его южной ссылки, приехал в Петербург и навестил родных поэта, он заметил, что ”из всех интересовалась более знать об Александре Сергеевиче сестра его”³. В споре Пушкина с родителями, последовавшей после его приезда в Михайловское, она взяла сторону брата и, когда родители уехали, хотела остаться с ним зимовать (но он отверг такую жертву). ”Поэта друг, сестра и гений милый, - писал Вяземский в 1825 г. (”К О.С.П.”). - < . . . > Свети ему звездою безмятежной И в бурной мгле учащем, дружбой нежной Вливай покой в растерзанную грудь”.

Очевидно, Ольга Сергеевна была уже в младенчестве чувствительной натурой: Арина Родионовна прозвала ее ”занавесная ба-рышня”, так как девочке при кормлении грудью приходилось чем-нибудь закрывать глаза⁴.

<<Одна из гувернанток, мисс Белли, которую Ольга Сергеевна очень любила, учила ее английскому языку и читала с нею Шекспира; особенно высоко ставила Ольга Сергеевна ”Макбета”⁵>>. Она недурно рисовала, ее учителем был француз-эмигрант граф Ксавье де Местр.

Ольга Сергеевна обладала поэтическим дарованием, о чем можно судить по одному из стихотворений последних лет ее жизни (она скончалась в 1868 г.), написанному потерявшей возможность ходить и почти ослепшей старухой:

*Смерть! не страшлищем вижу тебя!
Вижу тебя я с улыбкой приветливой;
Очи исполнены нежной любви;
Вижу тебя я в одежде, сияющей
Цветам весенних небес голубых;
Крылья распущены благоуханные,
Вея прохладю белы как снег;
Вижу вокруг тебя радугу ясную,
Ветвь примиренья во длани твоей!
Что же так медлишь полет свой, прекрасная? . . .⁶*

Ольга Сергеевна была воспитана главным образом на ”французских романах” (как ее братья и Марья Гавриловна). Она, ”как

¹ Цит. по: Л е р н е р Н. Сестра поэта // Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 7.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 27.

почти всякая девушка той эпохи, была настроена на романтический лад, чему, впрочем, способствовали ее природные наклонности. Она увлекалась спиритизмом, занималась столоверчением, изучала хиромантию, физиономику и френологию, сочинения Галля и Лафатера стали ее настольными книгами"¹. "С детства настроенная романтически, любившая одиночество, Ольга Сергеевна занималась чтением, причем особенно ее увлекали мистики. Она была хранительницей семейных преданий о какой-то белой женщине, двойнике, таинственных голосах и прочих чудесных происшествиях, игравших роль в жизни семьи Пушкиных. В середине века, когда вся Россия занялась столоверчением, увлеклась им и Ольга Сергеевна. Ей казалось, что она беседует с тенью брата Александра, которая приказала ей сжечь ее записки, что она и исполнила"².

Ольгу Сергеевну, вспоминал Вяземский; "красивой нельзя было назвать, но она была недурна собою, - в мать, - и благообразнее и красивее братьев своих"³. "Она прелестна, - писала в 1826 г. Пушкину увлеченная им Анна Николаевна Вульф, - знаете, я нахожу, что она очень похожа на вас"⁴.

И.Дьяконов пишет, что в 1817 г. в Михайловском "Пушкин впервые ближе узнал свою сестру, задумчивую любительницу одиноких прогулок и французских книжек, бледную и черноглазую, постарше Татьяны Лариной"⁵. Татьяна Ларина и Марья Гавриловна Р** - родственные героини; предположение Дьяконова, что сестра поэта была одним из прототипов Татьяны, небезосновательно, однако в словах Дьяконова в большей степени узнается "стройная, бледная и семнадцатилетняя девица", которая "была воспитана на французских романах".

Образ, очень близкий к Марье Гавриловне, мы видим в пушкинском стихотворении "К сестре" (1814), где, кстати, говорится о ее любви к Ж.-Ж.Руссо; в этом же стихотворении Ольга Сергеевна сравнивается со Светланой из баллады Жуковского, цитируемой в эпиграфе к "Метели".

"В литературе есть глухие упоминания о . . . безнадежной любви, неудачном романе"⁶ в пору ее юности или ранней молодости. "Наступил 1827-й год, - пишет Лернер, - и Ольга Сергеевне пошел тридцатый, - близился тот роковой возраст,

---

¹ См.: Л е р н е р Н. Указ. соч. С. 9.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 17-18.

⁵ См.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982, Т. X.

⁶ Друзья Пушкина. М., 1984. С. 43.

который окончательно переводит девушку в разряд старых дев. < . . . > Для нее, как и для всякой девушки ее круга и ее эпохи, замужество было единственным способом устроить свою судьбу; к тому же ее давно тяготила душная семейная обстановка, надоели французские романы, романсы, рукоделие, собачки, театр. Перестала удовлетворять сентиментальная дружба"¹. В 1828 г. Ольга Сергеевна вышла замуж за малосимпатичного Н.И.Павлищева, с которым она рассталась в начале 1830 г. и вернулась в родительский дом. В дальнейшем она почти не жила вместе с мужем².

История ее бракосочетания позволяет утверждать, что она - прототип героини "Метели". Согласно воспоминаниям М.П.Погодина "в 1827 г. старикам Пушкиным и их дочери на вечере у одних знакомых был представлен Николай Иванович Павлищев, небольшой чиновник коллегии иностранных дел, родом из бедных дворян, значительно моложе Ольги Сергеевны". Вскоре он сватался, "но родители отказали наотрез. Особенно была настроена против жениха Надежда Осиповна и даже приказала не принимать его больше (ср. : " . . . а его принимали хуже, нежели отставного заседателя"). Тогда Ольга Сергеевна обошлась без предварительного родительского согласия, ушла из дома и обвенчалась с Павлищевым"³.

"Свадьба совершилась, по-видимому, при очень странных обстоятельствах, и ей предшествовал ряд тяжелых семейных сцен", - считает Лернер. Приводимые им далее противоречащие друг другу версии, почерпнутые в мемуарах современников, удивительным образом все, кроме свидетельства А.П.Керн, в какой-то степени "входят" в "Метель". <<По словам хорошо знавшего семью Пушкиных графа М.А.Корфа, "Ольга Сергеевна ушла из родительского дома и тайно обвенчалась, просто из романтической причуды (как бы намек на "романическое воображение" Марьи Гавриловны - А.К.-Р.), не имея перед собою никаких существенных препятствий". Через несколько дней после свадьбы, состоявшейся 27 января 1828 г., Жуковский писал (скорее всего, со слов А.С.Пушкина - А.К.-Р.) А.А.Воейковой ("Светлане"): "Пушкина Ольга Сергеевна одним утром приходит к брату Александру и говорит ему: "Милый брат, поди скажи нашим общим родителям, что я вчера вышла замуж за . . . (не помню кого). (Поразительно! Слова Жуковского о незнакомом ему Павлищеве могла бы сказать наутро после венчания своим родителям и го-

¹ Л е р н е р Н. Указ. соч. С. 14.

² Там же. С. 15-16.

³ Там же. С. 14.

ворила затем им в бреду Марья Гавриловна - А.К.-Р.) Брат немного рассердился, но, как умный человек, тотчас увидел, что худой мир лучше доброй ссоры, и понес известие к родителям. Сергею Львовичу сделалось дурно. Привели цырюльника пустить кровь, и Пушкин замечает (убийственное замечание об отце, словно предвосхищающее намеки на него в жизнеописании Белкина, которое будет анализироваться в гл. 2. - А.К.-Р.), что отец его в беспамятстве горя поднял спор с цырюльником и начал учить его, как пускать кровь, но тем и кончил, и теперь все помирились" (ср: "Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец все единогласно решили, что суженого конем не объедешь" и т.д. - А.К.-Р.). Воейкова в письме к своему мужу выразила надежду, что Пушкин "на выходку сестры что-нибудь напишет" (Пушкин не только написал "Метель", но и взял к повести эпиграф из баллады Жуковского "Светлана", посвященной А.А.Протасовой, в замужестве Воейковой, причем в контекст повести входит, как мы убедимся, обращенное к Протасовой резюме "Светланы" - А.К.-Р.). Впоследствии гр. М.Д.Бутурлину, дальнему родственнику Пушкиных, рассказывали, "как странно выходила замуж за Павлищева Ольга Сергеевна", как она ушла однажды из дому и вскоре, вернувшись, объявила матери, что только что обвенчалась, а затем пошла в свою комнату и взялась за свое обычное занятие, рисование (Маша Р** тоже вышла однажды из дому, затем вернулась, а поутру вышла "здороваться с папенькой и маменькой"; наверное, она тоже после завтрака взялась за свои обычные занятия, ибо "день прошел благополучно" - А.К.-Р.). До П.И.Бартенева много лет спустя дошло известие, что Ольга Сергеевна с Павлищевым "обвенчалась тайно . . . они хотели избежать сантиментальности" (Марья Гавриловна с Владимиром Николаевичем, напротив, исповедуют культ сантимерта - А.К.-Р.). Их сын рассказывал, что после самовольного венчания, бывшего "в час пополуночи", Павлищев отвез Ольгу Сергеевну в родительский дом и сам отправился на свою холостую квартиру (в родительский дом Марья Гавриловну отвез, наверное, примерно в час пополуночи кучер Владимира Терешка, а сам бедный армейский прапорщик отправился "на свою холостую квартиру" - в свою деревеньку - А.К.-Р.), а утром Ольга Сергеевна послала за братом Александром, который немедленно приехал и "после трехчасовых переговоров" с родителями послал за Павлищевым. "Новобрачные упали к ногам родителей и получили прощение" (ср. с планом "наших любовников" "венчаться тайно" и "броситься потом к ногам родителей, которые . . . скажут им непременно: Дети! придите в наши объятия" - А.К.-Р.). Совсем не то рассказывает всегда точная и правдивая А.П.Керн (не могу понять, почему Лернер, а за ним и

многие другие решительно предпочитают свидетельство Керн свидетельству, например, Жуковского - А.К.-Р.), которая вместе с Александром Сергеевичем встречала и благословляла новобрачных в квартире Дельвига. Надежда Осиповна вручила ей икону и хлеб, просила ее быть посаженной матерью Ольги Сергеевны, и Керн поехала исполнять поручение вместе с Александром Сергеевичем в старой фамильной карете ее родителей. Пушкин был при этом "задумчив и грустен", как всегда "в торжественных случаях". Не стоит разбираться в достоверности тех или иных подробностей этой свадьбы, но ясно, что дело не обошлось без дрязг и неприятностей>> 1.

Последнее отрицается воспоминаниями Керн, в корне расходящимися с остальными многочисленными свидетельствами. Думаю, ее версия - ложь, цель которой - пресечь распространение скандальных слухов о замужестве сестры покойного поэта.

Ко всем приведенным доказательствам того, что прототипом Маши Р** явилась Ольга Сергеевна, добавлю, что по ее воспоминаниям в детстве общим их любимым с Александром развлечением был домашний театр. Наверное, она была единственным зрителем и критиком десяти-одиннадцатилетнего драматурга и актера. Сочиненную им на французском языке комедию "Похититель" она раскритиковала. Автор ответил ей французскими стихами:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre guteur
L'escamota de Moliere.

Скажи мне, почему "Похититель"
Освистан партерам?
Увы, потому, что бедный автор
Похитил его у Мольера.

В свою очередь, героиня "Метели" и ее неудачливый похититель "похитили" свой роман из "французских романов".

7

Но вернемся к будущим ненарадовским помещикам: Марье Гавриловне и Бурмину.

Каждый из них помнит, что связан нелепейшими брачными узами и не подозревает, что это страдание - последнее очистительное испытание перед их соединением в лоне семьи. (Путь очищения героини подробно прослежен автором, а о Бурмине мы узнаем, что он участвовал в Отечественной войне, был ранен и награжден за храбрость, что он из "ужасного повесы" превратился в "милого молодого человека . . . нрава тихого и скромного" и что он

¹ Л е р н е р Н. Указ. соч. С. 16.

мучительно раскаивается в "преступной проказе", в легкомысленной и жестокой шутке над неизвестной девушкой, которая теперь "так жестоко отомщена".)

Если в свое время инициатором романического побега Марьи Гавриловны был Владимир Николаевич, то теперь она сама готовит в высшей степени романическую и столь же немислимо счастливую для себя и Бурмина развязку. Она создает "сцену из романа", где "роли исполняют" она, ее матушка и Бурмин. Но в основе тут не "литература", а невинная женская слабость: любопытство.

"Но более всего . . . (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало ее любопытство и воображение (романическое, разумеется, но прежде названо любопытство - *А.К.-Р.*). Она не могла не сознаваться в том, что очень ему нравилась; вероятно, и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и еще не слыжала его признания? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинною любовью¹, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для нее загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностью и, смотря по обстоятельствам, даже нежностью. Она приуготовляла развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ее военные действия имели желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость (ср: "При нем обыкновенная задумчивость ее оживлялась" - *А.К.-Р.*) и черные глаза его с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ее наконец нашла себе достойного жениха". (Пушкин не забыл сообщить о радости Прасковьи Петровны, в частности, потому, что по народным понятиям, придерживаться которых учит "Метель", без благословения родителей, тем паче добрых, не может быть счастливого брака.)

---

¹ Ср. с письмом Пушкина к будущей теще, написанным за месяц до помолвки: "Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила: молва о них, к несчастью, широко распространилась < . . . > У меня не хватило мужества объясниться . . . первый раз в жизни я был робок . . ." (Пушкин А.С. Т. 10. С. 217-218, 633.)

<<Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпасьянс (!), как Бурмин вошел в комнату и тотчас (он "приутовлен" к "военным действиям" - А.К.-Р.) осведомился о Марье Гавриловне. "Она в саду, - отвечала старушка, - подите к ней, а я вас буду здесь ожидать". Бурмин пошел, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою (не у старой часовни, где она встречалась с Владимиром Николаевичем, но тоже в поэтическом уголке - А.К.-Р.), с книгою (!) в руке и в белом платье, настоящей героиней романа (!). После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор (это уже не только исполнение роли в сочиненной ею "пьесе", но и "режиссура" - А.К.-Р.), усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только незапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей свое сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу (наконец-то! - сейчас она распрощится с "книгой" и вступит в настоящую жизнь - А.К.-Р.) и потупила глаза в знак согласия>>.

"Идет к развязке дело!" - могли бы сказать про себя словами Дон Гуана Марья Гавриловна и Бурмин. Подоплека их объяснения может быть выражена словами из второго диалога Дон Гуана и Доны Анны:

" - . . . Я грешу, вас слушаю, - мне вас любить нельзя . . . - Не мучьте сердце Мне . . . вечным поминанием Супруга. Полно вам меня казнить, хоть казнь я заслужил, быть может. - Чем же? . . . Полюбив меня, Вы предо мной и перед небом правы. - . . . Не желайте знать Ужасную, убийственную тайну. - . . . Вы мучите меня. Я страх как любопытна . . ."

Схема этих двух сцен удивительно схожа, а суть столь же различна.

Бурмин невольно интригует Марью Гавриловну своим молчанием. Дон Гуан вдохновенно разжигает любопытство Доны Анны, которая, как и Марья Гавриловна, хранила не по любви, а по долгу верность покойному супругу (ведь и Маша Р** тоже, казалось бы, навек потеряла мужа). После выяснения Доной Анной тайны Дон Гуана их любовная связь была бы кощунственной. Бурмин, напротив, был бы по гроб жизни виноват перед Марьей Гавриловной и, наверное, даже перед Владимиром Николаевичем, если бы тайна Бурмина, которую она выпытывала, не оказалась бы и ее тайной и не открыла бы этим добрым людям, полюбившим друг друга на свое "несчастье", что они есть наконец-то встретившиеся супруги.

Дон Гуан во второй сцене с Доной Анной отчасти играет роль и выражается несколько театрально: "Дона Анна, Где твой кинжал? вот грудь моя"; только в конце трагедии его любовь (и мужество) проявляется во всей силе и искренности: в страшный миг он бросается (что заметила Ахматова) к Доне Анне, упавшей в обморок, и пытается привести ее в чувство, а затем погибает с ее именем на устах.

Ахматова писала, что в лице Дон Гуана "Пушкин карает самого себя - молодого, беспечного и грешного"¹. Среди подтверждений тому - противоположность трагедии "Каменный гость" стихотворению 1817 г. "К молодой вдове" ("Верь любви - невинны мы Нет, разгневанный ревнивец Не придет из вечной тьмы . . ."). Пушкин казнит в образе Дон Гуана не только себя молодого, но и себя за свои подвиги на любовном поприще, например, в 1828-1829 гг. Причем делает это в покаянную Болдинскую осень, в канун женьтибы.

В "Метели" автор спасает тоже наделенного автобиографическими чертами Бурмина, который "имел именно тот ум, который нравится женщинам", был в молодости "ужасным повесом" и жестоко раскаялся в этом (ср: "Кляню коварные старанья Преступной юности моей . . ." - 1830). Вместе с тем Пушкин спасает и его "молодую вдову", "девственную Артемизу", которая парадоксальным образом хранит ему верность, прерывая его объяснение в любви: "Я никогда не могла быть вашею женою . . ."

В объяснении с Марьей Гавриловной Бурмин, как и Дон Гуан во второй сцене с Доной Анной, говорит отчасти книжно, но, в отличие от Дон Гуана, не по своей воле, а будучи поставлен своей возлюбленной в романтическую ситуацию. Он ненароком сбивается на тот же роман Руссо (ч. 1, письмо I, послание от Сен-Пре к Юлии). Героям повести не до смеха, а для нас, помнящих о доброй Прасковье Петровне, у которой за гранпасьяном сердце замирает в ожидании развязки (она, наверное, загадала, что если он сойдется, то "дело сегодня же кончится!"), - для нас сейчас исполнена чудесного юмора даже ссылка в письме Сен-Пре на матушку Юлии: "Сомненья нет, я должен бежать от вас, сударыня! Напрасно я медлил, вернее, напрасно я встретил вас! Что же мне делать? Как быть? Вы мне посулили дружбу . . . Как вам известно, я появился у вас в доме лишь по воле вашей матушки . . . Поверьте, я никогда не позволю себе забыть . . . Между тем, я вас вижу ежедневно и замечаю, что вы, сами того не ведая, невинно обостряете мои страдания, о которых не можете сожалеть и которых не должны знать".

---

¹ А х м а т о в а А. Указ. соч. С. 108.

Завязка повести, пародирующая "Новую Элоизу", отражается в развязке, но с "обратным знаком" (это типично для Пушкина): теперь даже "французский роман" верой и правдой довершает дело, начатое метелью.

<<"Я вас люблю, - сказал Бурмин, - я вас люблю страстно . . ." (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову еще ниже.)"Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке видеть и слышать вас ежедневно . . ." (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux.) "Теперь уже поздно противиться судьбе моей (то есть метели - А.К.-Р.); воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду . . ." - "Она всегда существовала, - прервала с живостию Марья Гавриловна, - я никогда не могла быть вашей женою . . . ">>

И вдруг, в решительную минуту от "французского романа" не остается и следа! Сейчас мы услышим интонации и слова, предвосхищающие объяснение в любви Петра Гринева, наверное, самого дорогого Пушкину человека среди его героев-мужчин ("Милая, добрая Марья Ивановна, - сказал я ей, - будь моею женою, согласись на мое счастье"): <<"Знаю, - отвечал он ей тихо, - знаю¹, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований . . . Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать мое счастье, если бы . . . молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но - я несчастнейшее создание . . . я женат!"

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением (сюрприз жизни, не сравнимый с изобретениями самого буйного "романического воображения", лишает ее поведения тени "литературности". - А.К.-Р.).

- Я женат, - продолжал Бурмин, - я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли я свидеться с нею когда-нибудь!

- Что вы говорите? - воскликнула Марья Гавриловна, - как это странно! Продолжайте; я расскажу после . . . но продолжайте, сделайте милость>>.

Эта реплика позволяет судить (хотя до сих пор из уст героини мы слышали только: "Лучше, папенька" и "Может быть, мамень-

---

¹ Повторы, передающие короткое дыхание и сдерживаемое волнение человека, говорящего т и х о, создают разительный контраст с аффектированной речью персонажей "Новой Элоизы" и почти всех "героев-любовников" не только в литературе XVIII в., но и в современной Пушкину отечественной прозе.

ка" - и косвенно познакомились с несколькими фразами из ее письма к родителям) о том, сколь волшебным образом изменилась ее речь. Перед нами теперь замечательная русская женщина, которая благодаря испытаниям и любви обрела самое себя и приобщилась к животворящей этической стихии русской речи, заговорила искусственным, простым и интеллигентным, богатым и красивым родным языком.

Духовная эволюция Марьи Гавриловны, преодолевающей влияние французской литературы XVIII в., и язык, которым она заговорила, придают этой героине Пушкина автобиографические черты¹. Но, конечно, прежде всего это относится к Бурмину. Его рассказ, принадлежащий к недосыгаемым образцам пушкинской прозы, сообщает оставшуюся неизвестной читателю часть происшедшего в Жадрине и открывает нам глаза на то, как спасительная судьба в образе метели, отвергнув брак Маши Р** с Владимиром, привела к ней под венец Бурмина.

<< - В начале 1812 года, - сказал Бурмин, - я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель², и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить путь тремя верстами³. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не унималась, я увидел огонек и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. "Сюда! сюда!" - закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. "Помилуй, где ты замешкался? - сказал мне кто-то, - невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были

---

¹ Пушкин в своих поэмах и прозаических произведениях, не говоря уже о театральных, всегда не только лирический поэт, но и драматург. Его способность к перевоплощению, как известно, уникальна, и в частности, она проявилась в автопортретах, среди которых есть изображения себя стариком, женщиной, даже лошадью и псом.

² В этой цитате мною подчеркнуто по преимуществу то же, что Гершензон.

³ Три версты обернулись тремя годами, разделившими венчание и новую встречу героев.

ехать назад. Выходи же скорее". Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая терла ей виски. Старый священник подошел ко мне с вопросом: "Прикажете начинать?" - "Начинайте, начинайте, батюшка", - отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна . . . Непонятная, непростительная ветреность (почти "метельность" - А.К.-Р.) . . . я стал подле нее перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. "Поцелуйтесь", - сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное свое лицо. Я хотел было ее поцеловать . . . Она вскрикнула: "Ай, не он! не он! - и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: "Пошел!"

- Боже мой! - закричала Марья Гавриловна, - и вы не знаете, что сделалось с бедной вашей женою?

- Не знаю, - отвечал Бурмин, - не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции¹. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

- Боже мой, боже мой! - сказала (она дышит прерывисто; теперь и она "говорит тихо" - А.К.-Р.) Марья Гавриловна, схватив его за руку, - так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел . . . и бросился к ее ногам . . . >>

Последняя строка, подобная ремарке в пьесе, внешне выглядит "романическим" заключением истории, слышанной от чувствительной "девицы К.И.Т.". На самом деле это (как и "ремарка": "схватив его за руку") - блистательный образец "изображения физических движений страстей"², а также последняя деталь в осуществлении "военного плана" Марьи Гавриловны, которую мучил вопрос: "каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и не слыхала его признания?" Его признание увенчалось тем, что он "бросился к ее ногам".

---

¹ "Третья станция" - еще один "двойник" трех лет, по прошествии которых герои проснулись, то есть "прозрели" - узнали друг в друге супругов.

² "Молодые писатели, - сказал Пушкин тогда же в Болдине в заметках "Опровержения на критики", - вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Все это смешно, как мелодрама". (П у ш к и н А.С. Т. 7. С. 118.)

Еще пушкинские современники заметили, что "Метель" - своего рода вариация новеллы "Жених-призрак" В.Ирвинга, ценного Пушкиным американского писателя, остроумного мистификатора. В этой новелле граф фон Альтенбург едет из армии в замок барона фон Ландсдорфа (известного своим гостеприимством не менее, чем Гаврила Гаврилович Р**) на свою свадьбу с его единственной дочерью, которой он в глаза не видел (они были сговорены своими родителями, как Алексей Берестов и Лиза Муромская)¹. По пути он встретил товарища по оружию, Германа фон Штаркенфауста, славившегося "среди немецкого рыцарства необычайной силой и благороднейшим сердцем". Он тоже возвращался из армии. На них напали разбойники и смертельно ранили графа. <<Перед смертью он попросил своего друга немедленно отправиться в замок Ландсдорф и объявить роковую причину, из-за которой он не мог явиться к невесте в назначенный срок. Не будучи (в отличие от Владимира Николаевича - А.К.-Р.) чересчур страстно влюблен, он был человеком в высшей степени аккуратным, и теперь, видимо, его очень заботило, чтобы это поручение было быстро и учтиво выполнено. "Если это не будет сделано, - сказал он, - я не смогу спокойно спать в могиле". Он произнес эти слова с особой торжественностью. Просьбу умирающего, высказанную при столь трагических обстоятельствах, следовало уважить (в "Метели" судьба уважила заявление Владимира о том, что для него "смерть остается единою надеждою" - А.К.-Р.). Штаркенфауст постарался его успокоить: он обещал в точности выполнить его волю и в подтверждение своих слов протянул ему руку. Умирающий пожал ее и вскоре после этого впал в беспамятство. В бреду он говорил о невесте ("сюжетные мотивы" бреда те же, что у Марьи Гавриловны - А.К.-Р.), о своих обязательствах перед нею, о данном им слове, требовал, чтобы к нему подвели коня, на котором он сейчас же поскачет в замок Ландсдорф, и скончался, воображая, будто садится в седло>>. (Марья Гавриловна в своем сне видела "Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться...")

"Штаркенфауст вздохнул о безвременно погибшем товарище, смахнул с глаз скупую слезу солдата и предался размышлениям о весьма неприятной миссии, выпавшей на его долю. Он брался за нее с тяжелым сердцем и со смятением в мыслях, ибо ему предсто-

¹ Неслучайность перекличек не только с "Метелью", но и с другими "белкинскийми" повестями будет доказываться по преимуществу в гл. 2.

яло явиться в качестве незваного гостя к недругам" (барон "с наследственным упорством" поддерживал "старые родовые распри и вражду, завещанную ему прапрадедами", и находился "по этой причине в дурных отношениях с некоторыми из своих ближайших соседей", в том числе и с Штаркенфаустами; в этом отношении барону близок старший Берестов) "и омрачить их празднество роковым для их радужных упований известием. Впрочем в душе его пробудилось известное любопытство, и ему захотелось взглянуть на прославленную красавицу Кацеленбоген¹. < . . . > Нужно сказать, что он (как Бурмин до 1812 г. и Алексей Берестов, сердце которого, "как нам известно, было занято, но молодая красавица всегда имела право на его воображение" - А.К.-Р.) принадлежал к числу страстных поклонников женского пола, к тому же ему были свойственны эксцентричность и предприимчивость, так что любое приключение увлекало его до безумия".

Из-за столь трагического дорожного происшествия фон Штаркенфауст ужасно опоздал в замок и прибыл туда, когда уже "спустилась ночь" и "барон сошел с башни (откуда он высматривал гостя - А.К.-Р.) в отчаянии. Обед, который откладывался с часу на час, дольше не терпел отлагательства (как венчание в Жадрине - А.К.-Р.). Мясные кушанья перепрели, повар выходил из себя (как свидетели Владимира и нанятый им поп - А.К.-Р.), гости свои видом напоминали гарнизон крепости, сдавшийся из-за голода. Барону волей-неволей пришлось распорядиться подавать на стол, несмотря на отсутствие жениха. Но как раз в ту минуту, когда все, усевшись уже по местам, готовились приступить к долгожданному пиру, звук рога, раздавшийся у ворот, возвестил о прибытии путника". Естественно, он был, как Бурмин в Жадрине, принят за жениха и посажен за свадебный стол рядом с невестой, с которой они с первого взгляда полюбили друг друга. Он несколько раз пытался объяснить барону, с чем он приехал, но тот и слушать его не захотел, отложив деловые разговоры на потом. "Лицо его покрывала бледность (ср: ". . . явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с интересною бледностию), глаза его горели романтическим блеском (ср: ". . . черные глаза его с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне . . ."), на всем его облике лежала печать благородной грусти" (к чему стремился Алексей Берестов). Попав в двусмысленное положение и влюбившись не в свою невесту, фон Штаркенфауст впал в тоску, не буду-

---

¹ "Барон был последним отпрыском великого рода Кацеленбоген" - эта двойственность фамилии барона фон Ландсдорфа отражена в том, что (доказываться это будет в следующей главе) представители рода Р** и Бурмин (граф Б***) являются также Трафилинскими.

чи в силах "исполнить тяжелую обязанность", открыть ей "ужасную тайну и положить между" ними "непреодолимую преграду". Выход ему подсказал барон, который без умолку рассказывал "диковинные истории" и <<наконец . . . довел нескольких дам почти до истерики своей повестью о всаднике-призраке, похитившем прекрасную Ленору, - эта жуткая, но правдивая история переложена была впоследствии в великолепные стихи и обошла в таком виде весь свет (Ирвинг имеет в виду балладу "Ленора" немецкого поэта XVIII в. Г.-А.Бюргера - А.К.-Р.).

Жених выслушал повесть с глубоким вниманием. Он устремил на барона пристальный взгляд и, когда рассказ подошел к развязке, начал медленно подниматься с места; он становился все выше, и замороженному взору барона почудилось, будто он превратился чуть ли не в великана. Как только повесть была закончена, рыцарь тяжело вздохнул и торжественно попрощался с присутствующими . . . < . . . > "Этой ночью, - сказал он, - этой ночью мне надлежит почивать в другом месте. < . . . > Черви, черви ожидают меня. Я - мертвец. . . меня убили разбойники . . . мое тело покоится в Бюрцбурге . . . в полночь меня предадут погребению . . . меня ждет могила . . . я обязан сдержать обещание">>.

" . . . Наиболее грустным было, несомненно, положение овдовевшей невесты ("девственной Артемизы" - А.К.-Р.). < . . . > На вторые сутки своего вдовства она отправилась почивать к себе в комнату в сопровождении своей тетушки, пожелавшей провести ночь вместе с нею". В полночь в эту уединенную комнату, выходящую окнами в сад, "попились нежные, мелодичные звуки". Это музицировал жених-призрак, который смертельно напугал тетушку, удалившуюся в свою комнату, но ничуть не напугал племянницу, впервые в жизни послушавшуюся наставницу и не внявшую повелению ночевать в другом покое. Утром выяснилось, что призрак унес свою невесту с собой в могилу. Когда была снаряжена экспедиция для безнадежных поисков дочери барона, "на роскошно убранном иноходце к замку подъехала какая-то дама и сопровождающий ее верхом кавалер. Подскакав к воротам, она спешилась, бросилась в ноги (как задумывала "молодая преступница" Маша Р**) барону и прильнула к его коленям". Кавалер объявил, что он - Герман Штаркенфауст, и рассказал о гибели юного графа, о том, как барон невольно подсказал лже-женеху странный способ удалиться, как он, "из опасения перед старинною фамилиею распрей, стал повторять свои посещения тайно, как приходил в сад под окна юной девицы, как добивался ее взаимности, добился ее (далее сообщается о том, чего не удалось сделать Владимиру Николаевичу - А.К.-Р.), увез, наконец, красавицу из дому и, короче говоря, обвенчался с нею.

При других обстоятельствах барон был бы неумолим (как, скажем, старший Берестов, не прекратись его с Муромским "вражда старинная и глубоко укоренившаяся . . . от пугливости куцой кобылки"), ибо ревниво относился к своей родительской власти и, кроме того, отличался редким упрямством (ср: "Алексей знал, что если отец заберет себе что в голову, то уж того, по выражению Тараса Скотинина, у него и гвоздем не вышибешь"), если дело касалось застарелой семейной вражды. Но он любил свою дочь, он (как Самсон Вырин - А.К.Р.) оплакивал ее как погибшую и теперь радовался, обретя ее целой и невредимой. < . . . > Итак, все уладилось как нельзя лучше. Барон тут же на месте простил молодую чету" (возможно, он сказал: "Дети! придите в наши объятия"). Правда, одна из тетюшек "никак не могла примириться с мыслью, что страшный рассказ ее безнадежно испорчен и что единственный призрак, который случилось увидеть, оказался подделкой; что же касается ее юной племянницы, то она, по-видимому, была бесконечно счастлива, обнаружив, что призрак состоит из самой что ни на есть плоти и крови. **Здесь нашей повести - конец**". Этой "формулой", традиционной для сказок со счастливым концом, заканчиваются и "сказки", "изданные А.П.":

"- Ага! - сказал Муромский, - да у вас, кажется, дело совсем уже слажено . . .

Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку.

Конец повестям И.П. Белкина

В соответствии со своей задачей Пушкин переложил новеллу "Жених-призрак" на русский лад в не менее остроумной, но неизмеримо более серьезной и содержательной повести "Метель". Сюжетная схема прекрасной пародийной новеллы Ирвинга привлекла Пушкина возможностью показать, как "удары" судьбы оказываются ее благодеяниями.

9

Свободное переложение баллады Бюргера "Ленора", сюжетом которой "воспользовался" герой Ирвинга, - "Людмила" Жуковского. Вариацией "Людмилы" стала "Светлана", написанная в 1812 г. (как сказано в "Метели", "в эпоху нам достопамятную"). Светлана в конце 1810-х - в 1820-х годах почиталась идеалом русской лирической героини, и символично, что слова: "О, не знай сих страшных снов, Ты, моя Светлана!" - вынесенные в эпиграф к пятой главе "Евгения Онегина", обращены Пушкиным к его "верному идеалу". Упомянутая близость между Татьяной и Марьей Гавриловной выразилась, в частности, в том, что эпиграф к "Метели" взят тоже

из "Светланы" и тоже адресован героине. Правда, это обращение - тайное. Эпиграф, как все эпиграфы в цикле, в буквальном прочтении соотносится с "внешним сюжетом" повести. Он предвещает трагическую - такой она до самой развязки представляется героям и читателю - историю венчания в Жадрине:

*Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой . . .
Вот, в сторонке божий храм
Виден одинокой.
.....
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Ветфя над санями;
Вещий сон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотря в темну даль,
Воздымая гривы...*

Жуковский

Однако этот эпиграф, как все эпиграфы в цикле, имеет и совсем другой, главный смысл и указывает на "внутренний сюжет" притчи, на ее философско-этическую суть и автобиографическое значение.

Пушкинские эпиграфы, как известно, надо читать в контексте сочинения, из которого они взяты. Баллада Жуковского начинается с описания девичьих гаданий "в крещенский вечерок". Поздним вечером, сидя перед зеркалом, Светлана мечтает о далеком суженом и незаметно засыпает. Во сне к ней является жених, оказывающийся мертвецом. Светлана просыпается от ужаса и видит, что настало утро. За окном перед ней солнечный морозный пейзаж; звенит колокольчик, и на крыльцо входит статный гость - ее жених.

Явившись из "зачумленного" Болдина в Москву и преодолев последние препятствия к свадьбе, Пушкин до некоторой степени попал в положение вернувшегося к Светлане ее жениха, как и Бурмин, когда тот побледнел и бросился к ногам Марьи Гавриловны, вещий сон которой, оказывается, не имел отношения к ее истинному жениху, предназначенному ей судьбой (суженому); он-то остался жив, и встреча с ним обернулась для них не драмой, а счастьем.

*Что же твой, Светлана, сон,
· Прорицатель муки?
Друг с тобой: все тот же он
В опыте разлуки;*

*Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: мнози леты!*

Далее в балладе следует резюме. На него-то и указывает скрыто эпиграф к "Метели". В контексте повести оно становится обращением Пушкина к своей героине и к ее прототипу, то есть к Ольге Сергеевне, но прежде всего к невесте. Это тайное посвящение повести Наталье Николаевне. Кроме того, в этом резюме выражены ключевые для понимания "Метели", христианские по духу идеи: идея смирения человека перед лицом высшей воли, пекущейся о нем; мысль об иллюзорности сиюминутных представлений человека о том, что для него есть благо; утверждение тщеты славы, которая по сравнению с любовью - дым.

Путь Пушкина к такому мировоззрению отмечен влиянием Жуковского¹, которого он считал своим добрым гением. И если первые строфы последней главы "Онегина" (Болдино, 1830), ориентированные, что заметили В.Мильчина и А.Немзер², на стихотворение Жуковского "Я музу юную, бывало . . .", есть, по словам Непомнящего, описание духовного и творческого пути автора, даваемое "под знаком" Жуковского³, то эпиграф к "Метели", тайно указующий на резюме "Светланы", заключает в себе исполненное благодарности признание Пушкиным влияния старшего друга. Вспомнив, что в "арзамасском братстве" Жуковский прозывался Светланой, а Пушкин - Сверчком и что в сцене гаданья героиня баллады Жуковского слышит, как "Крикнул жалобно сверчок, Вестник полуночи", можно подытожить: включенное в контекст "Метели" резюме "Светланы" есть средоточие содержания повести, посвящение ее Пушкиным своей невесте и при этом обращение его не только к ней, но и к сестре, и к Жуковскому и пожелание им всем счастья:

¹ См.: Непомнящий В. Указ. соч. С. 322-324.

² См.: Вопросы литературы. 1981. С. 26.

³ Непомнящий В. Указ. соч. С. 324.

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы:
Слава - нас учили - дым;
Свет - судья лукавый.
Вот баллады толк мой;
"Лучший друг нам в жизни сей
Вера в Провиденье.
Благ Жиздителя закон:
Здесь несчастье - лживый сон;
Счастье - пробуждение".
О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана . . .
Будь, Создатель, ей Покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа - как ясный день;
А! да пронесется
Мимо - Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

10

Кто же такая "девица К.И.Т."?

Первое опубликованное стихотворение Пушкина-лицеиста - "Воспоминания в Царском Селе" - было подписано: "н.к.ш.п." (ракоход согласных, входящих в его фамилию). Такая аббревиатура подсказывает допустимость изъятия точек из той, что сообщена "издателем А.П." для "любопытных изыскателей". В результате такого "вычитания" мы получим слово КИТ.

В мифологических представлениях кит (и дельфин, принадлежащий к отряду китов) обычно фигурирует как чудовище рыбной породы. Рыба издревле выступала в преданиях и мифах о потопе как спаситель жизни (например, в индийской традиции она спасает от потопа прачеловека Ману). В Китае, Индии и некоторых других ареалах рыба - символ нового

рождения (духовного перерождения, возрождения). В согласии с этим библейские представления, что рыбу получит Мессия и разделит ее с праведниками в конце мира (в Талмуде Мессия обозначается как *Dag*, рыба). По-гречески слово "рыба" расшифровывалось как аббревиатура греческой формулы "Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель"; в новозаветной традиции рыба - символ чистоты, девы Марии. Христос иногда назывался в раннехристианской литературе "Рыбой", а христиане - "рыбаками" (последнее - отражение обещания, данного Христом рыбакам Петру и Андрею, сделать из них "ловцов человеков").

Смерть Иисуса Христа и его воскресение в третий день символически соотносится с ветхозаветным событием - с трехдневным пребыванием Ионы во чреве большой рыбы или, в славянском переводе Библии, кита. Книга пророка Ионы повествует о наказании, постигшем Иону за уклонение от исполнения воли Яхве, о его раскаянии и о милосердии Яхве.

"И было слово Господне к Ионе, сыну Амафиину: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня". Но Иона решил "бежать . . . от лица Господня", "пришел в Иоппию" (Яффу) "и нашел корабль, отправляющийся в Фарсис" (Испания). "Но Господь воздвиг на море крепкий ветер и сделалась на море великая буря" (ср: "Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел"; "Ветер завыл: сделалась метель"), "и корабль готов был разбиться". (Ср: "все сугробы, да овраги; поминутно сани опрокидывались"; "Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это было похоже на плавание судна по бурному морю".) "И устрашились корабельщики . . ." (То же сделали ямщик и Савельич: "Ну, барин, - закричал ямщик, - беда: буран! . . ."; "Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды".) "Иона же спустился во внутренность корабля, лег и крепко заснул".

Корабельщики-язычники, молившиеся каждый своему богу о спасении корабля, разбудили Иону, чтобы он делал то же, на что "он сказал им: возьмите меня и бросьте в море, и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря. Но эти люди начали усиленно грести, чтобы пристать к земле, но не могли, потому что море все продолжало бушевать против них" (ср: "Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу"). "Тогда воззвали они к Господу и сказали, молим Тебя, Господи, да не погибнем за душу человека сего, и да не вменишь нам кровь невинную; ибо Ты,

Господи, соделал, что угодно Тебе! И взяли Иону и бросили его в море, и утихло море от ярости своей. И устрашились эти люди Господа великим страхом, и принесли Господу жертву, и дали обеты.

И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи. И помолился Иона Господу Богу своему из чрева кита и сказал к Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня; из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой. Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною. И я сказал: отринут я от очей Твоих, однако я опять увижу святы́й храм Твой. Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травюю обвита была голова моя. До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада. Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святаго Твоего. Чтущие суетных и ложных богов оставили Милосердаго своего, а я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню: у Господа спасение! И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу”.

После вторичного повеления Яхве Иона пошел в Ниневию и пророчествовал там о ее грядущем (через сорок дней) разрушении. Все население города объявило пост и стало каяться в своих грехах. "И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел.

Иона сильно огорчился этим и был раздражен. И молился он Господу и сказал: о, Господи! не это ли говорил я, когда еще был в стране моей? Потому я и побежал в Фарсис, ибо знал, что Ты Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии. И ныне, Господи, возьми душу мою от меня, ибо лучше мне умереть, нежели жить. И сказал Господь: неужели это огорчило тебя так сильно? И вышел Иона из города, и сел с восточной стороны у города, и сделал себе там кушу, и сел под нею в тени, чтобы увидеть, что будет с городом. И произрастил Господь Бог растение, и оно поднялось над Ионою, чтобы над головой его была тень и чтобы избавить его от огорчения его; Иона весьма обрадовался этому растеню. И устроил Бог так, что на другой день при появлении зари червь подточил это растение, и оно засохло. Когда же взошло солнце, навел Бог знойный восточный ветер, и солнце стало палить голову Ионы, так что он изнемог и просил себе смерти, и сказал: лучше мне умереть, нежели жить. И сказал Бог Ионе: неужели так сильно огорчился ты за растение? Он сказал: очень, даже до смерти. Тогда сказал Господь: ты со-

жалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало: Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?"

Идея милосердия, краткость, скромная поэтичность, простодушие, "маленький человек" в качестве главного объекта повествования - все это роднит "Повести Белкина" с Книгой пророка Ионы. К ней восходит "Метель"; в полифонии литературных источников, скрыто звучащей в повести, она представляет собой важнейшую тему.

Людьми добрыми, но "не умеющими отличить правой руки от левой", являются в конце 1811 г. и начале 1812 г. Марья Гавриловна, Владимир Николаевич и Бурмин. Во время объяснения в любви, в 1815 г. Марья Гавриловна и Бурмин, раскаявшиеся в своих прегрешениях и думающие, что между ними существует непреодолимая преграда, одновременно подобны прощенным Яхве жителям Ниневии и Ионе, ожидающему возмездия на их голову. Трехгодичное очищение героев в испытаниях (значение числа "три" подчеркнуто упоминанием о попытке ямщика сократить путь на три версты и о том, что поутру Бурмин проснулся на третьей станции) подобно трехдневному пребыванию наказанного Ионы в чреве кита. Реалистическая картина метели в повести Белкина и в "Капитанской дочке" символизирует разбушевавшееся житейское море (причем Гринев и Бурмин засыпают во время бури, как Иона). Лексика в описании бурана в обоих случаях свидетельствует о сознательной ориентации на Книгу пророка Ионы.

В этой Книге чрево кита "выступает как некий эквивалент царства мертвых (для того, чтобы воскреснуть, нужно побывать в нем)"¹ и становится аналогом чистилища в земной жизни Ионы. Подобно Ионе, к новой жизни воскресают после очистительных испытаний Марья Гавриловна и Бурмин. К духовному возрождению в браке с Гончаровой стремился Пушкин, что, в частности, выразилось в автобиографической и всечеловеческой повести "Метель", "слышанной" от "К.И.Т."

Спасительный КИТ в "Метели" - обитатель русского "моря": он может быть "девицей" только в том случае, когда одновременно является рыбой. "Девушка КИТ." - знакомая с детства многим-многим поколениям русских людей "чудо-юдо рыба-кит".

Этот пушкинский символ связан также со светской культурой Ренессанса, в которой возродился античный образ Фортуны,

---

¹ Топоров В., Соколов М. Рыба//Мифы народов мира. М., 1982 т. 2. С. 392.

выживающей людей, как огромная рыба, из моря житейского (бурю в нем символизирует метель, и, разумеется, символично само заглавие повести).

Обнаружив слияние христианской и античной традиции в символе "девица К.И.Т.", нужно также заметить, что в античной мифологии дельфин (напомню: представитель отряда китов) рассматривается как царственная рыба, благожелательная к людям. Дельфин приходит на помощь тонущим (в греческом мифе он спасает Ариона¹), предупреждает мореплавателей об опасности и т.п. В одном из мифов в дельфина превращается Аполлон. Следовательно, "девица К.И.Т." символизирует еще и спасительную для человека роль искусства.

11

Как понял Непомнящий, для Пушкина Поэт - Пророк, исполнившийся волей Бога. Антипоэтическим Пушкин считал мировоззрение века Просвещения, обусловившее нравственный недуг Онегина (забвение этических ценностей, выработанных христианской культурой²) и через посредство "французских романов" едва не сделавшее своей жертвой Марью Гавриловну. "Ничто не могло быть противоположнее поэзии, - писал он, - как та философия, которой XVIII в. дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, **вечного источника поэзии у всех народов**, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслю умственной (игнорирующей "непостижное уму", живущее в сердце, то есть в душе - А.К.-Р.) деятельности человека. Он написал эпопею с намерением

---

¹ Несомненно, Пушкин имел в виду указанную аналогию между китом в христианской традиции и дельфином в античной. В "Метели" и "Капитанской дочке" описание бурана, ориентированное на Книгу пророка Ионы, символизирует бурю в судьбе России. Ту роль, которую играет "девица К.И.Т." в "Метели" и в "Капитанской дочке", где, впрочем, эта "девица" не упоминается, но незримо присутствует и хранит Петра Гринева и Машу Миронову, в стихотворении "Арион" играет "не попавший в кадр" дельфин, спасший певца-поэта во время бури, которая символизирует потрясение в жизни России, А "челн" - та же метафора; что "кибитка", ибо в греческой и римской традиции, а затем в ренессансной и барочной, образ тонущего во время бури корабля является символом государства в годину опасности, в эпоху междоусобных губительных войн. (См. истолкование пушкинского "Ариона" в указ.соч. В.Непомнящего, с. 111-112.)

² См. там же, глава "Начало большого стихотворения".

очернить кафолицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобию характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица кстати и некстати выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутивным языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы, и эта легкость казалась верхом поэзии; наконец и он, однажды в своей жизни, становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в цинической поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих Заветов обругана . . .

Влияние Вольтера было неимоверно. < . . . > Истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия; роман делается скучною проповедью или галереей соблазнительных картин¹.

---

¹ И "скучную проповедь", и "галерею соблазнительных картин" Пушкин, несомненно, находил в "Новой Элоизе".

Непомнящий заметил, что "ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная" (нравственный релятивизм) лишь внешне противоположна "скучной проповеди" (абстрактному морализму). То и другое вытекает из индивидуалистической философии, которая в ее житейском преломлении сплошь и рядом оказывается философией "потребления мира человеком". <<Философская система рационализма . . . не могла создать . . . рядом с древним понятием "естественного права", концепции какой-нибудь "естественной обязанности" человека, хотя нравственная необходимость чего-то подобного ей остро ощущалась. "Житейская философия" эпохи подходила к вопросу проще, и порочного крута для нее не существовало: ведь у *естества* имеются только потребности (в случае чрезмерности - "страсти"), а значит - и "естественное право" эти потребности удовлетворять. < . . . > Поэтому рядом с феноменом "естественного права" возникает искусственный феномен морали - внеположного индивидууму, рассудочно-императивного, а потому абстрактного, кодекса правил общежития, призванных не столько очеловечивать "человека разумного", сколько ограждать его права от посягательств собратьев. Не следуя из "пищеварительной философии" органически и свободно, вытекающая из нее лишь рассудочно, "мораль" была вынужденным выходом из той безысходной коллизии, какой является для такой философии наличие "других".

Эти сложности были, понятно, обусловлены тем, что, порожденная индивидуалистическим сознанием, вся "система" строилась на *отдельном* человеке и на него ориентировалась: *человеческая общность* учитывалась в ней не в онтологическом плане, а лишь тактически; отсюда и "мораль" была не столько функцией совести, сколько своего рода "общественным договором".

На этой почве и получила свое расхожее оформление знаменитая коллизия "чувства и долга", где "чувство" мыслилось как собственное состояние

Все возвышенные умы следуют за Вольтером. Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником. < . . > Старое общество созрело для великого разрушения”¹.

В свое время Пушкин отдал обильную дань философии Просвещения, и ее им осуждение содержит оттенок покаяния.

Поскольку корень зла Пушкин видел в направленности этой философии "противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов", необходимо понять религиозность поэта, которой проникнуты, в частности, "Повести Белкина".

Начав свою творческую деятельность под влиянием французского вольнодумства XVIII в., он в 1830 г. окончательно осознал себя верующим человеком. Путь к вере был извилистым и сложным (еще в 1828 г. он написал в день своего рождения стихотворение "Дар напрасный, дар случайный...").

В 1830 г. Пушкин утверждал в болдинской статье <<О втором томе "Истории русского народа" Полевого>>: "Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства. Горе стране, находящейся вне европейской системы!"²

Плетнев вспоминал о разговоре с Пушкиным, происшедшем за несколько дней до роковой дуэли: "У него тогда было какое-то высокорелигиозное настроение. Он говорил со мною о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем . . ." ³

Одно из последних стихотворений Пушкина - переложение великопостной молитвы святого Ефрема Сирина ("Отцы пустынники и жены непорочны . . ."), да и в целом цикл, в который входит это стихотворение, является христианским по духу и проблематике.

свободного, отдельного "естества", а "долг" - как внешняя обязанность по отношению к правам и потребностям "других". "Чувство" зовет осуществить "естественное право", "долг" требует "искусственно" им поступиться. Понятно, что для индивидуалистического сознания такая коллизия не может разрешиться внутренне свободно, но только внешне и принудительно, путем насилия человека над своей "природой", в пределе - трагически для него>> (Н е п о м н я щ и й В. Указ. соч. С. 326, 327).

¹ О ничтожестве литературы русской. Т. 7. С. 214-215.

² П у ш к и н А.С. Т. 7. С. 100.

³ Цит. по: В е р е с а е в В. Пушкин в жизни. М., 1926. С. 97.

В христианскую эру возникла и проблема совести¹, центральная в пушкинском творчестве, начиная с 1823 г.

Однако Пушкин веровал, так сказать, не церковно.

"Не понимаю, - писал он Вяземскому 3 августа 1831 г. - за что Чаадаев с братией нападает на реформацию, то есть на известное проявление христианского духа. Насколько христианство потеряло при этом в отношении своего единства, настолько же оно выиграло в отношении народности. Греческая церковь - дело другое: она остановилась и отделилась от общего стремления христианского духа². Эта позиция подробнее изъяснена в письме от 6 июля того же года Чаадаеву: "Ваше понимание истории для меня совершенно ново, и я не всегда могу согласиться с вами: например, для меня непостижима ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду (псалмами которого, если только они действительно принадлежат ему, я восхищаюсь). Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает вас в Гомере. Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также в Библии? Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом стала республиканской. Я плохо излагаю свои мысли, но вы поймете меня"³.

Здесь Пушкин предвосхищает историчную теологию, свойственную XX в. и выразившуюся, в частности, в цикле романов Т.Манна "Иосиф и его братья". <<Ведущий вдаль путь, продвижение вперед, изменение, развитие сильно ощущаются в этой книге, - писал автор, - вся ее теология связана с развитием и выводится из него, точнее из ее трактовки присущей Ветхому Завету идеи с о ю з а между Богом и человеком, то есть мысли о том, что Богу не обойтись без человека, человеку - без Бога и что стремления того и другого к высшим целям переплетаются между собой. Ведь и

---

¹ <<Категория совести была "открыта" как таковая лишь в христианскую эру>>, - пишет Непомнящий (Указ. соч. С. 282) и ссылается на В.Н.Ярхо, который указывает, что даже благородные античные герои "для оценки своих вольных или невольных преступлений . . . пользуются совсем другими понятиями, чем "совесть"; они озабочены тем, "как жить дальше, покрыв себя беславием в глазах людей"; "феномен совести, - заключает Ярхо, - не оказал сколько-нибудь существенного воздействия на художественное мышление афинских трагиков".

² П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 290, 660.

³ Т. 10. С. 282-283, 659.

Богу свойственно развитие, он тоже изменяется и идет вперед: от демонизма властителя пустынного космоса к одухотворенности и святости; и подобно тому, как Он не может пройти этот путь без помощи человеческого разума, так и разум человека не может развиваться без Бога. Если бы меня попросили определить, что лично я понимаю под религиозностью, я сказал бы: религиозность - это в дум ч и в о с т ь и п о с л у ш а н и е; вдумчивое внимание к внутренним изменениям, которые претерпевает мир, к изменчивой картине представлений об истине и справедливости; послушание, которое немедля приспособливает жизнь и действительность к этим изменениям, к этим новым представлениям и следует таким образом велениям разума. Жить во грехе - значит жить не так, как этого хочет разум, по невнимательности и из непослушания цепляться за устаревшее и отсталое и продолжать жить в этом заблуждении. И каждый раз, когда в книге заходит речь о том, что надо "помнить Бога", речь идет о праведном страхе перед этим грехом и безрассудством. < . . . > "Думать о Боге" - значит не только стараться "выдумать" Его, определить, что Он такое, познать Его, это прежде всего думать о том, чтобы выполнить Его волю, с которой должны гармонировать наши помыслы, не упустить сделать то, чему пришла пора свершиться, чему уже пробил срок на часах истории, чего требует Эон. Кто "заботится о Боге", тот озабочен мыслью: не продолжает ли он считать правильным и справедливым то, что некогда действительно было истиной, но перестало быть ею, не живет ли он по этим, ставшим анахронизмом канонам; "заботы о Боге" - это благочестивое смирение, умение распознать дурное, устаревшее, все то, из чего человек уже внутренне вырос, что стало нестерпимым, или, на языке Израиля, "скверной". "Заботиться о Боге" - значит всеми силами своей души внимать велениям мирового Разума, и отсюда вытекает религиозное понятие о г л у п о с т и: глупости перед Богом, которая не ведает этой заботы или же пытается отдать ей дань, но делает это так неуклюже, как родители Потиафа, ставшие супругами брат и сестра, приносящие в жертву Свету детородную способность своего сына. Глупцом перед Богом оказывается и Лаван, все еще верящий в то, что долг повелевает ему заколоть своего маленького сына и похоронить его под фундаментом своего дома, что некогда считалось делом весьма благочестивым, но теперь уже не считается признаком благочестия. Первоначально люди знали только один вид жертвоприношения - приношение в жертву человека. Когда же наступил момент, в который человеческие жертвы стали считаться "скверной" и глупостью? Книга Бытия фиксирует этот момент в рассказе Авраама, который отказался заклать сына своего Исаака, заменив человеческую жертву живот-

ным. Здесь мы видим человека, уже настолько далеко ушедшего в познании Бога, что он расстается с отжившим обычаем, выполняя волю Божества, которое стремится приподнять - и уже приподняло нас - над подобными предрассудками. Благочестие - это своего рода мудрость: мудрость перед Богом>>¹.

Правда, в отличие от Манна Пушкин апеллировал прежде всего не к разуму.

Радио (идол века Просвещения) - один из источников атеизма раннего Пушкина. Одно из свидетельств тому - "Гавриилиада" (1821). Ее антиподом является стихотворение "Жил на свете рыцарь бедный. . ." (1829):

*Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.*

Пушкинское творчество обращено более всего к "сердцам людей" (отсюда и значение в нем проблемы "непостижной уму" совести; обо всем этом прекрасно сказано в книге Непомнящего).

*"Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей".*

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал. . .*

Среди эпистолярных свидетельств нецерковной религиозности Пушкина - слова, обращенные к жене в 1834 г.: "Побранив тебя, беру нежно тебя за уши и целую - благодаря за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас"².

Недогматическая религиозность Пушкина - одна из причин поразительной отзывчивости его творчества на "голоса" культуры различных народов, веков и тысячелетий. Это, в частности, выразилось в символе "девица К.И.Т.", восходящем к индийской культуре, традициям греческой и римской античности, раннего

---

¹ М а н н Т. Собр. соч. В 10 т. М., 1960. Т. 9. С. 189-190.

² П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 396.

христианства и Ренессанса, преломленным через призму русской фольклорной традиции.

Пушкин отстаивал союз "греческой (и римской - А.К.-Р.) древности" и "святыни обоих Заветов", лежащий в основе культуры Ренессанса. Именно поэтому в "Метели", проникнутой, как "Повести Белкина" в целом, мыслями о своем духовном возрождении (один из символов которого - "девица К.И.Т."), Пушкин противопоставил "французским романам" поэзию Петрарки. С увенчанием Петрарки лавровым венком как короля поэтов на римском Капитолии нередко связывали начало эпохи Возрождения¹.

12

Символ "девица К.И.Т.", подчеркивающий связь тысячелетий в культурной жизни Европы, одновременно знаменует связь всех людских судеб в истории человечества, которая не кончится, пока ее трагедии не перестанут разрешаться в счастье безвестных, простых людей, по справедливости его заслуживших.

Сравним в последний раз в этой главе связанные с Книгой пророка Ионы "Метель" и "Капитанскую дочку", в которых снежная буря является знамением потрясений в судьбе России. Кровавое противостояние предводителя крестьянского восстания и императрицы среди неисчислимых последствий имеет то, что символическими посаженными отцом и матерью на свадьбе Петра Гринева и Марьи Мироновой становятся Пугачев и Екатерина II. Но ведь судьба последовательно вела главных героев романа к счастью, ибо они творили не зло, а добро.

---

¹ Первым так выразился современник Петрарки Боккаччо. Сам поэт, возрождая античную традицию, видел в своей коронации начало новой эры в жизни Италии, Европы и всего человечества. Поэтому он приурочил коронацию, состоявшуюся при великом стечении народа, к пасхальному воскресению - 8 апреля 1341 г. (и, кроме того, к двадцатилетней годовщине смерти Данте). Петрарка сделал все, чтобы эта церемония символизировала союз христианства и античности. "Несмотря на то, что в его капитолийской речи цитировались лишь одни античные авторы, он вовсе не предполагал, что Возрождение станет возвращением к языческой древности. Спустившись с Капитолия, Петрарка снял с головы лавровый венок и, бережно держа его перед собой, направился к храму Святого Петра. Там он украсил лаврами алтарь. Все его жесты были заранее продуманы. Новая эпоха, по мнению Петрарки, должна была преодолеть аскетизм и трансцендентность средневековой идеологии, но она не должна была отказываться от нравственных завоеваний христианства и отрекаться от веры народа". (Х л о в с к и й Р. Новосибирск, 1975. Франческо Петрарка. С. 20.)

Вспомним, что Гринев не только был спасен вожатым во время бурана, но и сам его спас, посадив на облучок ("дав ему коня"). Наутро Гринев, не сумев дать вожатому полтину на водку (Савельич запретил), отблагодарил его зачым тулупчиком. После штурма Белогорской крепости Гринев "не мог не подивиться странному стечению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли . . ." Затем герой, верный присяге, занимается не спасением любимой, а идет в Оренбург, чтобы воевать с Пугачевым. Его и Савельича нагоняет урядник Максимыч с дарами Пугачева (симметричными ответами на благодеяния Гринева!) - овчинным тулупом, лошадью и полтиной, которую Максимыч "растерял" по дороге (за пазухой у него что-то побрякивало). Гринев посоветовал ему растерянную полтину подобрать на обратном пути и взять себе на водку. <<"Очень благодарен, ваше благородие, - отвечал он, поворачивая свою лошадь, - вечно за вас буду бога молить". При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху. . . >> Спустя несколько месяцев полтина, подаренная-таки Гриневым, сторицей была возвращена ему. Во время одной из вылазок он "наехал . . . на казака, отставшего от своих товарищей", и <<готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: "Здравствуйте, Петр Андреевич! Как вас бог милует?">> Это был Максимыч, сообщивший Гриневу, что у него есть к нему письмецо.

"- Где ж оно? - вскричал я, весь так и вспыхнув.

- Со мною; - отвечал Максимыч, **положив руку за пазуху**".

"Бог милует" Гринева среди прочего тем, что он, доблестно воюя, никого не убивает (в данном случае он не убил Максимыча). Поэтому и сам он остается невредимым. Перед войной его во время поединка со Швабриным спас от убийства Савельич, что выглядело медвежьей услугой: ". . . Приметя, что Швабрин ослабеваает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегавшего ко мне по **нагорной тропинке**. . . В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча; я упал и лишился чувств". Савельич, бежавший, чтобы грудью защитить своего господина от шпаги Швабрина, невольно сделал другое благодеяние - в символическом смысле Савельич, "сбегавший по нагорной тропинке", оказался посланником Христа, напомнимшего в Нагорной проповеди о ветхозаветной заповеди: "Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду". В Нагорной проповеди сказано также: "Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут".

Как показал Непомнящий, в пушкинском художественном мире на любой помысел и поступок человека жизнь дает симмет-

ричный ответ. В связи с этим обратим внимание еще на две детали в "Капитанской дочке".

Войдя в дом к Мироновым по прибытии в Белогорскую крепость, Гринев заметил висящий на стене "диплом офицерский за стеклом и в рамке". Женившись на дочери погибшего за верность присяге капитана Миронова, Гринев становится его духовным наследником, и офицерский диплом, как бы завещанный ему покойным тестем, символически превращается в другой документ: потомки Петра Андреевича и Марьи Ивановны показывают, как сообщается в послесловии Издателя к запискам Гринева, "собственно-ручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича Гринева и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова".

В начальном абзаце записок Гринева говорится: "Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве". В послесловии Издателя сообщается: "Потомство их (Петра Андреевича и Марьи Ивановны - *А.К.-Р.*) благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам". Младшие Гриневы произвели на свет одним ребенком больше, чем старшие, и все живы, и все живут в мире, и "благоденствует имение, принадлежащее десятерым помещикам". Пушкин не раз указывал на раздел имений между наследниками как на причину упадка старинных родов. Детям сержанта гвардии и капитанской дочки он дал благоденствие за страдания и незапятнанную честь их предков. Такую взаимную ответственность поколений имеет в виду эпиграф к главе I:

- Был бы гвардии он завтра ж капитан.
- Того не надобно: пусть в армии послужит.
- Изрядно сказано! пускай его потужит . . .

.....
Да кто его отец!

В "Метели" судьбы героев тоже включены в Историю. Метель - знамение приближающейся грозы 1812 г. - не позволяет Владимиру Николаевичу жениться на Марье Гавриловне и ведет к ней под венец Бурмина. Затем первый из них гибнет за Отечество (в чем видна та же рука Провидения, которая устроила метель), а второй в очистительных для него испытаниях войны становится достойным той, с которой обвенчан. Фамилия Бурмин "рифмуется" со словом "буря", и оказывается, без "французских романов", наделавших столько вреда героине, не было бы ей счастья: Бурмина принесла метель, символизирующая наполеоновское нашествие, которого не

было бы без революции 1789 г., подготовленной Просвещением, а следовательно, и деятельностью автора излюбленного романа Марьи Гавриловны; причем Бурмину в 1815 г. "было около двадцати шести лет", то есть год его рождения - 1789.

Это обстоятельство одновременно является еще одним указанием на автобиографичность Бурмина: у него и у пушкинского двойника Белкина число года рождения состоит из одних и тех же цифр - 1789 и 1798.

Дата рождения Бурмина в ее символическом соотношении с его судьбой и судьбой героини, а также с мировоззренческой эволюцией Пушкина от вольтерьянства к нецерковному христианству означает, что автор "Метели" принимал все происходящее на свете - и в мировой истории, и в своей личной судьбе.

13

Анализ "Метели" показывает, что автор посредством намеков и фигур умолчания вводит в контекст "Повестей Белкина" много фрагментов произведений и даже целые сочинения из литературы разных эпох и народов и создает своеобразную "полифоническую фактуру". Если бы все "звучащее" здесь тайно он изложил явно, то этот небольшой цикл разросся бы до объема эпопеи. От "Метели" протягиваются нити к многим творениям Пушкина. Эту глубоко национальную повесть нельзя также понять вне контекста истории европейской культуры, начиная с античности. Влияние "Метели" наряду с другими "белкинскими" повестями на эволюцию отечественной и мировой литературы общепризнано. Коснувшись исторической судьбы "Метели", необходимо сказать о произведении, автор которого, по моему убеждению, в значительной мере постиг ее символику и неразрывную связь с Книгой пророка Ионы и "Капитанской дочкой" и, по-пушкински тайно, приобщившись к пушкинской традиции, "ссылками" на эти три шедевра выразил нечто заветное. Я имею в виду "Белую гвардию" Булгакова.

Во многом автобиографический булгаковский роман пронизан мыслью о неотделимости судьбы автора и любимых им героев от судьбы Родины. Потрясения в жизни персонажей романа и всей страны символизирует метель.

"Но как жить? Как же жить?"

Алексею Васильевичу Турбину, старшему - молодому врачу - двадцать восемь лет. Елене - двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу, - тридцать один, а Николке - семнадцать с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера (из России на Украину - А.К.-Р.), и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже. Вернулся старший Турбин

в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром. Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее. На севере воеет и воеет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей”.

Роль темы снега, метели в романе огромна, и в автобиографическом пародийном “Театральном романе” “Белая гвардия” фигурирует под заглавием “Черный снег”.

Пушкинская символика “Метели” подчеркнута первым эпиграфом к роману.

“Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло.

- Ну, барин, - закричал ямщик, - беда: буран!”

“Капитанская дочка”

Выше говорилось о пушкинской концепции истории в “Метели” и в “Капитанской дочке”. В обоих произведениях выражено христианское приятие predetermined сьше Истории и Мира, в котором все люди подлежат ответственности перед своей совестью и друг перед другом и который воздаст Человеку согласно его помыслам и поступкам. Эта мысль в ее апокалиптическом преломлении проводится через весь роман Булгакова. Она вынесена во второй эпиграф (знаменательно сочетание эпиграфов, взятых из Пушкина и из Библии):

“И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими. . .”

Первая реминисценция этой мысли содержится уже в начальной главке. При отпевании матери “Николкины голубые глаза, посаженные по бокам длинного птичьего носа, смотрели растерянно, убито. Изредка он возводил их на иконostas, на тонущий в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик бог, моргал. За что такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облегчение?

Улетающий в черное, потрескавшееся небо бог ответа не давал, а сам Николка еще не знал, что все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему”.

Как известно, фамилия Турбин автобиографична и притом совпадает с фамилией одного из персонажей (его прототип - Толстой-Американец, с которым связан образ пушкинского Сильвио) рассказа Л.Н. Толстого “Два гусара”. Известна и

преемственность интеллигентного, радушного, уютного, поэтичного и непрактичного дома Турбиных по отношению к дому Ростовых. В почти сплошь символичном перечислении предметов, характеризующем на первый взгляд только уют квартиры Турбиных, драгоценный для выросших в ней, Булгаков тайно, в духе Пушкина, указывает на два романа, потомком которых является "Белая гвардия": "Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с **Наташей Ростовой**, **Капитанской Дочкой**, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, - все семь пыльных и полных комнат, выращивших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабей, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила:

- Дружно . . . живите".

Если родство "Белой гвардии" с "Капитанской дочкой" объявлено эпиграфом, то связь своего романа с творчеством Толстого Булгаков признал упоминанием о Наташе Ростовской, уподоблением защиты Города от Петлюры Бородинскому сражению, а также репликой из "Театрального романа", где, читая "Черный снег", издатель Рудольфи заметил: "Толстому подражаете". В ответ на это в авторе разыграл мистификатор:

"Я рассердился.

- Кому именно из Толстых? - спросил я. - Их было много. . . Алексею ли Константиновичу, известному писателю, Петру ли Андреевичу, пойманному за границей царевича Алексея, нумизмату ли Ивану Ивановичу или Льву Николаевичу?"

Можно представить, с каким убийственным сарказмом автор высмеял бы замечание о том, что он "подражает" еще и "Метели", следы которой в "Белой гвардии" аккуратнейшим образом заметны:

"- Я б вашего гетмана, - кричал старший Турбин, - повесил бы первым! Полгода он издевался над всеми нами. Кто запретил формирование русской армии? Гетман. А теперь, когда ухватило kota поперек живота, так начали формировать русскую армию? В двух шагах враг, а они дружины, штабы? Смотрите, ой, смотрите!

- Панику сеешь, - сказал хладнокровно Карась.

Турбин обозлился.

- Я? Панику? Вы меня просто понять не хотите. Вовсе не панику, а я хочу вылить все, что у меня накопело на душе. Панику? Не беспокойся. Завтра, я уже решил, я иду в этот самый дивизион, и если ваш Малышев не возьмет меня врачом, я пойду рядовым. Мне это осточертело! (Несколько последующих пассажей столь же необходимы для описания "пира", как и для маскировки смысла кульминации этой сцены - каламбура, образованного словами "кит" и "кот", последнее из которых по-украински звучит как "кит" - А.К.-Р.) Не панику, - кусок огурца застрял у него в горле, он бурно закашлялся и задохся, и Николка стал колотить его по спине.

- Правильно! - скрепил Карась, стукнув по столу. - К черту рядовым - устроим врачом.

- Завтра полезем все вместе, - бормотал пьяный Мышлаевский, - все вместе. Вся Александровская императорская гимназия. Ура!

- Сволочь он, - с ненавистью продолжал Турбин, - ведь он же сам не говорит на этом языке! А? Я позавчера спрашиваю этого каналью, доктора Курицкого, он изволите ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицкий . . . Так вот спрашиваю: как по-украински "кот"? Он отвечает: "Кит". Спрашиваю: "А как кит?" А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется¹.

Николка с треском захохотал и сказал:

- Слова "кит" у них не может быть, потому что на Украине не водятся киты, а в России всего много. В Белом море киты есть . . ."

Надо думать, прежде Николки "с треском захохотал" Булгаков, ибо рисковал смертельно. Николка ляпнул про китов в Белом море просто, но Булгаков-то знал, что там водятся не киты, а огромные дельфины - белухи, входящие, впрочем, в состав отряда китов. Булгаков постиг тайну "девицы К.И.Т.", "приплывшей" в "Метель" (а также в "Капитанскую дочку") из Книги пророка

---

¹ Ярость Турбина обращена одновременно на гетмана и на его холуев, готовых принять любую политическую окраску. О "цвете" грядущих "убеждений" Курицкого, "белой курицы", типичного курицына сына, можно судить по красному гребешку этой птицы. Как курица он "остановился и вытаращил глаза" на Турбина.

Для последующего анализа этой сцены мне нужно напомнить сказанное Турбиным о гетмане после упоминания о Курицком: "О, каналья, каналья! Да ведь если бы с апреля месяца он начал бы формирование офицерских корпусов, мы бы взяли теперь Москву. < . . . > Не только Петлюры бы духу не было в Малороссии, но мы бы Троцкого прихлопнули в Москве, как муху. Самый момент: ведь там, говорят, кошек жрут. Он бы, сукин сын, Россию спас".

Ионы, и был уверен в молчаливости этой "девицы". Но посвященным в ее тайну ясно, что Николка спроста шарахнул то, чем "поперхнулся" Алексей, и оказался пророком (что не раз бывало в "Капитанской дочке" с Савельичем): его устами в романе "Белая гвардия", посвященном Белозерской, в котором защитники Города подобны защитникам Белогорской крепости, выражена мысль о том, что спасти не только Малороссию от Петлюры, но и Россию от Троцкого может символизирующий священные понятия о чести, обитающий в Белом море КИТ-белуха (на китах согласно древнему поверью стоит Земля).

Политические симпатии Булгакова были на стороне белых. Это не помешало ему в сне Алексея Турбина отвести много места в Раю для красных, павших под Перекопом, а также показать в романе многочисленную белую штабную сволочь и богатых гадов¹. Он не думал оспаривать ход истории, в достаточно ограниченной степени доступной людскому пониманию. Конец романа позволяет предполагать, что так же, как нашел благодаря Пугачеву свое личное счастье Гринев, обретут его благодаря Петлюре братья Турбины - оба на Мало-Провальной (!) улице, где страшого спасла от преследовавших его петлюровцев Юлия Рейсс, а младший познакомился с Ириной Най-Турс, сестрой своего командира, придя к его близким с сообщением о его гибели². Над политическими сим-

---

¹ Например: "Конная сотня, вертясь в метели, выскочила из темноты сзади на фонари и перебила всех юнкеров, четырех офицеров. Командир, оставшийся в землянке у телефона, выстрелил себе в рот.

Последними словами офицера были:

- Штабная сволочь. Отлично понимаю большевиков".

² " - Никол? Ты?

Братья столкнулись нос к носу в нижнем ярусе таинственного сада у другого домика. Николка почему-то смутился, как будто его поймали с поличным.

- А я, Алеша, к Най-Турсам ходил, - пояснил он и вид имел такой, как будто его поймали на заборе во время кражи яблок.

- Что ж, дело доброе. У него мать осталась?

- И еще сестра, видишь ли, Алеша... Вообще.

Турбин покосился на Николку и более расспросам его не подвергал.

Полпути братья сделали молча. Потом Турбин прервал молчание.

- Видно, брат, швырнул нас Пэтурра с тобой на Мало-Провальную улицу. А? Ну что ж, будем ходить. А что из этого выйдет - неизвестно. А?

Николка с величайшим интересом прислушался к этой загадочной фразе и спросил в свою очередь:

- А ты тоже кого-нибудь навещал, Алеша? В Мало-Провальной?

- Угу, - ответил Турбин, поднял воротник пальто, скрылся в нем и до самого дома не произнес более ни одного звука".

патиями и антипатиями возвышались для Булгакова понятия о чести, которым остались верны его герои в трагической исторической ситуации. В таких людях (здесь и сугубо штатские Елена, Лариосик . . .) он видел Белую Гвардию.

Огромное значение имеют размышления Алексея Турбина (после упомянутого застолья) о Тальберге: "Мерзавец он. < . . . > Не потому даже мерзавец, что бросил Елену в такую минуту, это, в конце концов, мелочь, вздор, а совсем по-другому. Но вот почему? А черт (упоминания о черте, как вскоре будет показано, весьма важны - А.К.-Р.), да понятен он мне совершенно. О, чертова кукла, лишенная малейшего понятия о чести! Все, что ни говорит, говорит как бесструнная балалайка, и это офицер русской военной академии. Это лучшее, что должно было быть в России . . . < . . . > Турбин еще долго мучился у себя в маленькой комнате, у маленького письменного стола. Водка и германское вино удружили ему плохо. Он сидел и воспаленными глазами глядел в первую страницу первой попавшейся ему книги и вычитывал, бессмысленно возвращаясь к одному и тому же:

Русскому человеку честь - одно только лишнее бремя".

Как тут не вспомнить эпитафию к тому роману, из которого взят эпитафия к "Белой гвардии"! (И, конечно, та пословица имеет прямое отношение к учению о счастье, заключенному в "Повестях Белкина".)

За несколько часов до того, как Алексей понял суть Тальберга, Елена, в тревоге ожидая задержавшегося мужа, столь же машинально, как брат, глядела в книгу: <<Перед Еленой остывающая чашка и "Господин из Сан-Франциско". Затуманенные глаза, не видя, глядят на слова

мрак, океан, вьюгу

Не читает Елена>>.

Метод использования цитаты и ее символика - пушкинские.

Казалось бы, цитата служит только "изображению физических движений страстей": "затуманенные глаза" не видят, что рассказ кончился, и "не читает Елена".

Но Елена "не читает" "затуманенными глазами" эти слова также потому, что она и ее братья еще не прозрели - они не осознают очевидного: Тальберг им не только чужд, но отвратителен, и, когда у них откроются на него глаза, им станет стыдно за свои фальшивые с ним родственные отношения. Булгаков дает это нам понять, по-пушкински скрыто вводя в контекст своего романа цитату в ее расширенном варианте: "И никто не знал ни того, что уже давно наскучило этой паре (молодых красивых людей, нанятых для рекламы изображать в шикарном столовом и бальном

салоне "Атлантиды" счастливых любовников - А.К.-Р.) притворно мучиться своей блаженной мукой под бесстыдно-грустную музыку, ни того, что стоит глубоко под ними, на дне темного трюма, в соседстве с мрачными и знойными недрами корабля, тяжело одолевающего мрак, океан, вьюгу. . ."

Третий смысл цитаты - символический: уподобление, как у Пушкина, метели ("На севере воеет и воеет вьюга, а здесь под ногами глухо прогромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли") разбушевавшемуся житейскому морю - буре, в которой терпит бедствие государство в эпоху гибельных междоусобных войн (и в нем маленькое "государство" - дом Турбиных), символизируемое кораблем (как и Александровская гимназия).

Ср: 1) ". . . Под ногами глухо прогромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли".

"В самом низу, в подводной утробе "Атлантиды" (!), тускло блистали сталью, сипели паром и сочились кипятком и маслом тысящепудовые громады котлов и всяческих других машин, той кухни, раскаляемой исподу адскими топками, в которой варилось движение корабля, - клокотали страшные в своей сосредоточенности силы, передававшиеся в самый киль его, в бесконечно длинное подземелье, в круглый тоннель, слабо озаренный электричеством, где медленно, с подавляющей человеческую душу неукоснительностью, вращался в своем маслянистом ложе исполинский вал, точно живое чудовище, протянувшееся в этом туннеле, похожем на жерло".

2) "Клибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это было похоже на плавание судна по бурному морю";

". . . Корабля, тяжело одолевающего . . . океан . . .";

"темное небо ("мрак") смешалось со снежным ("вьюгу") морем ("океан")".

В морской вьюжной стихии романа "Белая гвардия" естественное появление царственного беломорского кита-белухи, преемственно связанного с китом или большой рыбой из Книги пророка Ионы и "девицей КИТ." из "Метели". Символика кита-белухи оттенена "зоологическим" колоритом сцены, в которой он упомянут. Мелко плавающим канальям (канал - водоем искусственный) - мокрой белой с красным гребешком курице-Курицькому и грязному, оскандалившемуся черному коту-гетману ("Кто запретил формирование русской армии? Гетман. А теперь, когда ухватило кота поперек живота. . ."), а также мухе-Троцкому (если бы не кот, ". . . мы бы Троцкого прихлопнули в Москве, как муху") противостоят во главе с

русским белым КИТОМ симпатичный, хладнокровный, "маленький, укладистый", "туго перепоясанный по широкой талии" "и действительно похожий на карася" Карась и яростно обкладывающий матом кота-гетмана храбрая мышь - Мышлаевский (он появился в этот вечер у Турбиных весь заиндевелый, и про него, сидящего за столом, говорится, что он "бел", его "лоб бел и чист" а "подбородок косовато срезан" - как у мыши). Разбуженный им, "с воплем вскочил Василиса и первое, что услышал, - мышь с семейством, трудящуюся в столовой (Мышлаевский уважал застольные труды - А.К.-Р.) над кульком с сухарями, а затем уже необычайной нежности гитарный звон через потолок и ковры, смех . . .

- Единственное средство - отказать от квартиры, - забарахтался в простынях Василиса, - это же немисливо. Ни днем ни ночью нет покоя¹.

За потолком пропел необыкновенной мощности и страсти голос, и гитара пошла маршем

Идут и поют юнкера

Гвардейской школы!

- Хотя, впрочем, на случай чего. . . Оно верно, время-то теперь ужасное. Кого еще пустишь, неизвестно, а тут офицеры, в случае чего - защита-то и есть. . . Брысь! - крикнул Василиса на яростную мышь. . . "Брысь!" адресовано сразу трем действующим лицам: во-первых, реальной мыши; во-вторых, так шугают кота, и крик Василисы означает, что он отвернулся от гетмана и решил искать покровительства Мышлаевского; в-третьих, ненавидя последнего, но не решаясь открыто проявить это, Василиса обращает антикошачье "брысь!" фантастическому антиподу черного кота - по-собачьи облаивающей его белой "яростной мыши".

Кот-гетман наделен бесовскими песьими чертами, ибо Алексей Турбин называет его еще и сукиным сыном. На этого "сукиного кота" делает ставку по своей глупости и беспринципности мокрая белая курица с красным гребешком, ассоциирующимся помимо прочего с хохолком (разучившийся говорить по-русски и перекрестившийся в Курицкого Курицкий работает под хохла), - курица, которая ошибочно отождествляет кита с котом. Пара "кит и кот" мелькает в романе, но такая игра ведется со строжайшим соблюдением правила, о котором поведал Маргарите Коровьев:

---

¹ Женская кличка у Василия Лисовича оттого, что он трус. И его жалобу повторял, обращаясь к богам, в последнем романе Булгакова человек, из трусости допустивший казнь Иешуа и мучившийся: ". . . трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок". Эта мука длилась двенадцать тысяч лун.

" Это надо делать так, чтобы не было слышно. Это поаккуратнее нужно делать".

Возможно, что кот-гетман рисовался Булгакову отъездившимся как боров и бегемотообразным, потому что в последнем булгаковском романе, содержащем множество переключек с первым, этот кот обернулся огромным, как боров, и неотразимо обаятельным в отличие от своего сородича гетмана котятрой Бегемотом.

Кот-гетман - черный, ибо антитеза "кит - кот" - мистическая.

Черный кот - один из атрибутов ведьм, посланниц Сатаны, искушаемые которым курицкие и тальберги лишились "малейшего понятия о чести", то есть теряли человеческое достоинство и становились "чертовыми куклами".

Антипод черного цвета зла - белый цвет святости, чистоты, и черному чертовому коту противопоставлен белый кит (в евангельской традиции рыба или кит - символ чистоты) - потомок посланника Бога, кита из Священного Писания, и его "дочки" - пушкинской "девицы КИТ".

Антиподом белого кита является и Тальберг, символизирующий крысу, - он подобен крысе, бегущей с терпящего бедствие корабля (корабль - турбинский дом и Россия). В "Днях Турбиных" крысу в Тальберге разглядел Николка, а в "Белой гвардии" эта метафора возникает благодаря цитате из "Бесов" Достоевского (примечательно, что цитируется роман, название которого заимствовано из пушкинского стихотворения, связанного с "Метелью" и "Капитанской дочкой", которые, в свою очередь, связаны с Книгой пророка Ионы): "Русскому человеку честь - одно только лишнее бремя". В "Бесах" эту фразу произносит ничтожество, вознамерившийся бежать из России от революции писатель Кармазинов, заигрывающий с бесами-революционерами, которого главарь последних, негодяй Петр Верховенский мысленно называет крысой, выражая в данном случае мнение автора. Эту оценку Булгаков переносит на Тальберга, присоединяясь тем самым и к мысли, вложенной Достоевским в уста Кармазинова: ". . . Вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести".

Таинственная ниточка связывает с "Метелью" последнюю страницу "Белой гвардии". Эта страница соотносится с финалом пьесы "Дни Турбиных", где Николка говорит в новогоднюю ночь, что происходящее в стране - пролог к новой исторической драме. В будущем, вернее, в вечность устремлена потрясающая мистическая картина звездной ночи, написанная в двух заключительных абзацах романа:

"Последняя ночь расцвела. Во второй половине ее вся

тяжелая синева, занавес Бога, облекающий мир, покрылась звездами. Похоже было, что в неизмеримой высоте за этим синим пологом у царских врат служили всенощную. В алтаре зажигали огоньки, и они проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами¹. Над Днепром с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в черную, мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная переключина исчезла - слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч.

Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?"

Ближе всех к звездам - ребенок, чистое существо, Петька Щеглов². Ему, как и Николке, надо жить в новой России и беречь

---

¹ О звездах нам напоминает и кит-белуха, ибо согласно библейским представлениям второе пришествие Мессии настанет, когда Сатурн и Юпитер сойдутся в зодиакальном знаке Рыб (три сплетенные рыбы, образующие треугольник, - распространенный мотив средневековой архитектуры).

² Петьку с братом Васькой встретил Николка, пробираясь к дому после того, как ушел от преследовавших его петлюровцев: <<Когда Николка пришел к началу своей улицы, крутого Алексеевского спуска, и стал подниматься по ней, он увидел у ворот дома № 7 картину (вся эта реалистическая картина символична - А.К.-Р.): двое мальчуганов в сереньких вязаных курточках и шлемах только что скатились на салазках со спуска. Один из них, маленький и круглый как шар, залепленный снегом (весь в белом снегу Петька вылепился, как и Бурмин, из посланной с неба на землю метели - А.К.-Р.), сидел и хохотал. Другой, постарше, тонкий и серьезный, распутывал узел на веревке. У ворот стоял парень в тулупе и ковырял в носу. Стрельба стала слышнее. Она вспыхивала там, наверху, в самых разных местах.

- Васька, Васька, как я задницей об тумбу! - кричал маленький.

"Катаются мирно так", - удивленно подумал Николка и спросил у парня ласковым голосом:

- Скажите, пожалуйста, чего это стреляют там наверху? Парень вынул палец из носа, подумал и сказал в нос:

- Офицерню бьют наши.

Николка исподлобья посмотрел на него и машинально пошевелил ручкой кольта в кармане. Старший мальчик отозвался сердито:

- С офицерами расправляются. Так им и надо. Их восемьсот человек на весь Город, а они дурака валяли. Пришел Петлюра, а у него миллион войска.

Он повернулся и потащил салазки>>.

свою честь. (Фамилией Петьки оттенена его преемственность по отношению к Николке, у которого был длинный птичий нос.)

"Петька был маленький, поэтому он не интересовался ни Петлюрой, ни Демоном. И сон ему привиделся **простой и радостный, как солнечный шар.**

Будто бы шел Петька по большому зеленому лугу (в заключении мистического романа все символично, и, конечно, "большой зеленый луг" - символ Земли - *А.К.-Р.*), а на этом лугу лежал **сверкающий алмазный шар** (это его "звезда" - *А.К.-Р.*), больше Петьки. Во сне взрослые, когда им нужно бежать, прилипают к земле, стонут и мечутся, пытаясь оторвать ноги от трясины (трясина - Петлюра, Демон . . . вся засасывающая человека " . . . муравьиная, злая возня Маленькой нашей планеты" - *А.К.-Р.*). Детские же ноги резвы и свободны (Петька свободен, как птица, и фамилия у него птичья, а имя - гриневское - *А.К.-Р.*). Петька добежал до алмазного шара и, задохнувшись от **радостного смеха**, схватил его руками. Вот и весь сон Петьки. От удовольствия он **расхохотался** в ночи. И ему **весело стрекотал сверчок за печкой**. Петька стал видеть иные, легкие и радостные сны, а **сверчок все пел и пел свою песню**, где-то в щели, в белом углу за ведром, **оживляя сонную бормочущую ночь в семье**".

Вспомним, что в начале романа при описании квартиры Турбиных упоминаются голландская "изразцовая печка", Петр Первый (саардамский плотник, прорубивший окно в Европу, от которой существенно и надолго отделил Россию Октябрь 1917-го) и роман Пушкина. В заключении названы "печка" - символ жизни и тепла в доме; "сверчок" - арзамасское прозвище Пушкина, который вел свою родословную по материнской линии от "арапа", крестника Петра Великого; "белый угол" - в красном углу место иконам, их не будет в петькиной жизни, но в ней должен быть чистый, "белый угол", символизирующий понятия о чести, священные для всех истинных представителей русской культуры, в том числе для Белой Гвардии (эти понятия, помнит о которых нас учит автор "Капитанской дочки", выработаны христианской культурой); "ведро" - хранилище воды, без которой нет жизни человеку; "вода" - символ истины, христианской веры ("но вода, которую Я дам ему, делается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную" - Евангелие от Иоанна, гл. 4, ст. 14).

Думается, все это означает нерасторжимую связь Священного писания как кладезя высших истин, творчества Пушкина, оживляющего добро в человеческой душе, Чистоты, Света, Чести и Тепла в русском Доме, то есть в Отечестве.

Находящийся в том же трагическом положении, что и герои его романа, Булгаков желает от всей души Петьке, представителю новой России, счастья, невозможного без сохранения культурной преемственности и понятия о чести. Делает он это вместе с арзамасским Сверчком, который ("это веселое имя - Пушкин") "весело стрекотал" Петьке, "все пел и пел свою песню", и Петька видел "легкие и радостные сны". Точно так же в "Метели", где тайно звучит: "О! не знай сих страшных снов Ты, моя Светлана", Сверчок-Пушкин обращается с пожеланиями счастья к своей невесте, к сестре и к другу - Светлане-Жуковскому.

Булгаков во многом постиг тайнопись пушкинской "Метели", являющейся не только частью "Повестей Белкина", но и неотрывную от "Капитанской дочки", и воспользовался этой тайнописью. Символ "девица К.И.Т.", указывающий, в частности, на неразрывную связь веков и тысячелетий в истории европейской культуры, обращен не только в прошлое, но и в будущее. Столь же тайно, как и в "Метели", "девица К.И.Т." заявила о себе в романе Булгакова, преобразившись в кита-белуху.

Маленькая и внешне непритязательная повесть "Метель", "слышанная от многих особ" и передающаяся к новым ее рассказчикам, - произведение космического масштаба. Наверное, она "еще принесет сюрпризы".

Глава 2

1

Кто такой Белкин и как он соотносится с Пушкиным?

"Взявшись хлопотать об издании Повестей И.П.Белкина, - говорит издатель А.П., - мы желали к оным присовокупить хотя краткое жизнеописание покойного автора и тем отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились было мы к Марье Алексеевне Трафилиной, ближайшей родственнице и наследнице Ивана Петровича Белкина; но, к сожалению, ей невозможно было нам доставить никакого о нем известия, ибо покойник вовсе не был ей знаком".

Распутывая этот узелок, не раз вспомнишь, что Баратынский от "Повестей Белкина" "ржал и бился".

С одной стороны, обращение к Марье Алексеевне вызывает в памяти концовку "Горя от ума": "Ах! Боже мой! что станет говорить княгиня Марья Алексевна!" - и таким образом является апелляцией к мнению общества¹. Но ему Белкин действительно "вовсе не был знаком". С другой стороны, ближайшую родственницу и наследницу своего пародийного двойника Пушкин сближает со своей покойной бабушкой, Марьей Алексеевной Ганнибал, что, впрочем, еще надо доказать.

Не претендуя пока на выводы, замечу: придуманная и, несомненно, несущая семантическую нагрузку фамилия Трафилин производна от глагола потрафить (угодить). Пушкинский африканский прадед и Петр I потрафили друг другу - царь высоко вознес своего крестника за его способности и верную службу. Мальчик Ибрагим "в крещении наименован... был Петром, но как он плакал

---

¹ Ср. это с тем, что писал Пушкин Плетневу за несколько дней до свадьбы: "Душа моя, вот тебе план жизни моей. Я женюсь в сем месяце, полгода проживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь - как тетки велят. Теща моя та же тетка. То ли дело в Петербурге! Заживу *мещанином* (цитата из недавно созданной "Моей родословной" -- А.К.-Р.) припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна. (Пушкин А.С. Т. 10. С. 259).

и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом”¹. Это имя “выбрано, вероятно, по созвучию с Ибрагимом”². Изначальным своим именем он и подписывался. Поскольку отчество он получил от крестного, инициалы Ибрагима Петровича (И.П.) - те же, что у И.П.Белкина, при этом его же инициалы в качестве Абрама Петровича совпадают с инициалами издателя А.П. В атмосфере загадочных переключек и совпадений у “любопытных изыскателей” и родилось предположение, что фамилия Трафилин расширяется как Ганнибал. Проверим это предположение.

Вспомним, что пишет издателю А.П. о покойном “бывшем друге и соседе по поместьям” “один почтенный муж” из Ненарадова (примем к сведению: от Горюхина до Ненарадова рукой подать): “Иван Петрович Белкин родился от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхине”. Дата рождения сдвинута на год по отношению к пушкинской. “Почтенный отец его, секунд-майор Петр Иванович Белкин (в 1798 г., получив чин майора, вышел в отставку С.Л.Пушкин - А.К.-Р.) был человек не богатый, но умеренный и по части хозяйства весьма смысленный” - намек на анекдотическую скупость и безалаберность Сергея Львовича.

Прототипы И.П. и П.И.Белкиных очевидны. Причем эти двойники живых-здоровых А.С. и С.Л.Пушкиных - усопшие. В согласии с такой инверсией живая ближайшая родственница скончавшегося сочинителя Белкина оказывается полной тезкой покойной бабушки истинного живого автора “Повестей”.

Одно из значений фамилии Белкин - Пушкин. То же относится к аббревиатуре Р**. (напомню: означенная буква принадлежит к числу пушкинских псевдонимов; прототипом героини “Метели”, Маши Р**, явилась сестра поэта Ольга Сергеевна; в сочетании с фамилией имя, отчество и инициалы Гаврилы Гавриловича Р** воспринимаются как намек на Гаврилу Григорьевича Пушкина, которого А.С.Пушкин сделал действующим лицом в “Борисе Годунове” и у которого была дочь Марья Гавриловна.)

Благодаря соседству Белкиных и Р**, “ведущих родословную” от Пушкиных владельцев Горюхина и Ненарадова (как чудесно роднит эти названия антитеза: “горевать - не нарадоваться”!) особый интерес приобретает то обстоятельство, что супруга Гаврилы Гавриловича Р** - Прасковья Петровна, а жена Петра Ивановича Белкина - Пелагея Гавриловна. Не объединяет ли эти семьи близкое и притом двойное родство? Не женат ли Гаврила Гаврилович на дочери Петра Ивановича, а тот - на дочери (или

¹ Пушкин А.С. Т. 8. С. 259, 57.

² Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937. С. 22.

сестре) Гаврилы Гавриловича? Казалось бы, такая догадка высмеивается цитатой: "Петр Иванович Белкин был женат на девице Пелагее Гавриловне из дому **Трафилиных**" - стало быть, Р** тут ни при чем. И был бы то смех без достаточной причины. Но трудно не начать "ржать и биться", обнаружив именно в упоминании девичьей фамилии Пелагеи Гавриловны указание на перекрестное родство Белкиных и Р**, а также ключ к шифру, в коем, как будет доказываться, синонимы суть фамилии и аббревиатуры: Пушкин, П. (А.П. - издатель "Повестей"; И.Л.П. - рассказчик "Выстрела"), Белкин, Р** (ненарадовские помещики), Р*** (поручик из "Выстрела"), Бурмин, Б*** (соперник Сильвио), Трафилин, Ганнибал. Нам предстоит убедиться в том, что не названные, но угадывающиеся в тексте фамилии Пушкин и Ганнибал, относящиеся к отцовской и материнской линиям рода поэта, - фамилии-прототипы, что от них производны фамилии и аббревиатуры из "белкинского" мира, которые являются фамилиями-псевдонимами, что все перечисленные синонимы сводятся к двум "собирательным" - фамилии-прототипу Пушкин и фамилии-псевдониму Трафилин.

Как известно, прямым предком Пушкина по двум линиям был родившийся в 1644 г. Петр Петрович Пушкин, один из средних сыновей которого приходится поэту прапрадедом по отцу, а младший, Алексей Петрович, - прадедом со стороны матери. Дочь Алексея Петровича Пушкина - невестка царева крестника, Марья Алексеевна Ганнибал, бабушка Александра Сергеевича. Своему зятю, Сергею Львовичу Пушкину, она была троюродной сестрой.

Дочь Осипа Абрамовича и Марья Алексеевны Ганнибал, Надежда Осиповна, вышла замуж за своего четвероюродного дядю, в результате чего срослись две ветви рода, идущие от П.П.Пушкина. Родители Надежды Осиповны расстались, когда она была в младенчестве. Ее опекунами назначили дядьев - статского советника Михаила Алексеевича Пушкина и генерал-майора Петра Абрамовича Ганнибала¹. Они способствовали тому, чтобы девочка росла с матерью, Марьей Алексеевной Пушкиной-Ганнибал. Можно ли Надежду Осиповну в качестве невесты назвать точнее, чем девицей Ганнибал из дому Пушкиных?

Теперь не приходится сомневаться в том, что Пелагея Гавриловна Белкина (ее прототип - Надежда Осиповна), жена секунд-майора Петра Ивановича Белкина (его прототип - С.Л.Пушкин) и матушка сочинителя Белкина (двойника А.С.Пушкина), была сестрой или дочкой Гаврилы Гавриловича Р** (из роду Пушкиных). И не опровергается, а подтверждается это тем, что Пелагея Гавриловна Белкина, урожденная Р**, происходила "из

¹ См.: Вегнер М. Указ. соч. С. 273.

дому Трафилиных". Внешне абсурдная необходимость признать в таком случае синонимами фамилии Белкин, Р**, Трафилин, Пушкин и Ганнибал - эзотеричное автобиографическое указание на то, что мать поэта, прототип Пелагеи Гавриловны, по крови была не только Ганнибал, но и Пушкиной и что Пелагея Гавриловна также вышла замуж за своего родственника и в некотором смысле однофамильца. Кроме того, признав синонимами фамилии Белкин, Р**, Трафилин, Пушкин и Ганнибал, мы должны согласиться с тем, что Пушкин действительно сближает родственницу и наследницу Белкина Марью Алексеевну Трафилину с Марьей Алексеевной Пушкиной-Ганнибал и что Марья Алексеевна Трафилина в родстве не только с Белкиным, но и с ненародовскими помещиками Р**.

Так кем же доводится И.П.Белкину М.А.Трафилина? Для ответа на этот вопрос надо узнать, кто ее родители.

2

От чьего имени Пушкин, укрывшись под прозрачным псевдонимом "издатель А.П."¹, в письме к самому себе пародирует свою родословную? В Предисловии нет имени этого героя, но легко догадаться, что это Бурмин, который поселился в женином имении Ненародове и скрывается в Предисловии под личиной дремучего провинциала. Так подтверждается сказанное о нем в гл. 1 как об автобиографическом персонаже. Более того, теперь можно утверждать, что он, как Белкин (кстати, напомним: в гл. 1 установлено, что годы рождения того и другого состоят из одних и тех же цифр - 1789 и 1798), - двойник Пушкина. Документальное тому подтверждение - "несообразность" в датах отправления и получения корреспонденции.

"Милостивый государь мой** **!"

Почтеннейшее письмо ваше от 15-го сего месяца получить имел я честь **23 сего же месяца** . . "

Так начинается послание, под которым стоит дата: "1830 году **ноября 16**". Ответ на письмо отправлен за неделю до того, как оно получено².

Мистификатор "запутался" в датах и "проговорился", что

¹ Этот псевдоним одновременно указывает на истинного издателя "Повестей", ибо в нем переставлены местами инициалы имени и отчества Петра Александровича Плетнева.

² Поистине, приводя сей "драгоценный памятник благородного образа мнений и трогательного дружелюбия, а вместе с тем . . и весьма достаточное биографическое извешие", "издатель" имел основание предварить его словами: ". . И на письмо наше получили нижеследующий **желанный** ответ".

издатель А.П., пишущий к нему почтенный друг покойного Белкина и сам Белкин (который неизвестен общественному мнению, заявляющему о том в лице Марьи Алексеевны) - фигуры вымышленные, и "роли" их "сыграны" Александром Пушкиными¹.

Неслучайность дат отправления и получения (15 и 23) письма издателя подчеркнута их дублированием в жизнеописании Белкина: "В 1815 году вступил он в службу в пехотный егерский полк. . . в коем находился до самого 1823 года".

Что же касается даты, коей помечено "весьма достаточное биографическое известие", ею сказано: "1830 году ноября 16" закончены "Повести Белкина".

Эта дата согласуется с бесспорным выводом Н.Петруниной о том, что Предисловие написано в ноябре, позже повестей (последняя из них - "Метель" завершена 20.10), после прекращения работы над "Историей села Горюхина"². Кроме того, едва начав разбор Предисловия, мы убедились в том, что оно соотносится с повестями как ключ с шифром и, разумеется, было создано после них. Далее подчеркну, что все части цикла, за исключением Предисловия, датированы (в рукописи), и было бы странно, если б то же не было сделано в отношении Предисловия. Куда вероятно, что Пушкин, отметив в рукописи для себя (и, возможно, для исследователей-потомков) даты окончания всех повестей, тайно обнаружил прямо в тексте сочинения дату завершения работы над циклом (эта дата дополнительно замаскирована - с тем, чтобы привлечь к ней внимание "любопытных изыскателей"! - "незадачливостью" мистификатора, "просчет" которого, кажется, до сих пор не замечался). Наконец, мы увидим, что все эти даты включены в художественную структуру "Повестей" и являются ориентирами, позволяющими установить хронологию событий, личность героев и возраст их. Например, число 16 сообщает не только дату окончания опуса, но и то,

---

¹ Аналогичным образом "просчитывается" сам Белкин в "Истории села Горюхина": ". . . Достиг я шестнадцатилетнего возраста. < . . > В сие время определился я юнкером в ** пехотный полк, в коем и находился до прошлого 18** года". Дата рождения "этого" Белкина - 1 апреля (!) 1801 г., следовательно, он начал службу в 1817 г. (1801+16=1817), закончил же ее в 1826 г., ибо завершил свой исторический опус "ноября 3 дня 1827 года" ("прошлый год" - 1826). Однако фраза Белкина: "Восемь лет не видал я Горюхина" - свидетельствует о том, что его служба прервалась в 1825 г. (1817+8=1825). Наконец, его слова о том, что, достигнув "смирной отеческой обители", он "заснул в той самой комнате, в которой за 23 года тому родился", относят отставку к 1824 г. (1801+23=1824).

² См.: П е т р у н и н а Н. Когда Пушкин написал предисловие к "Повестям Белкина" // Временник пушкинской комиссии. Л., 1985. С. 31-51.

что Марья Алексеевна Трафилина родилась в 1816 г., что она - дочь Марьи Гавриловны Р** и Бурмина, что эти герои "Метели" в другой повести предстают перед нами графиней и графом Б***.

Путь к доказательству этого извилист и длинен.

Вспомним, что супружеская жизнь обвенчанных в 1812 г. Бурмина и Маши Р** началась летом 1815 г. Вполне вероятно появление у них ребенка в 1816 г. (Кстати, числа 15 и 16 знакомы нам по Предисловию.) Естественно допустить, что девочка была наречена, как ее мать, Марьей (конечно, это сделано также в честь бабушки прототипа И.П.Белкина и Бурмина). Ее отчество свидетельствует о том, что Бурмина звали Алексеем. Инициалы его и издателя созвучны (А.Б. - А.П.; "зарифмованы" парные, звонкий и глухой, согласные), а имена их и первые два звука фамилий также "рифмуются" (Алексей Бурмин - Александр Пушкин). Еще ряд совпадений: Пелагея Гавриловна **Белкина**, урожденная Р**, была "из дому **Трафилиных**", а "ближайшая родственница и наследница" **И.П.Белкина**, дочка Марьи (в девичестве Р**) и Алексея Бурминых, носит фамилию **Трафилина**. Это новое подтверждение того, что Бурмин принадлежит все к тому же роду Белкиных - Р** - Трафилиных (т.е. Пушкиных - Ганибалов). Автобиографичность Бурмина подчеркнута помимо прочего тем, что его инициалы и фамилию поэт "зарифмовал" со своими.

Система таких "рифм" обнимает большую часть героев цикла: **Белкин - Берестов; Бурмин - Муромский; Пушкин - Белкин; Петр Иванович Белкин - Иван Петрович Берестов - Иван Петрович Белкин; Алексей Берестов - Алексей Бурмин - Александр Пушкин; ненарадовские помещики Р** - поручик Р*** - граф Б*** - граф Пронский; А.Б. - А.П. (Алексей Берестов, Алексей Бурмин, Александр Пушкин, Адриан Прохоров); И.Б. - И.П. (Иван Белкин, сказчик "Выстрела" И.Л.П.); И.Л.П. - А.П. Такая гармония есть не только проявление слуха великого поэта, но и тайный знак автобиографичности "Повестей". Этот знак подобен "оплошности" в Предисловии, где даты выдают перевоплощение Пушкина в издателя и Бурмина. "Рифмы" эти "направлены" к Пушкину. Совпадают даже инициалы его и Адриана Прохорова - единственного "не выдуманного" персонажа, знакомого Пушкина и Гончаровых, соседа будущей родни А.П.¹**

Слух, виртуозность и остроумие поэта выразились также в

---

¹ Кроме того, упоминавшийся Гаврила Григорьевич Пушкин (дочь которого звалась Марьей Гавриловной) был в 1609 г. воеводой в Муроме, а его сын Григорий Гаврилович был с 1630 г. по 1632 г. - воеводой в Пронске (см.: В е с е л о в с к и й С. Род и предки А.С.Пушкина в истории. С. 206, 210), с чем, очевидно, связаны фамилии родственников - Григория Муромского и графа Пронского.

имеющей автобиографическое значение игре русских и латинских букв. В этом отношении у "Повестей" есть предшественники в пушкинском творчестве. Один из примеров - эпитафия ко второй главе "Онегина": "O rus! Ног!. О Русь!" <<Он не зря считал поэта эхом, - комментирует эпитафия Непомнящий. - Он - как поэт - не только чувствовал, но и мыслил звуками. И они чудесным образом выражали то, что ему было нужно - будто каждое слово, которое он брал в руки, возникало специально для него, для нужного ему употребления. Это доходило порой до смешного - и этим смешным он тоже пользовался. < . > Ног. вместо Noratius. < . > Лень, что ли, несколько букв приписать? А прочтем-ка. . . вслух по-русски. И выйдет: после слов "О деревня!" - "Хор.". < . > Он, конечно, вовсе не придумывал этого, он это услышал. . >>² В этом каламбуре Пушкин словно предвосхитил обманчиво враждебную к нему волю Судьбы, забросившую его в михайловскую ссылку, где, в глубине России, он стал национальным поэтом. <<Ведь еще в Одессе, - замечает Непомнящий, - в первой главе "Онегина", он от чистого сердца писал: ". . . Поля! Я предан вам душой", а в эпитафии ко второй главе воскликнул: "O rus! (О деревня!) О Русь!" Некоторые считают, что это ирония над отсталой деревенской Русью, - но ведь эпитафия у Пушкина всегда отсылает к контексту, а у Горация сказано: "О деревня, когда же я увижу тебя?>>³

Сочиняя жизнеописание Белкина, Пушкин, как уже говорилось, помнил о своем прямом предке по отцовской и материнской линиям. Оный П.П.Пушкин примерно в 1683 г., когда <<межевал земли в станах московского уезда, вместе с родственниками поэта подал роспись своего рода в Рязанский приказ. В этой росписи Пушкины показали своим родоначальником. . . выходца "из немец", "мужа честна Ратшу">>⁴. О нем сказано в "Начале автобиографии": "Мы ведем свой род от прусского выходца Р а д ш и или Р а ч и (м у ж а ч е с т н а, говорит летописец, т.е. знатного, **благородного**)"⁵. А пародийный двойник Пушкина, как сообщается в первой же фразе его жизнеописания, ". . . родился от **честных и благородных** (можно добавить: **знатных** - А.К.-Р.) родителей. . .". Этот веселый намек на древность рода смиренного "мещанина" (не "аристократа") Белкина-Пушкина в духе "Моей родословной". Там Рача назван первым в ряду знаменитых пращуров поэта:

1 "О деревня!" (Г о р а ц и я).

2 Н е п о м н я щ и й В. Указ соч. С. 393.

3 Там же. С. 82.

4 В е г н е р М. Указ. соч. С. 161-162.

5 П у ш к и н А.С. Т. 8. С. 56.

В Предисловии к "Повестям" имя этого пушкинского предка присутствует незримо, как, впрочем, и фамилия владельцев Ненадрова. А ведь инициал фамилии Гаврилы Гавриловича Р** напоминает не только о Пушкиных (Pouchkine), но и о Раче. Паре возможностей "перевода на русский" латинской буквы Р соответствует забавная возможность "прочтения по-французски" написанного от руки по-русски имени Рача - получится русское слово "пара".

Почему я думаю, что Пушкин имел в виду эту игру букв? Во-первых, как заметил Веселовский, «обращает на себя внимание двукратное употребление Пушкиным имени Рача наряду с правильной формой Ратша. Дело в том, что имя Рача нигде не встречается - ни в родословицах, ни в летописях, ни в других источниках. Возможно предположить, что "Рача" был плодом французского воспитания Пушкина. Во французском языке звука "ч" нет. Для передачи его в иностранных словах приходится употреблять три буквы - tch. Между тем имя Ратша, записанное французскими буквами - Ratcha, француз мог прочитать как Рача»¹. Точно так же Рача можно прочитать как "пара". Во-вторых (и это главное), в такой игре букв участвует не только аббревиатура Р***, но и фамилия Трафилин (первая символизирует "пушкинскую", а вторая - "ганнибальскую" ветви белкинского рода). Графическое тождество латинской и русской печатной буквы Т дополняется фонетическим; напротив, графически идентичные рукописные Т - разные (Т и Г) буквы и звуки в латинском и русском языках. И если аббревиатура Р*** расшифровывается как Пушкин, Рача, Ржевский и Рюрик², то Т*** (как синоним аббревиатур П, Р*** и Б*** она незримо присутствует в "Повестях") - как Трафилин, Ганнибал, Головин³ и Гончарова (еще один пример того, что "собирабельная" фамилия Трафилин тождественна не только

¹ Веселовский С. Указ. соч. С. 14-15.

² Урожденной Ржевской была прабабушка Пушкина Сарра Юрьевна, мать Марьи Алексеевны Пушкиной-Ганнибал. По этой линии Пушкин явился "прямым потомком в тридцать третьем колене Рюрика, имел в числе своих прямых предков первых киевских великих князей - Игоря, Святослава, св. Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и др." (Вегнер М. Указ. соч. С. 189). Семейные предания Ржевских дошли до Пушкина через его бабушку Марию Алексеевну. Среди действующих лиц в "Арапе Петра Великого" - Гаврила Афанасьевич Ржевский.

³ Урожденной Головиной была другая прабабушка поэта - Евдокия Ивановна, жена Александра Петровича Пушкина и бабушка Сергея Львовича. Головины упоминаются в "Начале автобиографии".

фамилиям-псевдонимам - Белкин, Бурмин, Б***, Р***, но и фамилиям-прототипам - Пушкин, Ганнибал; к последним добавляется также неназванная, но крайне важная в контексте автобиографического опуса фамилия Гончаровой, вскоре сделавшейся Пушкиной).

Блестательный пушкинский ход в игре буквами разных алфавитов - указание на знатность Марьи Алексеевны Трафилиной, чья простецкая фамилия читается также: Графилина! Намек на грибодовскую княгиню Марью Алексевну в первых строках Предисловия, оказывается, имеет еще тот смысл, что ее пушкинская тезка, фамилия которой содержит "смешенье языков: французского с нижегородским" (и немудрено: она увидела свет в Нижегородской губернии), "ближайшая родственница и наследница" смиренного и небогатого мещанина, "родившегося от честных и благородных родителей" Ивана Петровича Белкина, является **Графиней Марьей Алексеевной Трафилиной-Бурминой-Б***-Р**-Белкиной**, дочкой героев "Метели"¹.

Все это, как и версия о рождении М.А.Трафилиной в 1816 г., находит неопровержимое подтверждение в числовой конструкции, наличествующей в "Повестях"² и, в частности, в цикле, сюжет которого образован (по хронологии событий) первой частью "Выстрела", "Метелью" и второй частью "Выстрела", обрамленными Предисловием, играющим роль вступления и заключения³. Отчасти уже начатое рассмотрение этой числовой конструкции продолжится в последующих разделах главы.

---

¹ В "Метели" появление Бурмина предварено и прокомментировано цитатой (см. ее разбор в гл. 1) именно из "Горя от ума". С той же комедией связана литературная генеалогия его дочки.

² Ее составляют даты событий, интервалы между ними, возрасты героев и их прототипов, количество действующих лиц в том или ином эпизоде или в повести, расстояния между деревнями, чины (их класс в "Табели о рангах"), которые имеют герои, и т.д.

³ Пушкин позаботился о стройности этой пятичастной композиции. Она симметрична: центром является третья часть ("Метель"), вторая часть зеркально отражается в четвертой, первая - в пятой.

Слышанная Белкиным от девицы К.И.Т. "Метель" входит, по моему мнению, в три цикла: в "Повести Белкина", в содержащийся в них упомянутый цикл меньшего объема и в космический цикл (о нем говорилось в гл. 1), образуемый ветхозаветной Книгой пророка Ионы, пушкинскими "Метелью" и "Капитанской дочкой" и булгаковской "Белой гвардией".

Соперник Сильвио, граф Б***, рассказывая об их втором поединке, называет свою жену Машей (именем героини "Метели"). Граф вспоминает о событиях пятилетней давности ("Пять лет тому назад я женился", - начинает он повествование), о медовом месяце, который он с женой провел в ее деревне. Очевидно, место действия - богатое Ненарадово, куда нанес визит из бедной деревеньки (нам предстоит удостовериться в том, что это - Горюхино) сосед, смахивающий на Белкина. Он появился у супругов Б*** в первое воскресенье после того, как они "в начале июня месяца" приехали в деревню. Значит, супружеская жизнь Бурмина и Марьи Гавриловны, обвенчанных в 1812 г., началась в июне 1815 г., а их встреча с рассказчиком "Выстрела", состоявшаяся спустя пять лет, относится к 1820 г. Также за пять лет до того, в 1815 г., когда Бурмин вторично стрелялся с Сильвио, с последним расстался рассказчик ("... Да вот уже пять лет, как об нем не имею никакого известия", - говорит он). Обратим внимание на ряд наверняка неслучайных совпадений: в том же 1815 г. начал служить Белкин, вышедший в отставку в 1823 г.; Бурмин обвенчался с Марьей Гавриловной в возрасте 23 лет (ибо, как установлено в гл. 1, он родился в 1789 г.); при встрече с рассказчиком он - "мужчина лет тридцати двух" (в 1820 г. ему шел 32-й год); Белкину в 1820 г. шел 23-й год. Все это наводит на мысль, что рассказчик "Выстрела" - двойник Белкина.

В связи с этим обратим внимание на три важнейшие вехи в хронологической конструкции "Повестей". Второй поединок Сильвио с графом Бурминым (Б***) произошел в 1815 г., а первый (случившийся шестью годами ранее) - в 1809 г. Поскольку вторая часть "Выстрела" зеркально отражает первую¹, эстетическое чувство подсказывает, что 1815 г. должен оказаться осью симметрии (1809 - 1815 - 1821), и тогда развязка повести придется на 1821 г. (когда, кстати сказать, Белкину сравнялось 23 года, а Бурмину - 32). Подтверждение этой догадки заключено в последнем предложении "Выстрела": "Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами". Дата сражения (понятно, не названная Пушкиным) - 17 июня 1821 г.

Удивительным сочинителем был с виду простоватый человек, неопытный, безыскусный и страдавший недостатком воображения

¹ См.: Б л а г о й Д. Мастерство Пушкина. М., 1955.

литератор Белкин, умудрившийся написать повесть, пронизанную датами, и не выставить ни единой¹.

Продолжая с их помощью исследование, обратимся к фигуре рассказчика "Выстрела" - друга Сильвио и соседа Бурминых. Как известно, упоминание о том, что "Выстрел" слышан от подполковника ИЛП - намек на И.П.Липранди, одного из прототипов Сильвио. Однако вследствие перестановки инициалов пушкинского друга эта аббревиатура содержит намек также на Пушкина (П.) - главного прототипа Сильвио и графа Б*** (Бурмина). Есть в ней и третий намек - на тезку **Ивана Петровича** Липранди, пушкинского двойника Белкина (налицо и ожидаемая "рифма" в инициалах рассказчика "Выстрела" и **Ивана Белкина**: И.П. - И.Б.). Наконец, четвертый намек - на пушкинскую, ганнибальскую, белкинскую, бурминскую и трафилинскую фамилию еще одного действующего лица: бешено вспыльчивого поручика Р***, запустившего в Сильвио скандалом. Мне кажется, что этот намек в сочетании с предыдущими словно "выводит на поклон к публике" трех прототипов всех мужских персонажей повести: Протей-Пушкина ("сыгравшего роль" Сильвио, поручика Р***, графа Б*** и подполковника ИЛП.), Липранди (его "роли" - Сильвио и подполковник ИЛП.) и графа Федора Ивановича Толстого-Американца (Сильвио, граф Б***, подполковник ИЛП.).

Необходимо прокомментировать предположение о том, что Толстым "сыграна роль" ИЛП. Не новость, что некоторые его черты воплотились в Сильвио и графе Б***. Его можно вообразить рассказчиком повести, ибо у него была ссора с Пушкиным, который готовился к дуэли с ним, как Сильвио к поединку с графом Б***, шесть лет. Но какое отношение к Толстому имеют инициалы и чин подполковника ИЛП? Бывший перед выходом в отставку в 1811 г. (время действия в начале "Метели") подполковником (как, возможно, двумя годами ранее Сильвио, который "служил в гусарах, и даже счастливо") Федор Иванович был графом (как Бурмин). Такие совпадения позволяют предположить, что Пушкин учитывал аббревиатуру "Граф Т***" (Толстой) - ведь благодаря инициалу фамилии и "игре" *Т* и *Т* эта аббревиатура указывает на графскую фамилию Трафилин (т.е. Пушкин, Ганнибал,

---

¹ Все они выясняются из сопоставлений сюжетных связей между "Выстрелом", "Метелью" и Предисловием с датами, разбросанными в частях цикла: Предисловие - 1-я часть "Выстрела" - "Метель" - 2-я часть "Выстрела" - Предисловие - цикла с единым сюжетом и одними и теми же главными героями.

Р***, Бурмин, издатель А.П., подполковник П.)¹.

Инициалы рассказчика (И.П.) роднят его с Иваном Белкиным (И.Б.). Но ни в рассказчике, каким он предстает в повести, ни в Белкине решительно не узнается подполковник (сравнительно высокий чин 7-го класса, равный тайному советнику). Зато их обоих легко представить себе в чине 10-го класса - поручиками². Поручику соответствует коллежский секретарь - единственный чин, в котором числился до 1833 г. по службе и в отставке поэт, сочинявший перед женитьбой повести своего покойного приятеля Белкина.

Поручиком был Толстой³, когда он в 1805 г. по возвращении в Петербург из русских владений в Америке (на Алеутских островах его ссадили с корабля за выходки во время первого русского кругосветного плавания; о его экстравагантной жизни на Аляске долго судачила молва), был переведен в том же чине (поручиком) из гвардейского Преображенского полка⁴ в глухое местечко, в гарнизон Нейшлотской крепости⁵. Такой перевод из старой гвардии в армию, означавший понижение на два чина (поручику старой гвардии был равен в звании армейский ротмистр), подобен ссылке или отставке, тем более, что в 1805 г. началась война с Бонапартом, на которую Толстой рвался. В местечко *** удалился вышедший в отставку Сильвио, где в добровольном заточении, подчинив жизнь идее мщения, упражнялся в стрельбе по тузам и

¹ Вроде бы, мою версию разрушает то, что Бурмин и Липранди, которых я считаю двойниками подполковника И.П., были (в отличие от рассказчика) полковниками - первый в "Метели", а второй при выходе в отставку в 1822 г. Эта кажущаяся неувязка вскоре разъяснится.

² Внушающий острую жалость своей провинциальной неловкостью, желающий казаться развязным, обращающийся к богачу Бурмину: "ваше сиятельство" - бедняк-рассказчик щеголяет дружбой с ротмистром (чином 8-го класса): "У нас был ротмистр, остряк, забавник. . ."

³ См.: Толстой С.Л. Федор Толстой-Американец. М., 1926.

⁴ В "Метели" Пушкин цитатой из "Горя от ума" (см. гл. 1) дает понять, что Бурмин тоже (по крайней мере, перед войной 1812 г.) служил в гвардии.

Его эволюция ("молва уверяла, что некогда был он ужасным повесом") сродни эволюции не только Пушкина, но и Толстого-Американца. Интересно, что слово "повеса" относится к прошлому этого героя и в "Выстреле":

" - Не пощечина ли, ваше сиятельство, полученная им на бале от какого-то повеса? :

- А не сказывал он вам имя этого повеса?

- Нет, ваше сиятельство, не сказывал... Ах! ваше сиятельство, - продолжал я, догадываясь об истине, - извините. . . я не знал. . . уж не вы ли? . . ."

⁵ Местечком назван этот пункт на побережье Финского залива в указ. соч. С.Л.Толстого.

мухам во время наполеоновского нашествия. Он и Толстой, каждый в своем местечке, равно возвышались над окружающими их офицерами. Таким же было положение Сильвио и Бурмина в гвардейском гусарском полку.

10-го класса Толстому, родившемуся в 1782 г., по прибытии в 1805 г. в Нейшлотскую крепость было 23 года (число, памятное нам по Предисловию к "Повестям"). 23 года было 10-го класса Пушкину, когда он в 1822 г., стоя под пистолетом Зубова, завтракал черешнями, что, ожидая выстрела Сильвио, делал Бурмин в 1809 г., в котором 33-летний Толстой производил то же впечатление, что 31-летний Бурмин в 1820 г.: "мужчина лет тридцати двух, прекрасный собою". 23 и 32 - та же инверсия цифр, что в датах рождения Бурмина и Белкина: 1789 и 1798. И если в собеседнике графа Бурмина (последний - предположительно подполковник Б^{***}) видеть сверстника Белкина (предположительно поручика Р^{***} или П., что одно и то же), то он в этой сцене - мужчина лет двадцати трех.

Вполне допустимо, что подполковник Б^{***} (А.Б.), т.е. Алексей Бурмин (синонимы этой фамилии - инициалы фамилии рассказчика-подполковника П. и поручика Р^{***}), некогда в чине поручика выбирал из фуражки спелые черешни и выплевывал косточки, долетавшие до целившегося в него Сильвио: ведь Бурмин следовал примеру коллежского секретаря (-поручика) А.П., т.е. Александра Пушкина. И если последнему было во время дуэли с Зубовым 23 года, то вышедшему в отставку в том же 1822 г. армейскому полковнику (-подполковнику новой гвардии) Липранди - 32, что дает еще одно основание предположить: Сильвио вышел в отставку подполковником (сравнявшись в чине с И.Л.П.).

Как известно, Пушкин познакомился с Липранди на обеде у М.Ф.Орлова 23 сентября 1820 г.¹ (в том году он решил стреляться с Толстым) в возрасте 21 года (в 1821 г. женился Толстой и погиб Сильвио²). Липранди при знакомстве с Пушкиным было 29 лет,

¹ См.: Ц я в л о в с к и й М. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. М., 1957. С. 247.

² Вот доказательство того, что дата женитьбы Толстого учтена в "Повестях": встреча напоминающего Белкина рассказчика с графом произошла в 1820 г., через пять лет после начала семейной жизни четы Б^{***}, второго поединка Сильвио с графом и расставания Сильвио с рассказчиком; Пушкин появился в Москве и послал своего секунданта (Соболевского) к Толстому через пять лет после того, как Толстой женился; Сильвио погиб в том же 1821 г., в котором женился Толстой; Пушкин встретил Гончарову в конце 1828 г., на тридцатом году жизни, в том же возрасте сделал ей предложение и в 1830 г. обручился с ней, а Белкин занемог осенью 1828 г. и, пишет издателю Бурмин, "скончался на моих руках на 30-м году от рождения".

как Сильвио, когда он первый раз стрелялся с Бурминым¹, как Толстому, когда он в 1811 г. вышел в отставку, и как Пушкину, когда он в 1829 г. заслал в дом Гончаровых свата - Толстого (!).

Такие, и обнаруживающиеся в таком количестве, совпадения не могут быть случайными. Нам постепенно открывается картина тайного взаимопроникновения всех мужских персонажей "Выстрела": черты не менее чем двух (чаще - трех и даже более) прототипов сливаются в образе одного героя, и, напротив, тот или иной прототип узнается одновременно в разных героях (Пушкин - во всех), и все герои сводятся к фигуре подполковника И.Л.П., который когда-то, конечно, был поручиком П. (или Р***).

Еще ряд совпадений обнаруживается в перечне офицерских чинов, которые носят главные герои "Повестей": **поручик** (Р***), **ротмистр** (Минский²; кроме того, о своем приятеле **ротмистре** упоминает рассказчик "Выстрела"), **подполковник** (И.Л.П.), **полковник** (Бурмин в "Метели"). Все эти чины объединяются имеющей в "Повестях" автобиографическое значение "игрой" русских букв П и Р с латинской Р. Сверх того надо учесть, что офицеры старой гвардии имели преимущество в два чина перед армейскими, а офицеры новой гвардии - преимущество в один чин, и потому все перечисленные чины объединяются парами соответствий (снова "пуля всаживается на пулю"): армейский **поручик** (10-й класс) - старой гвардии **поручик** (8-й класс); старой гвардии **поручик** (8) - армейский **ротмистр** (8); старой гвардии **ротмистр** (8) - армейский **полковник** (6); новой гвардии **ротмистр** (7) - армейский **подполковник** (7); новой гвардии **подполковник** (6) - армейский **полковник** (6).

Какое отношение имеют эти соответствия к героям произведения и их прототипам?

Толстой, переведенный поручиком из входившего в состав старой гвардии Преображенского полка в армейский гарнизон Нейшлотской крепости, был фактически разжалован из ротмистров в поручики. Следовательно, этот его двуединый чин соответствует и чину Пушкина, и, полагаю, чину Бурмина в 1809 г. (поручика; наверное, Сильвио и Бурмин служили в том гвардейском гусарском полку, куда мечтал определиться Пушкин-лицейст), и чину вспыльчивого армейского поручика Р***, и чину приятеля рассказчика "Выстрела", армейского ротмистра. С другой стороны, ротмистр Минский, если он служил в гусарском полку старой гвардии

¹ В 1815 г. (как установлено выше, именно об этом времени вспоминает рассказчик в первой части повести) Сильвио "было около тридцати пяти лет", следовательно, он родился в 1780 г. и в 1809 г. ему было 29 лет.

² И этот персонаж автобиографичен, ибо автобиографичен Минский герой неоконченной повести "Гости съезжались на дачу. . .".

(в чем трудно сомневаться), был равен в чине армейскому полковнику. Наконец, надо учесть, что в 1824 г. был сформирован лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, на правах молодой гвардии, и, как я сейчас постараюсь показать, рассказчик "Выстрела", выйдя в отставку поручиком, вернулся в службу именно в 1824 г., продолжил ее именно в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, где стал подполковником и сравнялся в чине с армейскими полковниками Липранди, Толстым и Бурминым.

Превращение Толстого из подполковника (им он был перед отставкой в 1811 г.) в полковники запечатлели мемуары Липранди: "Накануне Бородинского сражения, под вечер, находясь на строящейся центральной батарее, я услышал, что кто-то отыскивает какого-то полковника графа Толстого. Оказалось, что это мой старый знакомый, в то время начальник ополчения"¹. Если бы Бурмин закончил Отечественную войну, как начинал ее, гусаром старой гвардии, то его полковничий чин не соответствовал бы названному чину Липранди и Толстого. Но ведь он мог заканчивать войну в армейском гусарском полку. В таком случае перевод Бурмина из гвардии в армию означал бы опалу, вызванную, например, ссорой с начальством или дуэлью, что было бы в духе биографий прототипов этого персонажа - не только Пушкина и Толстого, но и Липранди, которого одна из его многочисленных дуэльных историй вынудила перейти из гвардии в рядовой армейский полк². Рана Бурмина (в "Метели" упоминается о его перевязанной руке) отличается от раны, полученной Толстым в Бородинском сражении, и одновременно напоминает о ней (Толстой был ранен в ногу)³.

---

¹ Цит. по: Толстой С.Л. Указ. соч. С. 35.

"Из этого, - замечает Сергей Львович, - как будто следует, что Толстой при Бородине был уже полковником. В этом, однако, можно усомниться. Вероятно, Липранди называет (и, вероятно, называл, рассказывая об этом Пушкину - А.К.-Р.) его полковником потому, что он командовал каким-нибудь отрядом ополчения; это не значит, что он был полковником". (С. 36.) Замечу, что даже такая неопределенность чина Толстого (подполковник - полковник) - в духе рассмотренного соответствия чинов подполковника И.Л.П. и полковников Бурмина, Липранди, Зубова и др.

² См.: Трубецкой В. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983. С. 88.

³ Напоминает о ране Толстого и орден (Бурмин - "раненный гусарский полковник с Георгием в петлице"): " В 1812 году, - пишет С.Л.Толстой о Ф.И.Толстом, - он был уже не военным, а жил частным человеком в своей калужской деревне. В 1812 году он опять поступил в службу в качестве рядового ратника московского ополчения. На войне он вернул себе чин и ордена и безумной храбростью заслужил Георгия 4-й степени. При Бородине он был

Почему я думаю, что рассказчик "Выстрела" вышел в отставку поручиком (—упомянутому чину Пушкина, коллежскому секретарю), вновь вступил в службу в 1824 г. в сформированный тогда лейб-гвардии Гродненский гусарский полк (новая гвардия) и стал в нем подполковником?

Во-первых, 1824 г. - год отставки Пушкина, причем Белкину, на которого столь похож И.Л.П., тогда было 26 лет, и ссылка Пушкина окончилась в 1826 г. Во-вторых, рассказчик "Выстрела" вышел в отставку в 1818 г.¹, и если он вернулся в службу в 1824 г., то его отставка длилась шесть лет, а ведь число 6 - одно из доминирующих в "Выстреле": 6 лет Сильвио ждал продолжения поединка с Бурминым, 6 лет Пушкин готовился к дуэли с Толстым, в 1830 г. исполнилось 6 лет со дня выхода Пушкина в отставку, спустя 6 лет после расставания Пушкина с Липранди были созданы "Повести Белкина"². Дата отставки (1818 г.) рассказчика соотносится с биографиями Белкина и его прототипов благодаря еще и следующему: в 1818 г. Белкину было 20 лет, а Пушкин в 1820 г. в возрасте 20 лет отправился из Петербурга в ссылку; число 1818 составлено из двух чисел 18, сумма которых - 36, и в 1818 г. Толстому было 36 лет (возможно, последнее совпадение неслучайно,

---

тяжело ранен в ногу" (Т о л с т о й С.Л. Указ. соч. С. 35). Интересно, что Липранди одним из первых приятелей Толстого узнал о его ранении: "28 августа, - вспоминает он, - до рассвета, отправляясь с квартирными к Крымскому броду и обгоняя бесчисленные обозы, я услышал из одного экипажа голос графа. Я подъехал к нему. Он был ранен в ногу и предложил мне мадеры". (С. 35.)

¹ Это будет доказано в следующей сноске.

² Дату отставки (1818 г.) рассказчика определить сравнительно легко. Он сообщает, что слух о приезде графини Б*** разнесся во вторую весну его затворничества. Как было установлено, это случилось в 1820 г. Значит, первая весна затворничества рассказчика пришлась на 1819 г. Но в отставку он вышел не весной, а в ту пору года, когда ссыльный Пушкин появился в Михайловском, что явствует из слов: ". . . Домашние обстоятельства принудили меня поселиться в бедной деревеньке Н** уезда. Занимаясь хозяйством, я не переставал тихонько вздыхать о моей прежней шумной и беззаботной жизни. Всего труднее было мне привыкнуть проводить осенние и зимние вечера в совершенном уединении". Остается заключить, что рассказчик вышел в отставку в 1818 г. и вновь начал служить спустя 6 лет, в 1824 г., когда Пушкин был сослан в Михайловское. Следовательно, есть все основания полагать, что его служба продолжилась в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, подполковник которого был равен в чине армейскому полковнику. Тогда подполковник И.Л.П. - чин 6-го класса, как его двойники, армейские полковники Толстой, Липранди и Бурмин.

ибо оно в духе "Комедии" Данте, с которой "Выстрел", как будет доказываться ниже, нерасторжимо связан).

Сообщая Вяземскому из Михайловского о работе над автобиографическими записками, Пушкин заметил: "Не лгать - можно; быть искренним - невозможность физическая"¹. Напротив, в художественном творчестве для Пушкина "невозможностью физической" было быть неискренним (искусство и неискренность - "две вещи несовместные"). Закономерно, что самый автобиографический замысел поэта воплотился в художественной форме, в "Повестях", исповедальность которых Пушкин скрыл, изложив опус от лица Белкина и тех особ, которыми тому рассказаны повести. Из всех белкинских творений "Выстрел" - наиболее автобиографическое, чем обусловлена дополнительная маскировка: перевоплощение Пушкина сразу во всех героев-мужчин и объединение в роли прототипа каждого из них себя с людьми (по преимуществу своими друзьями), в ссорах с которыми он в той или иной мере винил себя ("Выстрел" - тайное покаяние, написанное Пушкиным от своего лица и как бы от лица этих своих друзей). В совокупности такие мистификации способствовали полноте автобиографического высказывания, разнообразию ракурсов изображения самого себя, созданию "кинематографического", процессуального автопортрета, запечатлевшего пушкинскую эволюцию. Кроме того, Пушкин повествует о тех людях, ссоры его с которыми отражены в "Выстреле". Все они в той или иной степени являются прототипами рассказчика. Причем сам Пушкин перевоплощается в рассказчика через посредство Белкина, "сыгравшего роль" поручика (=коллежскому секретарю) П. (или Б***, или Р***), который с течением времени стал подполковником П. Рассказчик служил в армейском полку, о чем сразу сказано в повести: "Жизнь армейского офицера известна. Утром ученье, манеж. . ." Кажется, последнее слово указывает на конный полк² - думаю, конно-егерский, т.е. стрелковый. Предполагаю так потому, что речь идет о рассказчике "Выстрела", повествователе истории необыкновенной дуэли, знавшего толк в стрельбе и с удо-

---

¹ П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 148.

² Это гармонирует с тем, что Сильвио и Бурмин служили в коннице, да и сам рассказчик оказался после отставки в конном, лейб-гвардии Гродненском гусарском, полку.

вольствием о ней разглагольствовавшего¹. Мое мнение основано также на сообщении Бурмина о Белкине: "В 1815 году вступил он в службу в пехотный² егерский полк (числом не упомяну). . ." "Не упомянув числа", Бурмин не забыл уведомить о том, что полк - егерский, тогда как в "Истории села Горюхина", где отсутствует проблематика "Выстрела", сам Белкин пишет: ". . . Определился я юнкером в ** ("число" названо - А.К.-Р.) пехотный полк" (просто пехотный - не егерский).

О том, какую жизнь вел Белкин в полку, Бурмин умалчивает, но, наверняка, она была такой же, что в молодости у И.Л.П., Бурмина, Сильвио, поручика Р***, безмянного ротмистра, упоминающегося в "Выстреле", а также Пушкина, Толстого-Американца, Липранди и других прототипов героев повести - участников множества кутежей и дуэлей. Здесь напрашивается сопоставление цитат из "Выстрела" с фактами из жизни Пушкина и Толстого.

"Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио. Пили по-обыкновенному, то есть очень много. . ."; "Офицер, разгоряченный вином. . . почел себя жестоко обиженным"; "Вам было странно. . ., что я не требовал удовлетворения от этого пьяного сумасброда Р***"; "Характер мой вам известен: я привык первенствовать, но смолodu это было во мне страстию. В наше время буйство было в моде: я был первым буйном по армии. Мы хвастались пьянством: я перебил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым. Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом".

Как вспоминал Ф.Булгарин, "Толстой был человек эксцентри-

---

¹ - Вот хороший выстрел, - сказал я, обращаясь к графу.

- Да, - отвечал он, - выстрел очень замечательный. А хорошо вы стреляете? - продолжал он.

- Изрядно, - отвечал я, обрадовавшись, что разговор коснулся наконец предмета мне близкого. - В тридцати шагах промаху в карту не дам, разумеется, из знакомых пистолетов. < . > Пистолет требует ежедневного упражнения. Это я знаю на опыте. У нас в полку я считался одним из лучших стрелков. Однажды случилось мне целый месяц не брать пистолета: мои были в починке; что же вы думаете, ваше сиятельство? В первый раз, как стал потом стрелять, я дал сряду четыре промаха по бутылке в двадцати пяти шагах. < . > Нет, ваше сиятельство, не должно пренебрегать этим упражнением, не то отвыкнешь как раз".

² В "Повестях", изобилующих инверсиями, такое различие (как говорилось, рассказчик служил, очевидно, в конно-егерском полку) скорее объединяет Белкина и И.Л.П., нежели обособляет их друг от друга. Возможно также, что, определяя Белкина в пехоту, а П. в конницу, Пушкин памятовал о том, как он в 1816 г. просил у отца разрешения начать службу в гвардейском гусарском полку, но Сергей Львович согласился на поступление сына в полк гвардейской пехоты.

ческий, т.е. имел особый характер, выходящий из обыкновенных светских норм, и во всем любил крайности. Все, что делали другие, он делал вдесятеро сильнее. Тогда в моде было молодечество, а гр. Толстой довел его до отчаянности. Он поднимался на воздушном шаре с Гарпером и пустился в путешествие вокруг света с Крузенштерном. < . . > . . Он был опасный соперник, потому что стрелял превосходно из пистолета, фехтовал не хуже Севербека (общего учителя фехтования того времени) и рубился мастерски на саблях. При этом был он точно храбр и, невзирая на пылкость характера, хладнокровен в сражении и в поединке"¹.

23.3 1820 Е.А.Карамзина писала из Петербурга в Варшаву Вяземскому: ". . . У г. Пушкина всякий день дуэли; слава Богу, не смертоносные, так как противники остаются невредимы"². Такими же были дуэли у Сильвио - в противном случае он бы не служил счастливо, о чем сообщается в повести, а был бы, по меньшей мере, переведен из гвардейского полка в армейский.

Исполинское застольное состязание Сильвио с Бурцовым вызывает в памяти многое из жизни Толстого и вместе с тем имеет комический аналог в пари, которое выиграл коллежский секретарь (-поручику) Пушкин (Р^{***}) в первую послелицейскую пору жизни: на одном кутеже с участием гусара П.П.Каверина он бился об заклад, что выпьет бутылку рома и не потеряет сознания; опорожнив бутылку, Пушкин сумел доказать присутствие сознания тем, что сгибал и разгибал мизинец³.

В 1830-х годах Пушкин исповедовал умеренность в вине. Сходную эволюцию проделал рассказчик "Выстрела" по выходе в отставку: "Принялся было я за неподслащенную наливку, но от нее болела у меня голова; да, признаюсь, побоялся я сделаться пьяницей с горя, т.е. самым горьким пьяницей, чему примеров множество видел я в нашем уезде". Вспоминается замечание Белкина о горюхинцах в "Истории села Горюхина": ". . . Все вообще склонны к чувственному наслаждению пьянства". От этих "всех" еще более отличается "другой" Белкин, автор "Повестей", о котором Бурмин сообщает: "Иван Петрович вел жизнь самую умеренную; никогда не случалось мне видеть его навеселе (что в нашем краю за неслыханное чудо почестся может. . .)". Пушкинскую эволюцию рассказчика П. продолжил Белкин.

Для того чтобы лучше оценить слияние И.Л.П. с Белкиным, надо убедиться в том, что они родились в одном году. Белкин вышел в отставку в 1823 г., когда ему было 25 лет. Так же как дата

¹ Цит. по: Толстой С.Л. Указ. соч. С. 12, 13.

² Цит. по: Цявловский М. Указ. соч. С. 208.

³ См.: Там же. С. 124.

его рождения сдвинута на год по отношению к пушкинской, на год по отношению к пушкинской отставке сдвинута белкинская. Пушкин был уволен из Коллегии иностранных дел в 1824 г.; при этом очень важно совпадение возраста обоих отставников - Пушкину (летом 1824 г.) и Белкину (в 1823 г.) было 25 лет. Таким образом, выход в отставку Белкина привязан к началу михайловской ссылки Пушкина. Выход же в отставку рассказчика П. привязан, если он родился одновременно с Белкиным, к началу южной ссылки, ибо в 1818 г. Белкину было 20 лет, как Пушкину, когда его в 1820 г. выслали из Петербурга. Следовательно, Белкин и П. - близнецы. Кроме того, вряд ли можно сомневаться в том, что они вышли в отставку, как Пушкин, в чине 10-го класса, т.е. поручиками. Поскольку Белкин вышел в отставку в более зрелом возрасте, чем П., неудивительно, что пушкинская эволюция, начало которой показано в жизни рассказчика "Выстрела", продолжилась в биографии Белкина, которого Бурмину никогда не случалось видеть навеселе. Справедливости ради Бурмин добавляет: ". . . К женскому же полу имел он великую склонность, но стыдливость была в нем истинно девическая". К сему невинному автобиографическому признанию присовокуплена сноска: "Следует анекдот, коего мы не помещаем, полагая его излишним; впрочем, уверяем читателя, что он ничего предосудительного памяти Ивана Петровича Белкина в себе не заключает". Похоже, этот анекдот излишен в Предисловии потому, что помещен во второй части "Выстрела", где Белкин, перевоплотившийся в И.Л.П., повествует о том, как он некогда заявился в "богатое поместье, принадлежащее графине Б****" (жене Бурмина) и как он там дважды смешался¹.

Вспомним еще раз, что Белкин начал служить в 1815 г. Эта дата немного сдвинута по отношению к времени окончания Пушкиным Лицея в 1817 г. и зачисления его коллежским секретарем в Коллегию иностранных дел 1815 и 1817 - эти даты связаны друг с другом еще и тем, что Белкину в 1815 г. было 17 лет. В свете таких

---

¹ "Что касается до меня, то, признаюсь, известие о прибытии молодой и прекрасной соседки сильно на меня подействовало; я горел нетерпением ее увидеть. . ."; "Отвыкнув от роскоши в бедном углу моем. . . я оробел и ждал графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра. . . Разговор его, свободный и любезный, вскоре рассеял мою одичалую застенчивость; я уже начинал входить в обыкновенное мое положение, как вдруг вошла графиня, и смущение овладело мною пуще прежнего. В самом деле, она была красавица. Граф представил меня; я хотел казаться развязным, но чем больше старался взять на себя вид непринужденности, тем более чувствовал себя неловким".

совпадений невозможно усомниться в том, что рассказчик "Выстрела" вступил в службу одновременно с Белкиным.

Михайловское узнается как в Горюхино, где появился двадцатипятилетний вышедший в отставку Белкин, так и в "бедной деревеньке Н** уезда" (в черновике сказано: "Новоржевского уезда"), где поселился по выходе в отставку рассказчик П. (хотя это событие привязано к началу южной ссылки Пушкина). Лексика свидетельствует о том, что причина отставки Белкина и П. одна и та же: **"Смерть его (Белкина - А.К.-Р.) родителей, почти в одно время приключившаяся, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину"; ". . . домашние обстоятельства принудили** меня поселиться в бедной деревеньке Н** уезда".

Автор же "Истории Горюхина" пишет так: **"Смерть дражайших моих родителей принудила** меня подать в отставку и приехать в мою отчину. < . . . > . . . И я очутился в смиренной отеческой обители и заснул в той самой комнате, в которой за 23 года тому родился". Если Белкин-беллетрист вышел в отставку в 1823 г., в возрасте 25 лет, а Пушкин - в 1824 г. и тоже в возрасте 25 лет, то Белкин-историк - в возрасте 23 лет (см. дату отставки "первого" Белкина) в 1824 г. (см. дату отставки Пушкина), ибо родился в 1801 г.

Итак, Белкин, сочинивший "Повести", и два его двойника - автор "Истории Горюхина" и рассказчик "Выстрела" - поселились по выходе в отставку в Горюхино-Михайловском. А Ненарадово, откуда 16.11.1830 писал издателю А.П. белкинский сосед и еще один пушкинский двойник - Бурмин, - конечно, Болдино, только не Н** уезда, а Нижегородской губернии¹. Но ведь оппозиция "Горюхино - Ненарадово"² в волшебном автобиографическом театре, каковым являются "Повести Белкина", намекает на то, что обе эти деревни, поскольку их названия глубоко родственны, могут оказаться и Михайловским, и Болдиным. Так оно и происходит - в "Истории Горюхина" и в Предисловии к "Повестям".

В "Истории" водворение Белкина в "отеческой обители" пародийно соотносено с двумя приездами Пушкина в Михайловское (в августе 1824 г. - изгнанником, в ноябре 1826 г. - освобожденным после вызова к царю в сопровождении фельдъегеря) и его появлению

---

¹ Присутствие Бурмина, белкинского почтенного друга и соседа по поместьям, угадывается и в "Истории Горюхина": "Я еще не был знаком с добрым и почтенным соседом моим **", - говорит Белкин во вступлении-автобиографии.

² Горевать - не радоваться. На свойственное человеку обыкновение принимать свое счастье за горе замечательно просто указал своему сыну старший Берестов, понуждая его жениться на Лизе Муромской: "Не твое горе - ея счастье".

нием в сентябре 1830 г. в Болдине. "День был осенний и пасмурный. Прибыв на станцию, с которой должно было мне своротить на Горюхино, нанял я вольных и поехал проселочною дорогой". Первое предложение здесь напоминает о путешествии Пушкина в Михайловское в 1826 г. и в Болдино в 1830 г., а второе - о том, что в 1824 г. Пушкин ехал из Одессы на казенных лошадях, и только в Опочке, где 9 августа был встречен кучером Петром, пересел на своих лошадей и в тот же день прибыл в Михайловское¹. Далее Пушкин в течение некоторого времени пародирует только свой приезд в Михайловское в 1826 г.: "Хотя я от природы нрава тихого и скромного, но нетерпение вновь увидеть места, где я провел лучшие годы (в Михайловской ссылке - А.К.-Р.), так сильно овладело мной, что я поминутно погонял моего ямщика, то общая ему на водку, то угрожая побоями, и как удобнее было мне толкать его в спину, нежели вынимать и развязывать кошелек, то признаюсь, раза три и ударил его, что отроду со мною не случалось, ибо сословие ямщиков, сам не знаю почему, для меня в особенности любезно. Ямщик погонял тройку, но мне казалось, что он, по обыкновению ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутом, все-таки затягивал грузи. Наконец завидел Горюхинскую рошу²; и через 10 минут въехал на барский двор. Сердце мое сильно билось - я смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Восемь лет не видал я Горюхина". Благодаря последней фразе теперь имеется в виду приезд Пушкина в Михайловское в 1824 г.; ведь Белкин увидел Горюхино спустя 8 лет после того, как вступил в службу в возрасте 16 лет (1801+16+8=1825), и, следовательно, дата его появления в своей отчине соотносится с возрастом (25 лет) сосланного в Михайловское Пушкина³. "Березки, которые при мне посажены были вдоль забора, выросли и стали теперь высокими,

¹ См.: Цявловский М. Указ. соч. С. 504.

² Не она ли - место свиданий Маши Р** с бедным армейским прапорщиком и Лизы Муромской с Алексеем Берестовым? Первое предположение основано на том, что Горюхино и Ненарадово расположены по соседству, второе - на том, что скорбное название Тугилово (от глагола тужить) и солнечное Прилучино воспринимаются как варианты названий Горюхино и Ненарадово.

³ Накопилось достаточно наблюдений для вывода: в "белкинской" прозе связь персонажей с их прототипами выражается помимо прочего в тайной числовой гармонии, в беззвучной музыке чисел; причем типичными являются числовая "рифмовка" даты события в жизни персонажа, которое имеет аналог в биографии прототипа, с возрастом последнего и, напротив, "рифмовка" возраста героя в определенный момент его биографии с датой соответствующего момента в жизни прототипа. Так же Пушкин тайно указывает на персонажей-двойников и связывает друг с другом прототипов одного и того же героя.

ветвистыми деревьями. Бричка моя остановилась у переднего крыльца. Человек мой пошел было отворить двери, но они были заколочены (наверное, так встретил Пушкина болдинский дом в 1830 г. - *АК-Р*), хотя ставни были открыты и дом казался обитаемым. Баба вышла из людской избы и спросила, кого мне надобно. Узнав, что барин приехал, она снова побежала в избу, и вскоре дворян меня окружила". Автор снова в Михайловском одновременно в 1824 и 1826 гг. Первое только что было доказано (Белкин появился в Горюхине в 1825 г. - Пушкину в 1824 г. было 25 лет), а второе явствует из письма Пушкина к Вяземскому, написанного по возвращении в Михайловское из Москвы, которая по выражению одного из современников сначала короновала царя, а затем короновала поэта: "Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни - ей-богу приятней щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитву, вероятно, сочиненную при царе Иване"¹. "Я был, - пишет Белкин, - тронут до глубины сердца, увидя знакомые и незнакомые лица - и дружески со всеми целуясь: мои потешные мальчишки были уже мужиками, а сидевшие некогда на полу для посылок девчонки замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинам говорил я без церемонии: "Как ты постарела" - и мне отвечали с чувством: "Как вы-то, мой батюшка, подурнели"².

"Повели меня на заднее крыльцо, навстречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданием, как многострадального Одиссея". Белкина в отличие от Пушкина никак не называет многострадальным Одиссеем. Тем яснее нам, что кормилица автора "Истории Горюхина" - Арина Родионовна. В Предисловии к

---

¹ П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 167.

² Удивительно, что здесь Пушкин не только пародирует свое прошлое, но и словно предсказывает будущее, о чем можно судить на основании стихотворения "Вновь я посетил. . ." и письма к жене (от 25.9 1835): "В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей, и что около знакомых сосен поднялась во время моего отсутствия молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов (кстати, тогда среди них уже появился Дантес - *АК-Р*) на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; все кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел". (Там же. С. 427.)

"Повестям" она названа ключницей, в "Выстреле" - ключницей Кириловой. В последнем случае рассказчик П. вспоминает о ней, пародируя жизнь Пушкина в Михайловском осенью 1824 г. и зимой 1825 г.: "Занимаясь хозяйством, не переставал я тихонько вздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднее было мне привыкнуть проводить осенние и зимние вечера в совершенном уединении. < . . > Малое число книг, найденных мною под шкапами и в кладовой, были вытвержены мною наизусть¹. Все сказки, которые могла запомнить ключница Кириловна, были мне пересказаны; песни баб наводили на меня тоску". Здесь Пушкин имеет в виду свое приобщение к стихии народных русских сказок и песен и неоценимую заслугу в этом Арины Родионовны. "Крепостная, она отказалась от вольной и осталась в семье Пушкиных; она как в воду глядела - это случилось в 1799 году - году его рождения. Она осталась - и помогла ему стать тем чем он стал для нас"². Ее любили и крестьяне, и друзья Пушкина, бывавшие в Михайловском. Нельзя не согласиться с Непомнящим в том, что не только Пушкин обращался к ней с "полными бессмертной нежности словами": "Подруга дней моих суровых, Голубка дряхлая моя", но что и с ним до гробовой доски были <<ее слова, из письма к нему, продиктованного за год до смерти, - и тоже бессмертные, потому что это слова любви: "Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, то забуду вас. . . Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю. . . Я вас буду ожидать и молить Бога, чтобы он дал нам свидеться. . . Остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна">>³.

Ее образ не мог не появиться в заветных автобиографических "Повестях Белкина". Упоминание о ней в "Выстреле" обусловлено еще и тем, что в Михайловском Пушкин продолжал готовиться к поединку с Толстым и по утрам выпускал до ста зарядов в расположенный за баней погреб. (Последнее не может не напомнить о том, что Сильвио "сажал пулю на пулю в туза, приклеенного к воротам".)

Немногие слова о ключнице и в повести, и в Предисловии не столько повторяют, сколько дополняют друг друга. Как пишет Бурмин о Белкине, "сменив исправного и расторопного старосту, коим крестьяне (по их привычке) были недовольны, поручил он управление села старой своей ключнице, приобретшей его доверен-

---

¹ Один из лейтмотивов пушкинских писем из Михайловского: ". . . Книг, ради Бога книг". (Пушкин А.С. Т. 10. С. 85.)

² Непомнящий В. Указ. соч. С. 85.

³ Там же.

ность искусством рассказывать истории". Действительно, няня-сказительница, оставшаяся зимовать в Михайловском со своим питомцем, сделалась хозяйкой в доме. Скрытой нежностью проникнуты слова: "Сия глупая старуха не умела никогда различить двадцатипятирублевой ассигнации от пятидесятирублевой; крестьяне, коим она была всем кума, ее вовсе не боялись". Напрашивается сравнение с поэмой "Анжело", где о властителе, "предобром, старом Дуке", сказано: "Народ любил его и вовсе не боялся".

Упоминание о замене Белкиным старосты вызывает в памяти увольнение Пушкиным экономки, о чем он извещал брата в конце февраля 1825 г.: "У меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну я принужден был выгнать за непристойное поведение и слова, которых не должен был я вынести. А то б она уморила няню, которая начала от нее худеть. < . > Я нарядил комитет, составленный из Василья, Архипа и старосты. Велел перемерять хлеб и открыл некоторые злоупотребления, т.е. несколько утаенных четвертей. Впрочем, она воровка и мерзавка"¹.

"Смена исправного и расторопного старосты" есть намек на еще одну "смену в министерстве", который в очередной раз свидетельствует о том, что Горюхино - не только Михайловское, но и Болдино. Отъявленным плутом был пьяница М.И.Калашников, служивший в Михайловском еще при О.А.Ганнибале и назначенный в начале 1820-х годов управляющим. Пушкин любил его дочь Ольгу. В конце 1825 г. Калашников был переведен управляющим в Болдино, где летом 1826 г. к семье Калашниковых присоединилась Ольга Михайловна с сыном Павлом. 4.11 1830 Пушкин составил вольную на имя Калашниковой. Хозяйствование ее отца в Болдине (как ранее в Михайловском) привело имение в упадок, а крестьян в разорение. 26.9 1830 Пушкин отметил: "Письмо от кистеневских крестьян". (Кистеневка была выделена Пушкину-жениху Сергеем Львовичем.) Это письмо - жалоба на Калашникова:

"Государь Александр Сергеевич,

просим вас государь в том что вы таперя наш господин, и мы вам с усердием нашим будем повиноваться, и выполнять в точности ваши приказания, но только в том просим вас государь, зделайте великую с нами милость, избавьте нас от нынешнего правления, а прикажите выбрать нам своего начальника, и прикажите ему, а мы будем исполнять все ваши приказания"².

Издатель в приписке к депеше Бурмина принес "ему глубочайшую благодарность за доставленные нам известия" и выразил надежду, что "публика оценит их искренность и добродушие". В

¹ П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 100.

² Цит. по: Жизнь Пушкина / Сост. В.Кунин. М., 1988. Т. 2. С. 352.

настоящий момент "любопытным изыскателям" грех не оценить искренность и добродушие, а также информационную насыщенность проанализированного абзаца: "Вступив в управление имения, Иван Петрович, по причине своей неопытности и мягкосердия, в скором времени запустил хозяйство и ослабил строгий порядок, заведенный покойным его родителем. Сменив исправного и расторопного старосту, коим крестьяне (по их привычке) были недовольны, поручил он управление села старой своей ключнице, приобретшей его доверенность искусством рассказывать истории. Сия глупая старуха не умела никогда различить двадцатипятирублевой ассигнации от пятидесятирублевой; крестьяне, коим она была всею кума, ее вовсе не боялись; ими выбранный староста (переключка с просьбой кистеневских крестьян - А.К.Р.) до того им потворствовал, плуруя заодно, что Иван Петрович принужден был отменить барщину и учредить весьма умеренный оброк; но и тут крестьяне на первый год выпросили себе нарочитую льготу, а в следующие более двух третей оброка платили орехами, брусникою и тому подобным; и тут были недоимки".

Белкина "понудила. . . подать в отставку и приехать в село Горюхино. . . смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся". Странно появление сего игривого оборота в автобиографическом опусе, и это должно насторожить "любопытных изыскателей".

В 1824 г., вскоре после приезда в Михайловское, Пушкин отделился от своих родителей (духовная близость с матерью возникла у него в 1836 г., во время ее предсмертной болезни; отчуждение от отца окончательно определилось в 1824 г.). "Милый мой, - зывал он к Жуковскому, - прибегаю к тебе. Приехав сюда, я был всеми встречен как нельзя лучше, но вскоре все переменялось: отец, испуганный моею ссылкой, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пешуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему распечатывать мою переписку, короче - быть моим шпионом; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я все молчал. Получаю бумагу, до меня касающуюся. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно. . . Отец осердился. Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé¹. (Жуковский, думай о моем положении и суди.) Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его вместе с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых три месяца. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой,

¹ "С этим чудовищем, с этим вырожденком-сыном".

воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает из дому, объявляет, что я его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить... Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? Спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем. Не говорю тебе о том, что терпят за меня брат и сестра - еще раз спаси меня.

31 окт.

А.П.

Поспеш; обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться - дойдет до правительства, посуди, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. Я hors la loi¹.

29.11 Пушкин, поостыв, послал еще одно письмо Жуковскому: "Мне жаль, милый, почтенный друг, что наделал всю эту глупую тревогу; но что мне было делать? я сослан за строчку глупого письма, что было бы, если правительство узнало бы обвинения отца? это пахнет палачом и каторгою. Отец говорил после: Экой дурак, в чем оправдывается! да он бы еще осмелился меня бить! да я бы связать его велел! - зачем же обвинять сына в злодействе несбыточном? да как он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать руками? Это дело десятое. Да он убил отца словами! - каламбур, да и только. Воля твоя, тут и поэзия не поможет"².

Помогла проза. Пушкин отца и мать "убил словами": "Смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюкино, свою отчину", под чем следует разуметь примерно следующее: после удовлетворения прошения на высочайшее имя об отставке коллежского секретаря Александра Пушкина и определения местом его бессрочной ссылки его отчины, сельца Михайловского, оный 10-класса Пушкин похоронил надежду на близость к своим родителям.

Свидетельство того, что они умерли для него в качестве родных людей, - сообщение брату (в конце ноября) об их намерении оставить опального сына одного в Михайловском: "Думаю, наши отправятся в Москву; добрый путь!"³

Однако в рассматриваемой фразе Предисловия мистификация не ограничивается "словесным убийством" родителей, предприня-

1 "Вне закона".

2 П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 87.

3 Там же.

тым "этим чудовищем, этим вырождаком-сыном". К такому выводу приводит осмысление того, что смерть белкинских батюшки и матушки "приключилась почти в одно время".

Приступая к расшифровке этого уточнения, вспомним, что в том же письме, где Пушкин желает доброго пути родителям, - письмо, изобилующем шутками, сообщениями о своей жизни и поручениями к Льву Сергеевичу, говорится: "Впрочем, это все вздор. А вот важное: тетка умерла! Еду завтра в Святые горы и велю отпеть молебен или панихиду, смотря по тому, что дешевле"¹. Вскоре из письма сестры Пушкин узнал, что покойная завещала ей 15 000 рублей. Он отвечал Ольге Сергеевне: "Если то, что ты сообщаешь о завещании Анны Львовны, верно, то это очень мило с ее стороны. В сущности я всегда любил тетку, и мне неприятно, что Шаликов обмочил ее могилу"². Имеется в виду опубликованное в "Дамском журнале" слезливое стихотворение, в котором Шаликов выразил соболезнование своему другу Василию Львовичу:

Брат лучший, лучшую утративший сестру!

Я знаю, слез, тобой струимых, не сотру!

(Анна Львовна была любимой сестрой Василия Львовича, старой девой, сентиментально преклонявшейся перед ним; в Москве шутили, что его привязанности "делятся на три степени: первая - сестра Анна Львовна, вторая - князь Вяземский, третья - однобортный фрак, который он выкроил из старого сюртука по модному французскому покрою"³.) Василий Львович отозвался на смерть сестры и на строки Шаликова посланием "К ней", напечатанным в "Полярной звезде на 1825 год":

Где ты, мой друг, моя родная,

В какой теперь живешь стране?

Блаженство райское вкушая,

Несешься ль мыслию ко мне?

Ты слышишь ли мои рыдания?

Ты знаешь ли, что в жизни сей

Мне без тебя нет ясных дней

И нет на свете упований?

Кто будет заниматься мной?

И чья душа с моей душой

Нежнейшей дружбой соединится?

Где ты, о ангел добротой?

Дай мне туда переселиться!

Там плача и вздыханий нет.

---

¹ П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 90.

² Там же.

³ Цит. по: Друзья Пушкина. М., 1986. С. 19.

*Там тихий не вечерний свет
Для добродетельных сияет!
Взгляни с небесной высоты:
Твой брат и друг к тебе взывает!
Да будет горней красоты
С тобой он созерцатель вечный!
Прости на время, друг сердечный!*

Пушкин с навесившим его в апреле 1825 г. Дельвигом не удержались от искушения высмеять эти стихотворные некрологи в "Элегии на смерть Анны Львовны":

*Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной¹
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергеевной,
Со Львом Сергеевичем давно ль
Как бы на смех судьбине зневной
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб слезами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил².*

<<Если "Ах, тетушка, ах, Анна Львовна" попадетсЯ на глаза Василью Львовичу, - предупреждал Пушкина Вяземский, - заготовь другую песню, потому что он, верно, не перенесет удара>>.

¹ Пушкинская тетушка Елизавета Львовна и ее супруг Матвей Львович Сонцов были известны своей скупостью.

² Аналогом этой пародии является эпиграмма на Шаликова, сочиненная Баратынским и Пушкиным:

*Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
- Вот, вот с кого пример берите, дуры! -
Он дочерям в восторге закричал.
Откройся мне, о милый сын натуры,
Ах! что слезой твой посребрило взор?
А тот ему в ответ: мне хочется на двор.*

"Ради Бога, - отвечал Пушкин, не желая "убить словами" дядюшку, - докажи Василию Львовичу, что элегия на смерть Анны Львовны не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника"¹. В июне 1826 г. Дельвиг сообщал Пушкину: <<Вяземский сказал мне, что он уверил Василия Львовича, что "Ах тетушка, ах, Анна Львовна" написана мною, и тем успокоил его родственную досаду. Мы очень смеялись над этим>>².

В литературном отношении юный Пушкин одно время учился у Василия Львовича, что, в частности, подчеркнуто стихом: "Скажи, парнасский мой отец. . .", а соавтору "Элегии на смерть Анны Львовны" адресованы слова: "Друг Дельвиг, мой парнасский брат..." Итак, фраза: "Смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся. . ." - имеет отношение не только к "словесному убийству" Пушкиным своих родителей в конце 1824 г., но и к почти одновременно с этим приключившемуся "покушению" парнасскими братьями Пушкиным и Дельвигом "убить" их парнасского отца.

Поскольку смерть родителей понудила Белкина приехать именно в Горюхино, а оно "является" одновременно Михайловским и Болдиным, стоит поискать в упоминании о том, что смерть родителей приключилась почти в одно время, намек на события не только 1824 - 1826 гг., но и 1830 г.

Если в 1825 г. "парнасские братья" чуть не "убили словами" Василия Львовича, то в 1830 г. кровные братья писали своим друзьям и знакомым: "Александр Сергеевич и Лев Сергеевич Пушкины с душевным прискорбием извещают о кончине дяди своего Василия Львовича Пушкина, последовавшей сего августа 20-го дня, в приходе Св. великомученника Никиты, что в Старой Басманной, в 9 часов утра; а погребение будет в Донском монастыре"³.

Из-за траура по Василию Львовичу Пушкину пришлось отложить свадьбу. "Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати"⁴, - горько пошутил Пушкин, пародируя первую строфу "Онегина", в письме к Хитрову перед отъездом в Болдино, куда его понудила отправиться материальная необходимость: он задолжал, хороня Василия Львовича, а свадьба сулила расходы, и он ехал в свою отчину для того, чтобы вступить во владение выделенной ему Кистеневкой.

Поистине громадного объема многослойная автобиографиче-

---

¹ Пушкин А.С. Т. 10. С. 144.

² Дельвиг А.А. Сочинения. Л., 1986. С. 318.

³ Цит. по: Тормозова Л. Улица Карла Маркса, 36 // Биография московского дома. М., 1988. С. 37.

⁴ Пушкин А.С. Т. 10. С. 236.

ская информация с упомогачительными лаконичностью и остроумием зашифрована в незаметной и, казалось бы, однозначной фразе: "Смерть его родителей, приключившаяся почти одновременно, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину".

Смерть Пушкина и его родителей заставляет задуматься: не вложен ли свыше в эту фразу еще и мистический смысл? Ведь они умерли "почти в одно время" - 29 числа (29.3 1836 скончалась Надежда Осиповна, 29.1 1837 усоп Александр Сергеевич, 29.6 1840 умер Сергей Львович). Приходят на память заключительные слова <<Заметки о "Графе Нулине">>: "Бывают странные сближения".

4

Рассказчик "Выстрела" то сливается с Белкиным, то отделяется от него. Первое объясняется тем, что они - двойники Пушкина, второе - тем, что у И.Л.П. несколько прототипов и двойников (среди последних - все мужские персонажи "Выстрела"). Памятуя об этом, продолжим разговор об автобиографичности цикла, образуемого Предисловием, "Выстрелом" и "Метелью".

Автобиографичные кротость и честность Белкина, тихий и скромный нрав Бурмина (таким он явился в "Метели") и застенчивость И.Л.П. оттенены столь же автобиографичными модным буйством молодых Сильвио и Бурмина и горячностью поручика Р***. Как мы помним, Р***, "разгоряченный вином, игрою и смехом товарищей, почел себя жестоко обиженным и, в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио, который едва успел уклониться от удара". Нечто весьма схожее с этим произошло в 1820 г. в Кишиневе, когда Пушкин вызвал на дуэль полковников Ф.Ф.Орлова и А.П.Алексеева. "После жженки в бильярдной Гольди Пушкин (можно сказать: Р***, разгоряченный вином и игрою) в присутствии Липранди и Данзаса. . . смеялся над Федором Орловым, тот выкинул его из окошка" (Пушкин был небольшого роста, Федор Орлов - великан, силач, из породы знаменитых Орловых XVIII в., одноногий после войны). <<Пушкин вбежал опять в бильярд и пустил шар в Орлова, которому попал в плечо. Орлов бросился на него с кием, но Пушкин выставил два пистолета и сказал: "Убью">>¹. Липранди, приглашенный Пушкиным в секунданты, увел его к себе ночевать, а наутро сумел помирить воинственного коллежского секретаря с обоими полковниками.

Еще раз замечу, что Сильвио, по всей вероятности, вышел в отставку гвардии подполковником (=полковнику), что придает

¹ Цявловская Т. Рисунки Пушкина. М., 1980. С. 402.

особое сходство интересующим нас инцидентам в бильярдной Гольди и в доме Сильвио. При этом мне кажется, что бросок поручика Р*** шандалом Пушкин уподобил еще и своей попытке забросать Толстого (как он писал Вяземскому 19 1822) "журнальной грязью": ". . . Мое намерение было не заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за **тайные обиды**¹ . . . я узнал обо всем ("все" - это слухи о слухах, распускаемых Толстым, будто Пушкин высечен в тайной канцелярии - А.К.-Р.), будучи уже сослан и, **полагая мщение одной из первых христианских добродетелей** (именно эта "добродетель" развенчивается в "Выстреле" - А.К.-Р.), в бессилии своего бешенства **закидал** издали Толстого журнальной грязью"².

*В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он заглянул свой позор,
И теперь он - слава Богу -
Только что картежный вор.*

Перефразировав эту эпиграмму, Пушкин включил ее в опубликованное в 1821 г. послание "К Чаадаеву".

*...Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде,
Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, заглянул свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор?..*

В письме из Михайловского к брату Пушкин назвал пощечинной этот бросок "журнальной грязью"³. Такая "пощечина" отчасти метит Толстому в руку, что напоминает о том, как Пушкин попал бильярдным шаром Орлову в плечо. Ответная "пощечина" - тяже-

---

¹ Ср. также: "Наконец однажды на бале. . . я сказал ему на ухо какую-то плоскую гнусность. Он вспыхнул и дал мне пощечину".

² П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 35-36.

³ <<О послании "К Чаадаеву" скажу тебе, что пощечину повторять не нужно - Толстой явится у меня во всем блеске в 4-й песне "Онегина", если его пасквиль этого стоит, и посему попроси его эпиграмму и пр. от князя Вяземского (непрерменно)>>. (П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 109.)

ловесная и энергическая эпиграмма Толстого - без обиняков устремлена к физиономии Пушкина¹:

*Сатиры нравственной язвительное жало
С пасквильной клеветой не сходствует ни мало.
В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл.
Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.
Примером ты рази, а не стихом пороки.
И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.*

Так отставной подполковник или полковник граф Толстой-Американец ("он казался русским, а носил иностранное имя"²) и коллежский секретарь (-поручику) Пушкин обменялись "пощечинами", что соотносится с пощечиной, которую Бурмин дал Сильвио.

А.Ф.Вельтман, свидетель жизни Пушкина в Кишиневе, запечатлел его в своих мемуарах прототипом Сильвио: "Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постеле и **стрелял из пистолета** в стену. Все стены его комнаты были облеплены восковыми пулями"³. Ср.: "Главное упражнение его состояло в **стрельбе из пистолета**. Стены его комнаты были источены пулями, все в скважинах, как соты пчелиные".

На мой взгляд, несколько нитей связывают "Выстрел" (а также "Метель") и дуэль Пушкина с полковником С.Н.Старовым. Согласно "Летописи жизни и творчества А.С.Пушкина" 5.1, 1822 <<на вечере с танцами Пушкин приказывает музыкантам играть мазурку, а офицер егерского полка (как говорилось, не только Белкин служил в егерском полку, но и, по всей вероятности, рассказчик "Выстрела" - А.К.-Р.) - кадрили. Музыканты исполняют приказание Пушкина. Считая, что Пушкин оскорбил офицера, командир егерского полка С.Н.Старов требует у Пушкина извинения перед офицером. Пушкин отказывается и предлагает стреляться. Старов принимает вызов. Утром Пушкина навещает И.Ларин, который застаёт его сидящим "голиком" на постели и стреляющим в стену из пистолета. В 9 часов утра в двух верстах от Кишинева в сильную метель дуэль Пушкина со Старовым. У Пушкина секундант

¹ Это вообще был стиль Толстого, о чем свидетельствует, например, следующая его фраза, дошедшая до нас в записи современника: "Если вы к такому-то числу не выплатите долг свой сполна, я не пойду искать правосудия в судебных местах, а отнесусь прямо к л и ц у вашего сиятельства". (Цит. по: Т о л с т о й С.Л. Указ. соч. С. 67.)

² Как, впрочем, "француз" (лицейское прозвище) Пушкин и "итальянец" Липранди.

³ Цит. по: Ц я в л о в с к а я Т. Указ. соч. С. 39.

Н.С.Алексеев>>¹. <<Пушкин горел нетерпением², - рассказывает Липранди. - Погода была ужасная, метель до того была сильна, что в нескольких шагах нельзя было видеть предмета (спасительная роль метели в повести "Метель" нам известна, а в Кишиневе метель берегла прототипов героев "Выстрела" - А.К.-Р.), и к тому же довольно морозно. Первый барьер был на шестнадцать шагов. Пушкин стрелял первый и дал промах. Старов тоже и просил зарядить и сдвинуть барьер. Пушкин сказал: "И гораздо лучше, а то холодно". Предложение секундантов прекратить было обоими отвергнуто. Мороз с ветром, как мне говорил Алексеев, затруднял движения пальцев при заряджении. Барьер был определен на двенадцать шагов, и опять два промаха (в обоих поединках с Бурминым Сильвио по два раза отказался от выстрела - А.К.-Р.). Оба противника хотели продолжать, и так как нельзя было помирить их, то поединок был отложен до прекращения метели>>³. "С места дуэли Пушкин едет к А.П.Полторацкому и, не застав его дома, оставляет записку.

Я жив,

Старов

Здоров,

Дуэль не кончен"⁴.

Первая строка этой записки перекликается с фразой повести: "На другой день мы спрашивали уже, жив ли бедный поручик (Р*** - А.К.-Р.), как он сам явился между нами. . ." Последняя строка записки - словно намек на неоконченный поединок Сильвио с Бурминым. Вторая строка - как бы напоминание о том, что сверстники поручика Р*** считали Сильвио почти стариком. Возможно, этим совпадениям не стоило бы придавать значения, если б в повести не было соответствия еще и примирению Пушкина со Старовым: "Прошло три дня, поручик был еще жив. Мы с удивлением спрашивали: неужели Сильвио не будет драться? Сильвио не дрался. Он довольствовался легким объяснением и помирился. Это было чрезвычайно повредило ему в мнении молодежи. Недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми. ." Примирение Пушкина со Старовым было достигнуто усилиями Алексеева и Полторацкого в ресторане Николетти, и состоялось оно, скорее всего, 8.1 (см. "Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина", с. 325-326), т.е. через три дня после вызова на дуэль полковника коллежским секретарем. После этого, предположительно 10.1, "в ресторане Николетти Пушкин запрещает молодым людям, обсуждающим его

¹ Ц я в л о в с к и й М. Указ. соч. С. 325.

² Ср.: "С неизъяснимым нетерпением ожидал я противника".

³ Цит. по: В е р е с а е в В. Указ. соч. С. 111.

⁴ Ц я в л о в с к и й М. Указ. соч. С. 325.

дуэль со Старовым, дурно отзываться о последнем, грозя в противном случае вызвать на дуэль”¹.

Вернувшись из Болдина, Пушкин писал 26.12 1830 Н.С.Алексееву: “Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов ни поэтических ни прозаических (в “Повестях” эти следы одновременно и поэтические, и прозаические - А.К.-Р.). Дай срок - надеюсь, когда-нибудь ты увидишь, что ничто (!) мною не забыто”². Очевидно, Александр Сергеевич отвечал за свои слова! Вообще “Повести Белкина” напоминают мне о замечательном определении Т.Манна: “Иметь фантазию - не значит выдумывать то, чего нет, а значит считаться с тем, что есть, но это, разумеется, не подобает светскому человеку”³. (Последнему замечанию соответствует замаскированность проявлений пушкинской фантазии в автобиографичных “Повестях”).

Общеизвестно, что в “Выстреле” отражена дуэль Пушкина с полковником Зубовым, случившаяся в конце весны или в начале лета 1822 г. В “Летописи”, где обобщены имеющиеся сведения об этом поединке, сказано: <<Проиграв в карты офицеру Генерального штаба Зубову, игравшему нечисто, Пушкин замечает громогласно, что нельзя платить такого рода проигрыш. Зубов вызывает Пушкина на дуэль. Дуэль происходит за городом в местности “Малина”. Пушкин ест черешни (как Бурмин - А.К.-Р.) в то время, как противник целится. Зубов стреляет первым и дает промах (как Бурмин - А.К.-Р.). Вместо выстрела (отказывается стрелять, как Сильвио - А.К.-Р.) Пушкин спрашивает Зубова: “Довольны вы?” Зубов бросается с объятиями. “Это лишнее”, - замечает Пушкин>>⁴. “Описываемое присутствие духа Пушкина на этом поединке меня не удивило, - замечал Липранди. - Я знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до иступления, но в минуту опасности, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью при полном сознании своей запальчивости, виновности, не не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным как лед. На моем веку, в бурное время до 1820 года, мне случалось не только что видеть множество таких встреч, но не раз и самому находиться в таком же положении”⁵, а

¹ Ц я в л о в с к и й М. Указ. соч. С. 325-326.

² П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 255.

³ М а н н Т. Указ. изд. Т. 10. С. 178.

⁴ Ц я в л о в с к и й М. Указ. соч. С. 342.

⁵ В этих словах Липранди предстает прототипом Сильвио. (“Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом”).

подобной природы, как у Пушкина, в таких случаях я встречал очень немного. Эти две крайности (горячность поручика Р*** и хладнокровное мужество Бурмина во время первого поединка с Сильвио, - А.К.-Р.) в той степени, как они соединились у Александра Сергеевича, должны быть чрезвычайно редки"¹.

Фуражка Сильвио, простреленная Бурминым, - деталь, не выдуманная Пушкиным, а заимствованная из его дуэли с Кюхельбекером. Пушкин неосторожно (он знал вспыльчивость своего друга, топившегося из-за ссоры с Малиновским в царскосельском пруду) взбесил его эпиграммой:

*За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно -
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.*

Это случилось осенью или в декабре 1819 г. (той порой познакомились Пушкин и Толстой-Американец). Кюхля вызвал Пушкина. Их общий приятель Маркевич вспоминал <<Они явились на Волково поле и затеяли стреляться в каком-то старом фамильном склепе. Пушкин очень не хотел этой глупой дуэли, но отказаться было нельзя. Дельвиг был секундантом Кюхельбекера, он стоял налево от Кюхельбекера. Когда Кюхельбекер начал целиться, Пушкин закричал: "Дельвиг, стань на мое место, здесь безопаснее!" Кюхельбекер взбесился, рука дрогнула, он сделал полоборота и пробил фуражку на голове Дельвига">². (Пушкин стрелять не стал.)

Рассказчика "Выстрела", переживающего, что Сильвио не вызвал поручика Р***, свербила "мысль, что честь его была замарана и не омыта. . .". Пушкин ждал встречи с Толстым, чтобы, как он писал Вяземскому, "очиститься"³. Он рвался в Москву, где в 1821 г. женился Толстой. Все это отозвалось в повести <<"Еду в Москву". < . . > При сих словах Сильвио встал, бросил об пол свою фуражку и стал ходить по комнате, как тигр по своей клетке>>. Автобиографично здесь даже сравнение с тигром. По свидетельству С.Д.Комовского, в Лицее "по страсти Пушкина к французскому языку называли его в насмешку ф р а н ц у з о м , а по физиономии и некоторым привычкам о б е з ь я н о ю , и даже с м е с ь ю

¹ Цит. по: Вересаев В. Указ. соч. С. 110.

² Цит. по: Цявловская Т. Указ. соч. С. 383-384.

Можно себе представить, что было бы с Кюхельбекером и Пушкиным, если б первый разнес череп Дельвигу. Думаю, оба тут же застрелились бы.

³ П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 36.

обезьяны с тигром"¹. Ахматова заметила аналог уподоблению Сильвио тигру в письмах С.Н.Карамзиной к брату Андрею: <<"Пушкин . . . становится похож на тигра и скрежещет зубами всякий раз, как заговаривают на эту тему" (29 октября 1836 г.) - речь идет о помолвке Дантеса с Екатериной Гончаровой; "Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра" (26 - 27 января 1837 г.)>>².

Как известно, по прибытии в Москву 26.9 1826 Пушкин был в дорожном платье доставлен в Кремль и после беседы с царем оказался вечером у Василия Львовича, где отметил свое освобождение тем, что поручил С.А.Соболевскому передать Толстому вызов на дуэль (но того, к счастью, не оказалось в Москве). Конечно, правы те, кто полагают, что в облике Сильвио, появившегося в имении графини Б***, Пушкин изобразил себя (вспомним слова графа Б***: "На дворе увидел я дорожную телегу. . . Я вошел в эту комнату и увидел в темноте человека, запыленного и обросшего бородой. . .").

Вместе с тем во внешности Сильвио несомненны также черты Толстого. ". . . Нам и в голову не приходило, - говорит И.Л.П., - подозревать в нем что-нибудь похожее на робость. Есть люди, коих одна наружность удаляет таковые подозрения". К таким людям принадлежал и Толстой.

В немногих словах, рисующих внешность Сильвио, дважды говорится о его сверкающих глазах и о том, что он бывал страшен: "Сильвио встал, побледнев от злости, и с сверкающими глазами сказал. . ."; "Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола"; ". . . Тогда Сильвио. . . (в эту минуту он был, право, ужасен) Сильвио стал в меня прицеливаться"; <<"Скажите, правду ли муж говорит?" - сказала она, обратясь к грозному Сильвио. . . >>. Те же черты мы находим в описаниях внешности Толстого: "Один взгляд на наружность старика, - сказано в "Былом и думах", - на его лоб, покрытый седыми кудрями, на его сверкающие глаза и атлетическое сложение, показывал, сколько энергии и силы было дано ему от природы". По словам Ф.Булгарина, "Федор Иванович был среднего роста, плотен, силен, красив и хорошо сложен, лицо его было кругло, полно и смугло, вьющиеся волосы были черны и густы,

¹ Цит. по: В е р е с а е в В. Указ. соч. С. 31.

² А х м а т о в а А. Указ. соч. С. 211.

черные глаза его блестяли¹, а когда он сердился, страшно было заглянуть ему в глаза”².

<<Вот этого человека с "атлетическим телом", "красивого", лоб которого был "покрыт седыми кудрями", мы и видим в рисунке Пушкина. "Энергия и сила" чувствуются в этом лице>>³, - сказала Цявловская о выразительнейшем рисунке, сделанном в 1823 г. в ту пору пушкинской жизни, которая отражена в "Выстреле". Цявловская не заметила в этом рисунке еще одной важной черты облика Толстого, которому Пушкин в 1829 г. писал о Ермолове: "Я нашел в нем разительное сходство с тобой не только в образе мыслей и во мнениях, но даже и в чертах лица и в их выражении"⁴. В "Путешествии в Арзрум" о Ермолове говорится: "Лицо круглое, огненные серые глаза, серые (почти седые - А.К.-Р.) волосы дыбом". Здесь очевидны переключки с приведенными выше описаниями внешности Толстого. Далее следует метафора: "Голова тигра на Геркулесовом торсе". Лучше, чем этими словами, не скажешь о Толстом, каким его нарисовал Пушкин.

Итак, Сильвио-"тигр" "срисован" Пушкиным с себя и с Толстого. При этом сравнение с тигром выражает этическое суждение о поведении героя и его прототипов разве не тигру был подобен в молодости Толстой, бреттер, убивший на дуэлях одиннадцать человек⁵?

---

¹ Сверкающие глаза Сильвио - это вместе с тем и взор его двойника, графа Бурмина, среди прототипов которого - также Пушкин и Толстой. ("Ее военные действия имели желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость и черные глаза его с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне...")

² Цит. по: Толстой С.Л. Указ. соч. С. 26.

³ Цявловская Т. Указ. соч. С. 146.

⁴ Пушкин А.С. Т. 10. С. 208.

⁵ Например, С.Л.Толстой поведал со слов Л.Н.Толстого такой рассказ о Ф.И.Толстом: "На одном вечере один приятель Толстого сообщил ему, что только что был вызван на дуэль, и просил его быть секундантом. Толстой согласился, и дуэль была назначена на другой день в 11 часов утра; приятель должен был заехать к Толстому и вместе с ним ехать на место дуэли. На другой день в условленное время приятель Толстого приехал к нему, застал его спящим и разбудил.

- В чем дело? - спросонья спросил Толстой.

- Разве ты забыл, - робко спросил приятель, - что ты обещал мне быть моим секундантом?

- Это уже не нужно, - ответил Толстой, - я его убил.

Оказалось, что накануне Толстой, не говоря ни слова своему приятелю, вызвал его обидчика, стрелялся с ним в 6 часов утра, убил его, вернулся домой и лег спать" (Толстой С.Л. Указ. соч. С. 38-39).

или Пушкин, шесть лет готовившийся к поединку с Толстым? или Сильвио, который на такой же срок сделался фанатиком идеи мщения и, насилуя свою природу, поклялся убить Бурмина, причем не раньше чем тот обретет счастье? Трагизм их положения в том, что они были "невольниками чести беспощадной", пленниками во многом ложных понятий о чести, символом чего является Сильвио, который "стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке".

"У него водились книги, большею частию военные, да романы". Здесь прототипом Сильвио является Липранди. Его интерес к трудам о войне был профессиональным, и Пушкин словно предвидел, что Липранди станет военным историком (это произошло уже после смерти поэта)¹. "Он охотно давал их читать, никогда не требуя их назад; зато никогда не возвращал хозяину книги, им занятой". Известно, что Пушкин постоянно пользовался прекрасной библиотекой Липранди, и в качестве комментария к первой части цитаты ("Он охотно давал их читать, никогда не требуя их назад. . .") привожу выдержки из "Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина": "Пушкин держит у себя сочинения Овидия во французском переводе, взятые им у Липранди"; "Пушкин берет книги у М.Ф.Орлова, П.С.Пущина и особенно у Липранди"; "В разговоре с кем-то из фанариотов Пушкин обижается на выраженное удивление, что он не знает какого-то сочинения, и хочет вызвать обидчика на дуэль. Получив это сочинение, Пушкин возвращает книгу с запиской, где пишет, что книга эта ему известна. Пушкин с Липранди уговариваются, что впредь нужные ему книги Пушкин будет доставать через Липранди"; "В споре с Пушкиным о каком-то географическом пункте В.Ф.Раевский приказывает своему слуге показать на карте этот географический пункт. Все смеются; более других смеется сам Пушкин. На другой день он берет у Липранди сочинение по географии Мальтебрюма"².

Комментарием ко второй части цитаты ("... зато никогда не возвращал хозяину книги, им занятой") является недавно обнаруженный Г.М.Дейчем документ: дело из архива канцелярии министра внутренних дел "Об отыскании полковника Липранди и о взыскании с него денег для удовлетворения иностранца Баума".

¹ В частности (ссылаюсь на словарь Брокгауза и Ефрона), его перу принадлежат: "Краткое обозрение отечественной войны от 17 августа до 2 сентября (СПб., 1858); "Бородинское сражение" (СПб., 1861); "Восточный вопрос и Болгария" (М., 1868); "Взгляд на театр военных действий на Дунае" (СПб., 1878).

² П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 251, 254-255, 300-301, 310-311.

Дело "состоит из 79 листов и содержит документы за 1823 - 1829 годы. Книгопродавец Баум обратился к Александру I с жалобой на И.П.Липранди, который купил у него книг на сумму 352 талера и 17 грошей и не желал их отдавать. Царь поручил министру внутренних дел разыскать Липранди и взыскать с него деньги. Значительную часть дела составляет переписка министра с губернаторами и другими лицами по этому поводу"¹. Так, 16.7 1828 бессарабский губернатор сообщил министру внутренних дел, что он дважды обращался "к полковнику Генерального штаба Липранди о присылке следующих с него 352 талеров и 17 грошей. . . но полковник Липранди ни денег не представил, ни о причине, тому препятствующей, ответа не было. . ."²

Прототипом Сильвио, "коего жизнь была загадкой и который. . . казался героем таинственной какой-то повести", выглядит Липранди в мемуарах В.П.Горчакова (причем Горчаков ненароком упоминает о черте, сближающей с Сильвио не только Липранди, но и Пушкина): "Нередко по вечерам мы сходились у подполковника Липранди³, который своей особенностью не мог не привлекать Пушкина. В приемах, действиях, рассказах и образе жизни подполковника много было чего-то поэтического, не говоря уже о его способностях, остроте ума и сведениях, Липранди поражал нас то изысканной роскошью, то вдруг каким-то презрением к самым необходимым потребностям жизни, словом, он как-то умел соединять прихотливую роскошь с недостатками. Последнее было слишком знакомо Пушкину"⁴.

В 1826 г. Н.С.Алексеев писал Пушкину: "Липранди тебе кланяется, живет по-прежнему здесь довольно открыто и, как другой Калиостро, *Бог знает откуда берет деньги*"⁵. Ср.: Сильвио "жил. . . вместе и бедно и расточительно. . . держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. < . > Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто не осмеливался о том

---

¹ Д е й ч Г. Все ли мы знаем о Пушкине? М., 1989. С. 25.

² Там же. С. 28.

³ Интересно, что в ту пору жизни, которая отражена в "Выстреле", Липранди, один из прототипов рассказчика, подполковника (очевидно, новой гвардии - чин, равный армейскому полковнику) ИЛП, предстает, как и Толстой, в одних источниках подполковником, в других - полковником.

⁴ Цит. по: В е р е с а е в В. Указ. соч. С. 96.

⁵ Цит. по: Д е й ч Г. Указ. соч. С. 27.

его спрашивать”¹.

Эти совпадения не случайны. Пушкин воспользовался сравнением Алексеева и включил в число прототипов Сильвио еще и Калиостро.

В словаре Брокгауза и Ефрона сообщается: "Калиостро (граф Александр Cagliostro) - известный мистик и чародей-шарлатан, называвший себя разными именами. Истинное имя - Иосиф Балзамо, а наиболее популярное из вымышленных - граф Калиостро. Родился в 1743 году в Палермо, в купеческой семье. Воспитывался в монастыре, откуда бежал, и, преследуемый за два воровства, принял фамилию Калиостро".

Калиостро - итальянец по крови (то же отчасти относится к Липранди), а Сильвио - по фамилии (опять-таки, как Липранди).

Иосиф Балзамо называл себя разными именами, среди них главное - Калиостро. Двойники Пушкина - все герои-мужчины "Выстрела", среди коих главный - Сильвио.

Происходивший из купеческой семьи, Калиостро присвоил

---

¹ Не сомневаюсь в том, что бесследно исчезнувшая переписка Пушкина с Липранди ("какая-то таинственность окружала его судьбу") содержала массу интересного; в частности, она могла бы существенно обогатить наши представления о связях "Выстрела" с биографиями Пушкина и Липранди.

Замечу также, что в Сильвио, который "держал открытый стол для всех офицеров. . . полка", снова узнается не только Липранди, но и Толстой. Ср. замечание ИЛП и сведения из книги С.Л.Толстого: "Правда, обед его состоял из двух или трех блюд. . . но шампанское лилось притом рекою"; "Живя открыто и роскошно, Федор Иванович любил задавать обеды"; "Не знаю, есть ли подобный гастроном в Европе!", - восклицает про него Булгарин; "Он не предлагал гостям большого числа блюд, но каждое его блюдо было верх поваренного искусства" (Т о л с т о й С.Л. Указ. соч. С. 42). Что же касается шампанского и более крепких напитков, то они в доме Толстого, как на обедах Сильвио, лились рекой, чему есть множество свидетельств. Вот фразы из его писем к Вяземскому: "За неизмением хороших сливок, пью чай с дурным ромом. . ."; ". . . Предаюсь пьянолению. . .". Вяземский вспоминал: <<Однажды в английском клубе сидел перед ним барин с красносизым и цветущим носом. Толстой смотрел на него с сочувствием и почтением. Но видя, что во время обеда барин пьет одну чистую воду, он вознегодовал и сказал: "Да это самозванец! Как смеет он на лице своем носить признаки, им не заслуженные. . .">>; <<Неизвестно почему Толстой одно время наложил на себя эпитимью и шесть месяцев не брал в рот ничего хмельного. Во время одних пьяных проводов, когда его приятели две недели пьянствовали, он все-таки ничего не пил. Только после последней выпивки, уезжая в санях вместе с Денисом Давыдовым, он попросил его: "Голубчик, дохни на меня". Ему захотелось хоть понюхать винца>> (Цит. по: Т о л с т о й С.Л. Указ. соч. С. 35, 42, 62).

себе графский титул, что в определенном смысле учинил в "Повестях Белкина" "мещанин" Пушкин, сделавший своим двойником графа Бурмина, а ближайшей родственницей и наследницей своего главного двойника, Белкина, - дочку Бурмина и Маши Р**, графиню Марью Алексеевну Трафилину. Поэтому очень похоже на то, что Сильвио, пушкинский двойник и двойник Бурмина, с которым они служили в гвардейском гусарском полку, - тоже граф.

Калиостро "после долгих странствий по Египту и Европе близко сошелся с немецкими масонами. (Не будучи в отличие от Калиостро ни авантюристом, ни богачом, Пушкин был масоном, и не исключено, что с этим связана столь значительная роль чисел в "Повестях". - А.К.-Р.) Получая громадные деньги из масонских лож, он стал вести, в Лондоне, роскошную жизнь и много благотворил. Масса, не зная источника его дохода, верила, что он владел философским камнем". Ср. "Какая-то таинственность окружала его судьбу. < . > . . Жил. . . расточительно. . . держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. < . > Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто не осмеливался о том его спрашивать".

Сильвио, как установлено выше, родился в 1780 г., а Калиостро в 1780 г. под именем графа Феникса единственный раз побывал в России (в Петербурге).

Из того что Калиостро - одно из многих вымышленных имен Иосифа Бальзамо, а Сильвио - одно из вымышленных имен (самое очевидно вымышленное), под которыми скрывается в "Повестях" Пушкин, - из этого, во-первых, следует, что не случайно совпадают инициалы Иосифа Бальзамо и пушкинского двойника Ивана Белкина (И.Б.) и "рифмуются" инициалы Иосифа Бальзамо и рассказчика И.Л.П. (И.Б. - И.П.). Во-вторых, вспомнив, что персонажи-двойники и персонажи с их прототипами в "Повестях" часто связываются посредством "игры" разных и разно звучащих, но графически идентичных латинских и русских букв (Р и Р, Т и Т, Ч и Ч), мы поймем, что не случайно "рифмуются" инициалы в псевдонимах Cagliostro и Сильвио. В-третьих, имя графа Cagliostro-Alessandro - то же, что у Пушкина, и, несомненно, теперь мы знаем не только фамилию, но и имя героя "Выстрела" - Александр Сильвио. Наконец, в-четвертых, в графическом (и наполовину в звуковом отношении) совпадают инициалы Александра Сергеевича и Alessandro Cagliostro (А.С. - единственный, до сих пор не встречавшийся вариант инициалов Пушкина).

Установив, что Калиостро - один из прототипов Сильвио, уместно вспомнить, что XVIII столетию было свойственно полученное в наследство от предыдущих веков увлечение "магией чисел". Например, <<знаменитый Д.Казанова (1725-1798), итальян-

ский авантюрист и откровенный враг итальянских инквизиторов, заточивших его в тюрьму, - определил дату своего побега оттуда (блестяще им осуществленного!) с помощью гаданья по поэме ЛАриосто "Неистовый Роланд". Но искал Казанова "нужную" ему строку в книге на основе все той же числовой символики! Это было в 1757 году - всего через семь лет после смерти И.С.Баха и еще при жизни Генделя>>¹.

Пушкину отнюдь не только благодаря причастности к масонству, но прежде всего потому, что он являлся очень просвещенным человеком, был известен издревле широко применявшийся в искусстве (а также в алхимии, астрологии и т.д.) прием сведения двух-, трех- и многозначных чисел к однозначным (путем последовательного сложения цифр). Это называется выведением цифрового корня (например: $1789-1+7+8+9 = 25-2+5-7$). Идентичны понятия "цифровой корень" и "модуль 9" (цифровой корень равен остатку от деления числа на 9; например: $55-5+5-10-1+0-1$; $55:9=6$, остаток=1). Иными словами, от приплюсовывания к двух-, трех- и многозначному числу или вычитания из него девяти его цифровой корень не изменится; при выведении цифрового корня $9=0$. Исходя из этого Пушкин сделал "девятку" интервалом в ряду дат рождения Сильвио (1780), Бурмина (1789), Белкина, поручика Р*** и рассказчика "Выстрела" (1798). Корень названных чисел - 7. "Семерка" - символ этих персонажей, являющихся двойниками друг друга и Пушкина. Здесь же напомним, что подполковник И.Л.П. - чин 7-го класса.

Через посредство своих двойников Пушкин символизирует себя числом 7 (как, например, в дантовских "Новой жизни" и "Комедии" символ Беатриче - 9). Почему Пушкин сделал своим символом "семерку"? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо выявить числовую конструкцию, заключенную в "Выстреле", и удостовериться в том, что в "Повестях" Пушкин неизменно учитывает корневые значения чисел.

5

Как было установлено, И.Л.П. вышел в отставку в 1818 г., через 3 года после того, как вступил в службу в 1815 г. А 2 года спустя после выхода в отставку, в 1820 г., он встретился с четой Бурминых. Интервалы между 1815 и 1818 гг. и между 1818 и 1820 гг.

---

¹ Р о й з м а н Л. Заметки о некоторых клавирных произведениях И.С.Баха, особенно о токкатах // Вопросы фортепианного исполнительства. М., 1977. С. 130.

выражаемые числами 3 и 2, дающими в сумме 5, настойчиво подтверждаются в тексте: "... Да вот уже лет пять, как об нем не имею никакой известия"; "Пять лет тому назад я женился..."; "Ближих соседей около меня не было, кроме двух или трех горьких..." (2+3=5); "Приезд богатого соседа есть целая эпоха для деревенских жителей. Помещики и их дворовые толкуют о том месяца два прежде и года три спустя" (2+3=5). Намеренность повторений чисел 2, 3 и 5 сразу дополнительно подтверждается, если мы вспомним, что дело происходит в 1820 г. (цифровой корень = 2), что собеседнику Бурмина идет 23-й год (число состоит из цифр 2 и 3, а корень его = 5), что Пушкин осенью 1830 г. был "мужчиной лет тридцати двух", что Бурмин венчался в возрасте 23 лет, что И.Л.П. вышел в отставку в возрасте 20 лет (цифровой корень = 2), что письмо А.П. получено Бурминым 23 (5) числа, что Белкин служил до 1823 (5) г., что Марья Гавриловна стала в полном смысле супругой Бурмина в 1815 г., когда ей шел 20-й год или уже исполнилось 20 (2) лет, что венчались они в 1812 (3) г. и что Сильвио погиб в 1821 (3) г.

Числа 2, 3 и 5 - важные звенья числовой конструкции "Выстрела", которая отчетливо проявилась в хронографе событий, свершившихся в цикле "Выстрел" - "Метель" - "Выстрел", что показано в строке, расположенной вслед за хронографом.

1809 - первый поединок Сильвио с Бурминым.

1811 - начало действия в "Метели".

1812 - венчание Бурмина с Марьей Гавриловной.

1815 - начало семейной жизни супругов Бурминых, вступление в службу Белкина, И.Л.П. и Р***, приезд в Ненародово Бурминых, рассказ Сильвио о поединке с Бурминым и вторая их дуэль.

1816 - рождение дочери Бурминых, Марьи Алексеевны Трафилиной¹.

1818 - выход И.Л.П. в отставку.

1820 - встреча И.Л.П. с Бурмиными.

1821 - гибель Сильвио.

1809   1811   1812   1815   1816   1818   1820   1821   1830

¹ Дата рождения М.А.Трафилиной вскоре будет окончательно подтверждена.

Временные интервалы между датами отражаются в тексте сочинения. Двенадцатилетняя дистанция разбита на четыре трехлетия. Число 3, связанное в "Повестях" с Книгой пророка Ионы и с воскресением Христовым, символизирует идею духовного возрождения. Именно этот срок отпущен Марье Гавриловне и Бурмину для того, чтобы они очистились в испытаниях. Цифровой корень числа 12 (столько времени занимают события в цикле "Выстрел" - "Метель" - "Выстрел") - 3. Инверсию числа 12, однокорневое с ним число 21, мы видим в расстоянии между 1809 и 1830 гг. (в котором вступили в переписку издатель А.П. и Бурмин). Трехлетие очищения Марьи Гавриловны и Бурмина (1812 - 1815) - единственное, не содержащее в себе промежуточных дат. Три другие "тройки" представлены в группировках: 2+1, 1+2, 2+1. В этой симметричной композиции отражены даты венчания в Жадрине и гибели Сильвио (1812 и 1821); дистанция (12 шагов), на которой стрелялись Сильвио с Бурминым; возраст Марьи Гавриловны (21 год) при появлении на свет ее дочки, Марьи Алексеевны Трафилиной; количество пуль, выпущенных Бурминым (2 - в Сильвио) и Сильвио (1 - в картину).

"Тройка" во временных интервалах включает в себя "двойку" (1809 - 1812, 1809 - 1811; 1815 - 1818, 1816 - 1818; 1818 - 1821, 1818 - 1820) - сочетание чисел 2 и 3 напоминает о возрасте героев и их прототипов: 23 года было Бурмину в момент венчания в Жадрине; около 32 лет было ему при встрече с И.Л.П.; 32-й год шел Пушкину в Болдине; 23-й год шел И.Л.П. при встрече с Бурминым; в 1815 г., когда состоялся второй поединок Сильвио с Бурминым, Толстой был "мужчиной лет тридцати двух"; 32 года было Липранди, когда он вышел в отставку в 1822 г.; в том же году Пушкин в возрасте 23 лет имел дуэль с Зубовым, отраженную в "Выстреле"; 23 числа было получено Бурминым письмо издателя; наконец, Бурмин и Сильвио выпустили в совокупности 3 пули, но пуля Сильвио была всажена на пулю Бурмина ("тройка" в данном случае является еще и "двойкой").

Две пары трехлетий образуют два шестилетия, которыми охватываются события в первой и во второй частях "Выстрела". Комбинацию 3+3 мы видим и в количестве персонажей: 3 в первой части (Сильвио, поручик Р*** и И.Л.П.) и 3 во второй (Бурмин, Марья Гавриловна и И.Л.П.).

Всего героев в повести - 5, а "сумма" персонажей (3+3) - 6. Такой двойственности соответствует то обстоятельство, что гибель

Сильвио происходит как бы за сценой - события во второй части охватывают 5 лет (1815 - 1820).

Двойственно и количество частей в цикле: белкинских повестей - 5, а вместе с Предисловием издателя в опусе 6 частей (1+5). Как тут не вспомнить два первых числа в Предисловии: "Почтеннейшее письмо ваше от 15-го сего месяца имел я честь получить 23 сего же месяца" (1+5-6; 2+3-5). Инверсия числа 15 возникает в первых словах рассказа графа: "Пять лет тому назад я женился. **Первый** месяц, the honey moon, провел я здесь, в этой деревне" (5+1-6). Те же числа фигурируют в сцене карточной игры: "Однажды человек **десять** (1+0-1) наших офицеров обедали у Сильвио. Пили по-обыкновенному, то есть очень много; после обеда стали мы уговаривать хозяина прометать нам банк. Долго он отказывался, ибо никогда почти не играл; наконец велел подать карты, высыпал на стол **полсотни** (5+0-5) червонцев и сел метать" (1+5-6). Сильвио 5 раз отказался от выстрела (по два раза в каждой дуэли с графом и еще раз, когда не вызвал поручика Р***), а в шестой раз все же выстрелил - в картину (5+1-6). Эту же комбинацию в двух вариантах дают интервалы в хронологии событий, охватываемых второй частью "Выстрела": 1815 - 1820 - 1821 (5+1); 1815 - 1816 - 1821 (1+5).

Число 6 представлено в приведенной хронологической таблице еще в двух группировках: 2+4 (1809 - 1811 - 1815) и 1+4+1 (1815 - 1816 - 1820 - 1821). Первая из них инверсионно отражена в количестве участников первой дуэли Сильвио с Бурминым: "Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами" (1+3-4). "Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом" (1+1-2; 4+2-6). Первая часть комбинации 1+4+1 (1+4) соответствует возрасту Белкина, И.Л.П. и поручика Р*** в год первой дуэли Сильвио и Бурмина (14 лет), а вторая часть этой комбинации (4+1) соответствует возрасту Сильвио (41 год) в день гибели и возрасту Бурмина (41 год) во время его заочного знакомства с издателем. Наконец, "Выстрел" датирован 14 числом.

Как мы убедились, предполагаемый год рождения М.А.Трафилиной - 1816 - является неотъемлемой частью хронологической конструкции в цикле Предисловие - "Выстрел" - "Метель" - "Выстрел" - Предисловие. Все это подтверждает предположение о дате появления на свет Марьи Алексеевны. Пришла пора удостовериться в том, что она родилась в 1816 г.

Благодаря указанной дате ближайшую родственницу и наследницу Белкина, его самого, его двойника И.Л.П., белкинского же

двойника и родственника Бурмина и еще одного пушкинского двойника, Сильвио, связывают одни и те же числа: в 1821 г., когда Сильвио погиб 41 года от роду ($4+1=5$), Марья Алексеевна было 5 лет; в 1830 г., когда она посоветовала издателю А.П. - Пушкину, которому шел 32-й (5) год, обратиться за сведениями о Белкине (ему в 1830 г. было бы 32 года) к своему отцу, 41-летнему Бурмину, ей было 14 (5) лет. Если даты рождения Сильвио, Бурмина и Белкина (а также И.Л.П. и поручика Р***) разделены девятилетними интервалами, то между появлением на свет трех последних персонажей и Марьи Алексеевны пролегло 18 лет ($9+9=18=9$), что сохраняет цифровой корень (7), объединяющий даты рождения всех перечисленных лиц; притом число 18 соответствует возрасту Гончаровой осенью 1830 г., а число 16 - ее возрасту в момент знакомства с Пушкиным (число 1816 "складывается" из чисел 18 и 16). По совести скажу, что более убедительных доказательств рождения М.А.Трафилиной в 1816 г. и быть не может. (Кстати, первенцем Александра Сергеевича и Натальи Николаевны стала дочь Марья.)

Теперь напомним: в 1819 г. "Пушкин, А.В.Всеволожский, П.Б.Мансуров и И.И.Сосницкий посещают гадалыщицу, немку Кирхгоф. Гадалыщица говорит Пушкину, что он скоро получит деньги, что с ним в ближайшее время будут говорить о перемене службы, и предсказывает в будущем два изгнания и смерть от руки белокурого человека"¹ (все эти предсказания сбылись); в 1823 или 1824 г. "грек-предсказатель везет Пушкина в лунную ночь в поле и, спросив день и год его рождения, после заклинаний говорит ему, что он умрет от лошади или от руки беловолосого человека. Он же повторяет предсказание Кирхгоф о двух изгнаниях"².

В исповедальных "Повестях Белкина" Пушкин думал и, наверное, в какой-то степени гадал о своем будущем. Его творчество в Болдине граничило с ясновидением. И если принять во внимание, что предсказания его судьбы, которым он верил и которые для него сбывались, учитывали день и год его рождения, то можно сделать вывод: числом 7 Пушкин символизирует себя в осень 1830 г. ($26.5\ 1830=8+5+3=16=7$). Это подтверждается тем, что 7 - символ всех главных героев-мужчин "Выстрела", двойников Пушкина. Здесь же вспомним, что Пушкин впервые увидел Гончарову, когда ей было 16(7) лет. Забегая вперед, замечу, что в "Повестях" учтены также: число, символизирующее Пушкина в 1799 г., - 3 ($26.5\ 1799=8+5+8=21=3$); число, символизирующее Гончарову в год ее рождения и в 1830 г., - 2 ($27.8\ 1812=9+8+3=20=2$); 27.8

¹ Цявловский М. Указ. соч. С. 194.

² Там же. С. 315.

1830-(9+8+3-20-2), и число символизирующее дату помолвки Пушкина с Гончаровой, - 5 (6.5 1830-6+5+3-14-5). Наверное, не только число 3 (связанное с Книгой пророка Ионы и с воскресением Христовым), но и числа 7, 2 и 5 имеют в "Повестях" наряду с автобиографическим сакральное значение.

6

Громадной роли чисел в "Повестях Белкина" перестаешь удивляться по мере осознания неразрывной связи "Быстрела" с одной из самых числовых книг на свете - с "Комедией" Данте. Вспомним ее первую терцину (в переводе М.Лозинского):

Земную жизнь пройдя до половины,

Я очутился в сумрачном лесу,

Утратив правый путь во тьме долины.

Как известно, в этом покаянном зачине "сумрачный лес" - лес грехов и заблуждений, а "половина земной жизни" - 35 лет (последнее утверждается в дантовском "Пире").

По-итальянски лес - selva, что происходит от латинского слова silva, одно из переносных значений которого - дебри, мирская суета. Ее и символизирует имя Сильвио, - так назван персонаж, пленник тщеславия и во многом ложных понятий о чести, бывший в течение шести лет одержимым жаждой кровавого мщения Бурмину, которого он возненавидел из-за нежелания разделить с ним славу первого буяна по армии и властителя женских сердец. Причем он сам оскорбил Бурмина, сказав ему на ухо плоскую грубость. Возраст Сильвио в начале повести - "около тридцати пяти лет" - в сочетании с его именем исключают сомнения в осознанности пушкинского намека на "Комедию". К тому же, вожатым Данте (до встречи с Беатриче в XXX песни "Чистилища") является Вергилий, главное сочинение которого - "Энеида", а имя сына Энея - **Сильвий**. Следовательно, дав своему двойнику имя Сильвио, Пушкин тайно назвал Данте своим вожатым на стезе очищения. Тем же самым автор внешне неприятных "Повестей Белкина" тайно указывает на свое избранничество и прочерчивает линию преемственности: Вергилий - Данте - Пушкин.

Вергилий пользовался в Средневековье легендарной славой мудреца, чародея и провозвестника христианства, и общение с ним Данте в "Комедии" символизирует кроме всего прочего преемственность христианской культуры по отношению к античной. Пушкин в "Быстреле", подчеркнув свое родство с Данте и Вергилием, указал (подобно тому, как он это сделал в "Метели" посредством символа "девица, К.И.Т." - см. гл. 1) на античность и христианство

как на два корня европейской культуры, на причастность к этой культуре России, на непреходящее значение нравственных понятий, выработанных христианством.

Символ *silva* (мирская суета) многократно незримо возникает в "Комедии" в связи с греховным прошлым автора. Например, Беатриче говорит:

*Он устремил шаги дурной стезей,
К обманным благам, ложным изначала . . .*

(*"Чистилище"*, XXX, 130 - 131)

Она же, обращаясь к Данте, варьирует эту мысль:

*. . . Твое сознание замкнуто,
Как струи Эльсны, в помыслы сует.*

(*"Чистилище"*, XXXIII, 65 - 68)

В слезах Данте кается ей:

*. . . Обманчиво маня,
Мои шаги влекла тщиета земная . . .*

(*"Чистилище"*, XXXI, 34 - 36)

Этим слезам предшествует лицемерие автором своего отражения:

*Глаза к ручью склонил я, но когда
Себя увидел, то, не малив слова,
К траве отвел их, не стерпев стыда.*

(*"Чистилище"*, XXX, 76 - 78)

Тем же чувством стыда во многом порождено отражение Пушкиным самого себя в образе Сильвио.

В "Выстреле" Пушкин благословляет Судьбу за то, что она хранила его от участи убийцы и заклинал себя от убийства¹.

Сожствие в "Ад" оказалось в "Комедии" необходимым условием духовного очищения Данте, ибо, по словам Беатриче,

*Так глубока была его беда,
Что дать ему спасенье можно было
Лишь зрелищем погибших навсегда.*

(*"Чистилище"*, XXX, 136 - 138)

Себе и другим прототипам героев-двойников "Выстрела" Пушкин напомнил о том, что совесть сделает сущим адом жизнь того, кто убьет во имя "кумира", названного в "Онегине" "пружиной

---

¹ То же он сделал, как заметил Непомнящий, в шестой главе "Онегина" и не случайно намеревался оттуда взять эпиграф к "Выстрелу": "Теперь сходитесь". Думаю, не случайно и то, что эпиграф к повести, в которой столь велико значение числа 6, Пушкин собирался заимствовать из шестой главы своего романа.

честь". Очищение автора в "Повестях Белкина" осуществляется, как в "Комедии", через покаяние¹.

Комментаторы указывают на то, что слова Беатриче:

*Но чуть я, между первым и вторым
Из возрастов, от жизни отлетела, -
Меня покинув, он ушел к другим, -*

означают: она умерла двадцати пяти лет от роду, и после ее смерти Данте был неверен Беатриче и как женщине, и как небесной мудрости, ища ответы на все вопросы в мудрости человеческой. Продолжая эту мысль, надо заметить, что поиски ответов на все вопросы в мудрости человеческой есть проявление гордыни. С нею так или иначе связан (по крайней мере, с точки зрения верующего) атеизм. Ему Пушкин отдал дань в молодости, что, в частности, сказалось в "Гавриилиаде". В гл. 1 я заметил, что антиподом этой поэмы является стихотворение о "рыцаре бедном", который ". . . имел одно виденье, непостижное уму . . .". Напоминаю об этом, с тем чтобы подчеркнуть: пушкинская эволюция сродни дантовской (хотя Данте в отличие от Пушкина никогда не приближался к атеизму): в заключительных строках "Комедии" говорится об откровении, "непостижном уму":

*Как геометр, напрягающий все старанья,
Чтобы измерить круг, схватить умом
Искомое не может основанья²,*

*Таков был я при новом диве том:
Хотел постичь, как сочтаны были
Лицо и круг в слиянии своем;*

*Но собственных мне мало было крылий;
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенье всех его усилий.*

---

¹ Сказанное в этом смысле А.А.Доброхотовым о "Комедии" ближайшим образом соотносится с "Повестями Белкина": "Автор - пилигрим, который совершает путешествие на небо, чтобы спасти себя от гибели, очиститься от грехов. Это путь покаяния и духовного возрождения. < . . . > Подобно тому, как путь в Чистилище оказался проходящим через Ад, так и возвышение его личности стало возможным через унижение и смирение. < . . . > Он видит в поэме испу-дительный акт, который снимет с него заклятие и вернет "потерянный рай": родину, детство, Беатриче . . . < . . . > Эгоцентризм поэмы не гордыня, а самопознание, необходимое для покаяния". (Д о б р о х о т о в А. Данте. М., 1990. С. 85.)

² Т.е. чтобы решить задачу квадратуры круга.

*Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,*

Любовь, что движет солнце и светила.

Любовь спасает Сильвио и Бурмина. Гордыня и ненависть, коими одержим Сильвио, побеждаются любовью Марьи Гавриловны к мужу, ее смиренной готовностью во имя этой любви претерпеть унижение - в ногах валяться у Сильвио. <<Я выстрелил, - продолжал граф, - и, слава богу, дал промах, тогда Сильвио . . . (в эту минуту он был, право, ужасен) Сильвио стал в меня прицеливаться. Вдруг двери отворились. Маша вбегает и с визгом кидается мне на шею. Ее присутствие возвратило мне всю бодрость. "Милая, - сказал я ей, - разве ты не видишь, что мы шутим? Как же ты перепугалась! поди, выпей стакан воды и приходи к нам; я представлю тебе старинного друга и товарища". Маше все не верилось. "Скажите, правду ли муж говорит? - сказала она, обращаясь к грозному Сильвио, - правда ли, что вы оба шутите?" - "Он всегда шутит, графиня, - отвечал ей Сильвио, - однажды дал он мне шутя пощечину, шутя прострелил мне вот эту фуражку, шутя дал сейчас по мне промах¹; теперь и мне пришла охота пошутить . . ." С этими словами он хотел в меня прицелиться . . . при ней! Маша бросилась к его ногам>>. Это последнее в ряду унижений Бурмина спасло ему жизнь. Сильвио почувствовал себя отомщенным. Кроме того, и это главное, он (возможно, не понимая, что с ним происходит) не смог преступить продиктованной любовью заповеди "не убий" и застрелить Бурмина на глазах любящей его жены.

Обратим внимание на инверсию: "Бурмин побледнел . . . и бросился к ее ногам . . ."; "Маша бросилась к его ногам".

Бурмин спас Машу, будучи занесен в Жадрино метелью и легкомысленно обвенчавшись с незнакомой девушкой. Однако этой спасительной для них обоих "шуткой" он явил пренебрежение к ней (и к женщине вообще) и обрек ее на долгие страдания. В мире пушкинского искусства царит справедливость, и жена возвращает мужу долг: она спасает его; при этом она - причина унижений, претерпеваемых Бурминым. Любовь к ней сделала для него жизнь столь дорогой, что он пришел в смятение под дулом пистолета

---

¹ Перечень "шуток" можно дополнить словами Бурмина: ". . . Так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена".

Сильвио ("Он вынул пистолет и прицелился . . . Я считал секунды . . . я думал о ней . . . Ужасная прошла минута!") и затем произвел поразительный выстрел. Унижения эти - не расплата за прегрешения Бурмина перед Сильвио (тот сам был виновником их ссоры), а возмездие за трехлетние мучения Маши, случившиеся по его милости.

Как доказывалось в гл. 1, эпитафия к "Метели" тайно говорит о посвящении повести Гончаровой. Приняв во внимание, что Бурмин - двойник автора, мы поймем спасение мужа Марьей Гавриловной выражает мечту Пушкина о своем духовном возрождении в браке с Гончаровой. Кроме того, поскольку спасение героиней мужа означает также спасение ею Сильвио (двойника автора) от участи убийцы, и, поскольку имя Сильвио указывает на связь "Выстрела" с "Комедией", возникает еще одна параллель между этой повестью и творением Данте: там автор обрел духовное возрождение тоже благодаря своей Даме (ведь именно по ее воле Вергилий явился к Данте и провел его через Ад и Чистилище к Раю, где его встретила и повела дальше Беатриче).

Наряду с Пушкиным главным прототипом героев-двойников "Выстрела" оказался Толстой-Американец, и его тоже спасла возлюбленная (удержала от самоубийства) - вспомним пулю, всаженную на пулю, символизирующую расчет героя с самим собой; вспомним, что "Выстрел" иллюстрирует самоубийственность - по крайней мере, в духовном смысле - стремления убить¹. Произошло это в том же 1821 г., в котором погиб Сильвио. <<Во время своих кутежей с цыганами, - пишет С.Л.Толстой, - Федор Иванович увлекся цыганкой - прелестной певицей, по отзыву ее современников, - Авдотьей Максимовной Тугаевой, увлек ее и увез к себе. Каменская рассказывает, что он "долго жил с нею без венчания. Раз, проиграв в карты большую сумму в английском клубе, он должен был быть выставлен на черную доску за неплатеж проигрыша в срок. Он не хотел пережить этого позора и решил застрелиться. Его цыганка, видя его возбужденное состояние, стала его выпрашивать.

- Что ты лезешь ко мне, - говорил Федор Иванович, - чем ты мне можешь помочь? Выставят меня на черную доску, и я этого не переживу. Убирайся.

Авдотья Максимовна не отстала от него, узнала, сколько ему нужно было денег, и на другое утро привезла ему потребную сумму.

---

¹ В этом смысле имя Сильвио (производное от латинского *silva*, т.е. лес) также связано с "Комедией": в третьем рву седьмого (!) круга дантовского Ада находится лес самоубийц.

- Откуда у тебя деньги? - удивился Федор Иванович.

- От тебя же. Мало ты мне дарил. Я все прятала. Теперь возьми их, они - твои.

Федор Иванович расчувствовался и обвенчался на своей цыганке">> 1.

После женитьбы он очень переменялся: никого не убил на дуэли и, кажется, даже ни разу не выходил к барьеру; перестал, играя в карты, "исправлять (по его выражению - А.К.Р.) ошибки Фортуны", сделался набожным.

В спасении Бурмина Марьей Гавриловной (когда Судьба воздала ему и за счастье, и за страдания героини) отразилось избавление Толстого от самоубийства А.М.Тугаевой, выручившей его деньгами, которые он ей дарил. Это соответствие судьбы Бурмина и Толстого принадлежит к множеству примеров того, что закон справедливости в мире пушкинского искусства (в мире, где Судьба дает симметричный ответ на каждый поступок человека) не выдуман Пушкиным, а усвоен им из жизни.

Воздаяние в повести получает не только Бурмин, но и его двойник-соперник: Сильвио, 6 лет готовившийся к дуэли, через 6 лет по прошествии этого периода погибает в бою. Поразительно, что в этой симметрии пророчески предвосхищена судьба обоих главных прототипов Сильвио. О Пушкине в этом смысле речь пойдет позже, а сейчас напомним о том, что Толстой, убивший на дуэлях 11 человек, <<записывал имена убитых в свой синодик. У него было 12 человек детей, которые все умерли в младенчестве, кроме двух дочерей. По мере того, как умирали дети, он вычеркивал из своего синодику по одному имени из убитых и ставил сбоку слово "квит". Когда же у него умер одиннадцатый ребенок, прелестная умная девочка 2, он вычеркнул последнее имя убитого им и сказал "Ну, слава Богу, хоть этот мой кучерявый цыганеночек будет жив". Этот цыганеночек была Прасковья Федоровна, впоследствии жена В.С. Перфильева>> 3.

---

1 Толстой С.Л. Указ. соч. С. 47-48.

2 Это случилось уже после смерти Пушкина, в 1838 г., когда умер старший ребенок Толстого - дочь, родившаяся в 1821 г. "Он горячо любил свою старшую дочь Сарру и дал ей хорошее образование. Она была болезненна и психически ненормальна, но исключительно талантлива. Ее стихи были напечатаны, и Белинский дал о них благоприятный отзыв, а Герцен называет ее необыкновенной девушкой. < . . . > Ее смерть была тяжким ударом для отца". (Толстой С.Л. Указ. соч. С. 93-94.)

3 Она скончалась в 1887 г. Ее сын Федор был похож на деда. "Он умер в сравнительно молодых годах от прогрессивного паралича". (Толстой С.Л. Указ. соч. С. 94.)

Женитьба Толстого на Тугаевой, спасшей его от смерти физической, позволила ему избежать и духовной смерти. Можно сказать, что с 1821 г. он перестал быть прототипом персонажа, имя которого символизирует мирскую суету. Во многом поэтому в том же году пресекалась жизнь Сильвио. Так же числа связывают смерть Белкина и встречу Пушкина с Гончаровой (встречу, которую он полагал началом своего духовного возрождения): Белкину и Пушкину в конце 1828 г. шел 30-й год. Теперь понятно, почему опус пушкинского двойника опубликован под заглавием "Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.". Названием, как и ремаркой "КОНЕЦ ПОВЕСТЯМ И.П.Белкина", Пушкин дал понять, что начинает новую жизнь (кстати, предтечей "Комедии" является повествующая об отношении Данте к Беатриче "Новая жизнь").

У чисел 1821 (дата смерти Сильвио и женитьбы Толстого), 30 (на 30-м году от рождения умер Белкин, а Пушкин встретил Гончарову) и 1830 (год помолвки Пушкина и создания "Повестей") один и тот же цифровой корень - 3, что делает их символами духовного возрождения. Кроме того, напомним, 3 - символ Пушкина в 1799 г. ($265\ 1799-8+5+8-21-3$), причем сумма чисел в дате пушкинского рождения ($26+5+1799$) - 1830. Наконец, к "тройке" сводится и дата окончания работы над "Повестями Белкина" (этим числом помечено письмо Бурмина к А.П.): $16.11\ 1830-7+2+3-12-3$.

В этой дате большую роль играет также "семерка" - корень числа 16, ибо в 1816 г. родилась М.А.Трафилина, и число 7 - символ Пушкина в осень 1830 г. и его двойников: Сильвио, Бурмина, Белкина, поручика Р*** и подполковника И.Л.П. Подчеркивание Пушкиным чисел, являющихся его символами, имеет много аналогов в "Комедии". Например, при встрече с Данте ("Ад", I), "видимо, не случайно Вергилий говорит о своем рождении в 70-м стихе (70 г. до н.э. - год его рождения), и речь его занимает 51 строку песни (он прожил 51 год); как и во всех подобных случаях, числовая конструкция показывает, какое значение Данте придавал этому фрагменту"¹.

Сходным образом "Метель" связана с Книгой пророка Ионы: трехдневное пребывание Ионы соотносится со смертью Христа и его воскресением в третий день - в "Метели" число 3 символизирует духовное возрождение героев (они 3 года очищались в испытаниях), оно же символизирует Пушкина (к "тройке" сводится дата его появления на свет) и Марью Гавриловну (если в конце 1811 г. ей было 17 лет, то родилась она в 1794 г. - $1+7+9+4-21-3$); населе-

¹ Д о б р о х о т о в А. Указ. соч. С. 96.

ние Ниневии, "города великого", "на три дня ходьбы", состояло более чем из 120 000 жителей (1+2=3) - герои "Метели" обвенчались в 1812 г. (1+8+1+2=12=3); в Книге Ионы 48 строф (4+8=12=3) - эпиграф к "Метели" взят из баллады Жуковского, написанной в 1812 г., и состоит из четырехстишия и восьмистишия (4+8=12=3); Книга Ионы является 32-й по счету в Библии - Бурмин венчался в 23 года, он же в "Выстреле" предстает перед нами "мужчиной лет тридцати двух, каким был Пушкин в Болдине¹.

Из всего сказанного о роли в "Повестях" числа 3 (и чисел, цифровой корень которых = 3), явствует, что Пушкин считал это число счастливым. О том же свидетельствует еще одно обстоятельство: магическая комбинация карт в "Пиковой даме" - "тройка, семерка, туз", т.е. 3+7+11=21 или 3+7+2=12 (цифровой корень числа 11=2). Корень суммы в обоих вариантах = 3. Тут призадумайтесь над тем, что корневое выражение даты окончания "Повестей" складывается из "тройки", "семерки" и "туза": 16.11 1830 = 7+2+3=12. Эту комбинацию можно записать и так: 7+(2+3)=7+5. Теперь мы поймем смысл проникнутых нежностью слов о белкинской ключнице, прототип которой - Арина Родионовна: "Сия глупая старуха не умела никогда различить двадцатипятирублевой ассигнации от пятидесятирублевой". Корневые значения чисел 25 и 50 - 7 и 5. Они - слагаемые заветного пушкинского числа: 7+5=12. Счастливое значение комбинации 7+5 как нельзя лучше видно в "Станционном смотрителе". После вступительного рассуждения о смотрителях начинается собственно повесть. Весна, благополучие в доме смотрителя, красота Дуни и ее поцелуй - все это находит числовое выражение в начальной фразе рассказа об этих героях: "В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать . ." Цифровой корень числа 1816=7, май - пятый месяц (7+5=12). Затем повествование становится трагическим. Читая конец

---

¹ Ниже на многих примерах будет показано, что в числовых соответствиях явно или тайно упоминаемым и цитируемым произведениям кроется один из принципов художественного мышления автора "Повестей Белкина".

Интересно, что композитор Г.В.Свиридов, избегающий в своем творчестве числовой символики (о чем он заявлял в печати), написал "Романс" (он входит в сюиту "Музыкальные иллюстрации к повести А.С.Пушкина "Метель"), где мелодия, насыщенная символами Судьбы ("четыреударные" мотивы - вероятно, неосознанное преломление традиции, восходящей к таким сочинениям, как Пятая симфония и "Апассионата" Бетховена, Четвертая симфония П.И.Чайковского и др.), состоит из 12 (3) тактов, а вся пьеса содержит 66 (6+6=12=3) тактов. Чем это объяснить - случайностью или интуицией большого художника, невольно отозвавшегося на доминанцию числа 3 в "Метели" и в ее "первоисточнике", Книге Ионы?

"Станционного зрителя", испытываешь катарсис, трудно удержаться от очистительных слез. Для того чтобы понять, почему так происходит, надо разобрать всю повесть; сейчас ограничусь напоминанием о том, что сам рассказчик не скрывает умиления, которое поверхностному взгляду представляется скупостью. На самом же деле в беззвучной музыке чисел тайно проводится мысль о благоволении к людям воли Промысла: "И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных" (5+7=12). Это числовая реприза повести, инверсирующая начальную последовательность слагаемых.

Формулу 7+5=3 Пушкин то и дело тайно относит к себе и своим двойникам: он в Болдине - "мужчина лет тридцати двух" (5), а его символ в осень 1830 (3) г. - 7 (5+7=12=3); Бурмин венчался в 23 (5) года, при встрече с И.Л.П. он - "мужчина лет тридцати двух", а тот - "мужчина лет двадцати трех" (5), Сильвио гибнет в возрасте 41 (5) года, а Бурмин в том же возрасте вступает в переписку с А.П., Белкин служил до 1823 (5) г., а в 1830 г. ему было бы 32 (5) года; поскольку названных двойников Пушкина символизирует число 7, в сознании возникает комбинация: 7+5=12=3.

Символизирующие Пушкина числа 3 и 7 играют заметную роль в связи "Повестей Белкина" с "Комедией". Одна из кульминаций "Комедии" - XXX песнь "Чистилища", где Данте встречается с Беатриче (вспомним еще раз, что на 30-м году жизни Белкин умер, а Пушкин встретил Гончарову, с которой был помолвлен в 1830 г., и в том же году родились "Повести"¹). <<XXX песнь, - пишет Доброхотов, - это место деления поэмы в соответствии с принципом "золотого сечения". Есть основания полагать, что Данте пользовался соотношением 5:3. Если мы разделим общее число стихов "Комедии" (14 233) по принципу "золотого сечения", то обнаружим, что средний стих всей "Комедии" также находится в XXX песни. Это 15-й стих: ". . . В земной плоти воскресший для хвалений . . ." Порядковый номер стиха - 8895-й (8+8+9+5=30)>> 2.

¹ Символизируя кончиной Белкина свое вступление в новую жизнь, Пушкин следовал идее "Новой жизни" Данте. Комментаторы указывают: "Глава XXIII (Пушкин в Болдине - "мужчина лет тридцати двух" - А.К.-Р.) - кульминация, смысловой центр повествования: здесь критический момент духовного пути Данте. < . . . > Здесь достигает апогея (за которым следует разрешение) единство идеи любви и смерти: Беатриче должна умереть, чтобы сподобиться небесного блаженства, но и прежний Данте должен умереть, чтобы духовно возродиться". (Д а н т е А. Новая жизнь. Божественная комедия/Пер. М.Лозинского. Примеч. Е.Солоновича и др. М., 1967. С. 538.)

² Д о б р о х о т о в А. Указ. соч. С. 147-148.

3 (корень числа 30) - символ Христова воскресения и духовного возрождения Данте. Названный 8895-й стих "находится в середине фрагмента, в целом насчитывающего 9 стихов (9 - символ Беатриче - А.К.-Р). Начинается он стихом, содержащим цитату из Песни песней ("Тряди, невеста, с Ливана"), а кончается стихом, содержащим цитату из Евангелия ("Благословен грядущий"). Таким образом фрагмент как бы связывает ветхозаветное предзнаменование и новозаветное исполнение, бросая свет на все происходящее в XXX песни"¹. Здесь надо вспомнить, что число 3, символизируя в "Метели" Марью Гавриловну Р** и Пушкина, а также духовное возрождение героев повести и Пушкина, вместе с тем связывает "Метель" с ветхозаветной Книгой пророка Ионы и с соотносящейся с последней в Новом завете смертью и воскресением Христа на третий день. В этом отношении Пушкин следует традициям старых мастеров, в том числе и Данте. То же надо сказать и о "Выстреле".

Если девица КИТ, от которой слышана Белкиным "Метель", символизирует рыбу-кит из Книги Ионы, то в ракоходе инициалов рассказчика "Выстрела" обнаруживается команда ПЛИ!, т.е. ИЛП наоборот, или "антипли", что значит: "Не убий"². Эта заповедь, символизируемая фигурой подполковника ИЛП, - главная мысль повести, в которой роковой выстрел так и не раздался³.

---

¹ Доброхотов А. Указ. соч. С. 148.

² Сравним двойное (в прямом и ракоходном движении) прочтение инициалов рассказчика со значением первого барельефа на стене, вдоль которой идет Данте, вступивший в Чистилище ("Чистилище", X). Сюжет этого барельефа - Благовещение: изображены архангел Гавриил и Мария, смиренно принимающая его весть. Царица небесная называет себя рабой Господней. "В средние века, - пишет Доброхотов (Указ. соч. С. 132), - заметили, что ave, прочитанное справа налево, дает eva: дерзость Евы преодолена смирением Марии. < . . > Смирение возвышает, гордыня унижает". Таким образом, восходящая к Священному писанию идея "Выстрела" символизирована посредством приема, широко распространенного в средневековом, ренессансном и барочном искусстве.

³ Герой "Выстрела" положил 6 лет на то, чтобы насладиться убийством своего двойника; он трижды целился в него, но так не смог заставить себя выстрелить, и в итоге получил совсем другой выстрел - пулю, всаживая на пулю, символизирующая расчет автора с самим собой. Именно на этот выстрел, выражающий идею покаяния, указывают название повести и две реплики из диалога ИЛП с Бурминным:

"- Вот хороший выстрел, - сказал я, обращаясь к графу.

- Да, - отвечал он, - выстрел очень замечательный".

"Не убий" - шестая заповедь, и с этим, конечно, связана огромная роль числа 6 в "Выстреле".

Но не будем забывать и об автобиографичном значении этого числа - Пушкин 6 лет готовился к дуэли с Толстым. Так же аббревиатура ИЛП "рифмуется" и с инициалами пушкинского двойника И.Белкина, с инициалом фамилии самого Пушкина и указывает на то, что идея "Выстрела" сводится к шестой заповеди. Наконец, чин ИЛП. тоже указывает и на автобиографичность рассказчика, и на то, что он символизирует заповедь "не убий": подполковник - чин 7-го класса, а число 7 - символ Пушкина в осень 1830 г. Но ведь, как говорилось выше, рассказчик, вероятно, вышел в отставку в 1818 г. армейским поручиком (-чину Пушкина, коллежскому секретарю) и вернулся в службу в 1824 г., в образованный тогда на правах молодой гвардии лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, где и стал подполковником (-армейскому полковнику, чину 6-го класса). Гипотеза подтвердилась: чин подполковника молодой гвардии гармонирует с инициалами ИЛП. и символизирует вместе с ними шестую заповедь.

"Выстрел" восходит не только к ветхозаветной заповеди, но и к новозаветной Нагорной проповеди, в которой Христос напомнил <<Вы слышали, что сказано древним: "Не убивай; кто же убьет, подлежит суду">>. Возмездие, о неотвратимости которого предупреждал Спаситель, постигло одного из прототипов Сильвио - Толстого-Американца, потерявшего столько детей, сколько соперников он убил на дуэлях. Приведенная цитата - стих 21 из главы 5 Евангелия от Матфея. 41 (5) года от роду, в 1821 г. (цифровой корень чисел 21 и 1821-3) погиб Сильвио, коего имя символизирует мирскую суету, и это событие соотносится с духовным возрождением Толстого, начавшимся после того, как он в 1821 г. женился. Сильвио не сумел преступить заповеди "не убий", которую символизирует подполковник ИЛП. Подполковник - чин 7-го класса, а стих 7 в той же главе 5 Евангелия от Матфея гласит: "Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут". Нагорная проповедь, в которой это сказано, начинается в стихе 3 названной главы. Связывая "Выстрел" (имя героя которого восходит к "Комедии") посредством символа ИЛП. и чисел с Ветхим и Новым заветом, Пушкин использует те же приемы, что Данте.

Числами 7 и 3, символизирующими и Пушкина, и Сильвио, не раз подтверждается, что литературная генеалогия Сильвио восходит к "Комедии". В добавление к уже сказанному об этом напомним, что лес (*selva*) самоубийц (жажда убить, сжигавшая Сильвио, самоубийственна) помещен Данте в третьем поясе седьмого круга Ада. Кроме того, в песни XXI (3) "Чистилища" к Вергилию и Данте присоединяется посланный к ним Беатриче Стаций - римский поэт,

попавший, по Данте, в Рай, ибо тайно принял христианство ("Повесть Белкина" - тайная нецерковная проповедь нравственных основ христианства). Среди сочинений Стация есть сборник стихов "Сильвы". Удивительные совпадения: в 1821 г. погиб Сильвио и женился Толстой-Американец, и в XXI песни "Чистилища" Данте и Вергилий (сын главного героя которого - Сильвий) встречаются с автором сборника "Сильвы"; на 30-м году жизни умер Белкин, в том же возрасте Пушкин впервые увидел Гончарову, с которой обручился в 1830 г., и в песни XXX "Чистилища" встречаются Данте и Беатриче!

В "Повестях" связывающая их с "Комедией" идея очищения через покаяние наиболее ярко выражена в "Выстреле". Здесь же фигурируют в большем, чем в других частях цикла, количестве пушкинские двойники, и всех их символизирует число 7; оно же - символ Пушкина в покаянную Болдинскую осень 1830 г. Как тут не вспомнить, что при входе Данте в Чистилище ангел начертал на его челе семь Р (peccatum - грех), означающих семь смертных грехов, от которых надлежит очиститься по мере восхождения на гору Чистилища.

Корень всех грехов - гордыня. Главным гордецом Данте назвал Люцифера, который упал на землю, пробил ее до центра, где застрял и мучается, олицетворяя вечное зло и червя, изнутри подтачивающего древо жизни. Сильвио, отдавший шесть лет жизни идее мщениия, насильовал свою природу и был подобен человеку, стоящему вверх ногами¹. Отсюда убедительность сравнения: "Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола". "Густой дым" тоже символичен. Проходя через третий (!) круг Чистилища, где пребывают гневные ("Чистилище", XVI, цифровой корень - 7!), Данте заметил:

*Во мраке Ада и в ночи, лишенной
Своих планет и слоем облаков
Под небом скудным плотно затененной,
Мне взоров не давил такой покров,
Как этот дым, который все сгущался,
Причем и ворс нещадно был суров.*

Как известно, "подобный плотному п о к р о в у с колючим в о р с о м спящий дым, в который вступили поэты,

---

¹ Душевной раздвоенности этого могучего человека, его мучительной борьбе со своей нравственной природой соответствует необходимость двойного - обратного и прямого - прочтения инициалов рассказчика: ПЛИ - ИЛП ("не убий").

обволакивает души тех, кто при жизни был ослеплен гневом"¹.

В Чистилище Данте проходит, очищаясь, через семь кругов. В первом пребывают гордецы, во втором - завистники, в третьем - гневные, в четвертом - унылые (к грехам, искупающимся в других кругах, проблематика "Выстрела" отношения не имеет). Схема погружения Сильвио в пучину мирской суеты является словно отражением - с обратным знаком - пути Данте через первые четыре круга Чистилища. Сначала Сильвио обуяла гордыня: "Характер мой вам известен: я привык первенствовать, но смолоду это было во мне страстию". (Данте признавался, что из всех грехов он был в наибольшей степени подвержен гордыне.) Затем Сильвио овладела зависть к Бурмину, ее следствием стал гнев, он повлек за собой уныние, проявившееся к безрадостном "резком злоречии". Оно же было присуще Пушкину в южной ссылке, что нашло отражение в "Онегине":

*Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он утрат.*
.....

Не вдаваясь в рассмотрение причин подлинной и отчасти напускной озлобленности Пушкина начала 1820-х годов, замечу, что в общении с близкими друзьями он чаще всего, как Сильвио, "оставлял обыкновенное свое резкое злоречие и говорил о разных предметах с простодушием и необыкновенною приятностию".

Вернемся к вопросу о приемственности пушкинских приемов обращения с числами по отношению к дантовским. Данте в первой терцине "Комедии" сообщил свой возраст в том году, к которому отнес действие, что в сочетании с многочисленными намеками на то, что год этот - 1300-й, указывает год рождения поэта. Так, Хвостач ("Ад", XXI) объясняет обвал моста тем же содроганием преисподней, о котором говорил Вергилий ("Ад", XII; кстати, примечательна инверсия в номерах песен: 21 - 12), т.е. землетрясением, происшедшим согласно Евангелию в миг смерти Христа. Данте разделял распространенное тогда представление о том, что Христос умер в возрасте 34 лет ("Пир", IV). С момента землетрясения прошло, по словам Хвостача, 1266 лет. Следовательно, время действия в этой сцене - 1300 г., на что и намекает автор. Здесь есть намек и на год его рождения, ибо Данте в "Комедии" 35 лет (1300-35=1265). Аналогичным образом Пушкин, сообщив возраст

---

¹ Данте А. Указ. соч. С. 610.

Сильвио и позволив установить, что 35 лет Сильвио было в 1809 г., косвенно указал дату его рождения (1780), числовой корень которой (7) символизирует Пушкина в момент создания "Повестей", его четырех двойников из "Выстрела", а также Белкина.

<<Весна 1300 г. - время странствия, описанного в "Комедии", видимо, расценивалась Данте как особая точка в мировой истории. В соответствии с расчетами Р.Бенини Данте делил историю на две части. Первая - это 6500 лет от сотворения Адама до 1300 г., вторая - от 1300 г. до Страшного суда, также 6500 лет. В сумме - 13 000 лет. 1300 г. представляет собой центр истории, а центральное событие года, Пасха, как бы концентрирует в себе все 13 000 лет мировой истории. Данте считал себя призванным создать памятник этому событию своей поэмой>>¹. Это отразилось и в ее конструкции, - в частности, в том, что она состоит из 14 233 стихов: сумма цифр в названном числе (13) выражается теми же цифрами, что числа 1300 и 13 000.

Если Данте придавал особое значение году, в котором происходит действие в "Комедии", то автор " Повестей Белкина" - году, в котором он был помолвлен и творил в Болдине: в датах окончания частей цикла цифровой корень суммы чисел, указывающих день месяца, $-3 (16+14+20+9+14+20-93-12-3)$ ² и соотносится с возрастом, в котором Белкин умер (на 30-м году жизни), а Пушкин встретил Гончарову, и с 1830 г. $(1+8+3+0-12-3)$.

Упомянутый ряд чисел заслуживает, как и ряд корней этих чисел, пристального внимания:

16	14	20	9	14	20
7	5	2	9	5	2

Особняком стоит число, относящееся к дате окончания Предисловия; затем следует симметричная структура, где осью симметрии является "девятка".

Комбинация 5+2, находящаяся во втором ряду справа и слева от числа 9, дает в сумме 7, и этот ряд можно представить себе четырехчленным:

7	7	9	7
---	---	---	---

И в таком варианте числовая гармония очевидна; причем сумма трех "семерок" равна сумме чисел в пушкинской заветной комбинации "тройка, семерка, туз" $(3+7+11-21)$, а "девятка" не меняет

¹ Доброхотов А. Указ. соч. С. 96.

² Предисловие датировано 16.11 1830, "Выстрел" - 14.10 1830, "Метель" - 20.10 1830, "Гробовщик" - 9.9 1830, "Станционный смотритель" - 14.9 1830, "Барышня-крестьянка" - 20.9 1830.

корня суммы, но доводит ее до 30. Все это включено в числовую конструкцию цикла: комбинация 3+7+11 (и равнозначная ей 3+7+2) является в "Повестях" символом счастья. Число 21 ассоциируется с годом смерти Сильвио и женитьбы Толстого-Американца. В добавление к сказанному чуть выше о роли числа 30 напомним: корень чисел 21, 1821, 30 и 1830 - "тройка", символизирующая Пушкина в момент его появления на свет, Марью Гавриловну (она родилась в 1794 г.; цифровой корень этого числа - 3), а также идею духовного возрождения. Наконец, "семерка" символизирует Пушкина в осень 1830 г., Гончарову, которой при первой встрече с Пушкиным было 16 (7) лет, Марью Алексеевну Трафилину, родившуюся в 1816 (7) г. и плеяду героев-мужчин - пушкинских двойников¹.

Приступаю к доказательству того, что все числа в трех приведенных рядах входят в художественную структуру цикла и служат в нем символами.

В "Выстреле" (равно как в тесно связанном с ним Предисловии) и в "Смотрителе" велика роль числа 14, которым они датированы, его корня (5) и чисел, сводящихся к этому корню: Сильвио погиб в возрасте 41 года (инверсия числа 14), когда дочери Бурмина было 5 лет; ей же исполнилось 14 лет в 1830 г., когда ее 41-летний отец вступил в переписку с издателем А.П., бывшим тогда "мужчиной лет тридцати двух", каковым был Бурмин при встрече с двойником и ровесником Белкина, рассказчиком "Выстрела", "мужчиной лет двадцати трех"; Белкину, служившему до 1823 г., в 1830 г. исполнилось бы 32 года; 5 лет - интервал между второй дуэлью Сильвио с Бурминым и встречей Бурмина с И.Л.П.; в 23 года Бурмин обвенчался с Марьей Гавриловной; станционный смотритель - "сущий мученик четырнадцатого класса"; Дуня в начале повести - "девочка лет четырнадцати", а ее отец - "человек лет пятидесяти".

На роль чисел в "Смотрителе" и вообще на пушкинскую числовую технику проливает свет эскиз к этой повести (из него в нее вошло описание картинок, украшавших "смирненную обитель" смотрителя, в коих "изображена история блудного сына") - "Записки молодого человека". Сей отрывок суть математический экзерсис, на что повествователь, вчерашний кадет, едуший к месту службы, дважды намекает: "При мысли о моей свободе, об удовольствиях пути и приключениях, меня ожидающих, чувство несказанной ра-

---

¹ Примечательно, что в жадринской церкви в момент венчания Бурмина и Маши Р** было 7 человек (он, она, ее горничная, поп и трое свидетелей), а появление Бурмина в повести прокомментировано цитатой из 5 явления 2 акта грибоедовской комедии (5+2=7).

дости, доходящей до восторга, наполнило мою душу. Успокоясь мало-помалу, наблюдал я движение передних колес и делал математические исчисления". Эхо этого упоминания о математике раздаётся в конце отрывка: "Она (смотрительева работница - А.К.-Р.) принесла мне несколько книг. Я обрадовался и кинулся с жадностью их разбирать. Но тотчас я успокоился, увидев затасканную азбуку и арифметику, изданную для народных училищ".

Отрывок поистине набит числами. Вот первый абзац: "4 мая 1825 г. произведен я в офицеры, 6-го получил повеление отправиться в полк в местечко Васильков, 9-го выехал из Петербурга".

Казалось бы, здесь нет связи со "Смотрителем". Однако числовое выражение времени действия в начале повести и в отрывке роднит их, хотя в одном случае указан 1816 г., а в другом - 1825 г.: цифровой корень обоих чисел -7.

Заметив в процитированном абзаце корневое значение числа 1825 и число 5, скрытое в слове "мая", мы обнаружим, что второй абзац является числовой вариацией первого: "Давно ли я был еще кадетом? давно ли будили меня в 6 часов утра, давно ли я твердил немецкий урок при вечном шуме корпуса? Теперь я прапорщик, имею в сумке 475 р., делаю, что хочу и скачу на перекладных в местечко Васильков, где буду спать до **осьми** часов и где уже никогда не вымолвлю ни **единого** немецкого слова". Последние два числа из первого абзаца (6 и 9) стали во втором абзаце начальным ("6 часов утра. . .") и заключительным - 9 складывается из 8 (. . . до **осьми** часов. . .") и 1 (" . . . ни **единого** немецкого слова. . ."); комбинация "4 мая 1825 г." (4, 5, 7) преобразилась в 475 р. и оказалась в сумке прапорщика.

4, 5, 7, 6, 9 - таков в первом абзаце ряд чисел, сумма которых -31. Ту же сумму дают рассмотренные числа из второго абзаца. Зная пушкинскую приверженность к инверсиям, не приходится сомневаться в том, что число 31 связано с чином рассказчика: прапорщик - чин 13-го класса. Таким образом, суммарное число первого абзаца перекочевало во второй и дополнилось там числом 13, которое воспроизводит архитектоника отрывка, насчитывающего 13 абзацев. Похоже, что этот эскиз - по-своему завершенное произведение, ибо Предисловие к "Повестям", сумма цифр в датировке которого (16.11 1830) -21, состоит из 12 абзацев¹, и строение Предисловия словно воссоздает цифры, входящие в это число: в

---

¹ Имеется в виду основной текст, в подсчет абзацев я не включаю: обращение "Милостивый государь мой** **!", две сноски; две строчки, указывающие дату отправления письма Бурмина и адрес отправителя; подпись издателя.

письме Бурмина 10 абзацев (1), его обрамляют 2 абзаца, написанные от лица издателя.

Восхитительно остроумен третий абзац рассматриваемого отрывка: "В ушах моих все еще отзывает шум и крики играющих кадетов и однообразное жужжание прилежных учеников, повторяющих вокабулы - le bluet, le bluet, василек, amarante, амарант, amarante, amarante . . . Теперь стук тележки да звон колокольчика одни нарушают окрестное безмолвие . . . Я все еще не могу привыкнуть к этой тишине".

Здесь нет ни единого немецкого слова - прапорщик верен своему зароку. (Очевидно, слово "немецкий" он употребил в простонародном значении - иностранный.) В ушах прапорщика вертится французское слово "le bluet" и его перевод на русский - василек (оно понятно: ведь прапорщик стремится, как указано в первом и во втором абзацах, в местечко Васильков), а также латинское название растения *amarantus* (от греческого *āmārantus* - неувядающий, тысячцвет) вместе с его русифицированной транскрипцией - амарант. Недавний кадет рвется к свободе, ожидающей его в местечке Васильков, но от преследующего его "жужжания" . . . вокабул" новоиспеченного прапорщика прямо-таки тошнит, и озорник-Пушкин выбирает из двух вариантов написания слова "василек" по-французский тот (не *bleuet*, а *bluet*), который, если прочитать его "по-латыни" (так Пушкин самостоятельно освоил английский в Михайловском), напоминает о русском "блюет"¹. Однако *le bluet* здесь еще и эквивалент числа.

Обратив внимание на количество букв в артикле и в слове, мы увидим, что, написав: "*le bluet, le bluet*", - Пушкин дважды "вывел" число 7 в группировке 2+5. Тем самым он подчеркнул значение "семерки" в начальной комбинации чисел ("4 мая 1825 г.").

В этой комбинации число 7 складывается по-разному: 2+5 (ибо в числе 1825 первые цифры, составляющие в сумме "девятку", которая не меняет корня числа, могут быть отброшены); 3+4 - 9 ("4 мая")+25=34=7; 1+6 - 9(4+5)+7(1+8+2+5)=16=7; 1825=16=7². Все эти

¹ В "Словаре языка А.С.Пушкина" этого глагола нет, но, как явствует из словаря В.Даля, слова "блевать", "блевота", "блевка" и т.д. - достаточно старые, и Пушкин их не мог не знать.

² Все это отражено в таблице дат окончания частей цикла. Комбинацию 2+5 мы находим в рассматривавшемся выше ряду цифровых корней:

$$7 \mid \underbrace{5 \quad 2}_{7} \qquad 9 \qquad \underbrace{5 \quad 2}_{7}$$

Комбинация 1+6 представлена в дате окончания Предисловия (16). Числом 9 датирован "Гробовщик". Наконец, комбинация 3+4+9, которая может истолковываться и как 3+4, возникает в итоговом ряду чисел в таблице дат окончания цикла (она будет подробно разобрана несколько позже).

варианты представлены в третьем абзаце - в кажущейся галиматьей последовательности. "вокабул": "le bluet, le bluet, василек, amaranthe, амарант, amaranthe, amaranthe . . ." 2+5 мы видим не только в le bluet, но и в сочетании 2 слов, начертанных по-русски, с 5 словами, написанными латинскими буквами; 3+4 - в такой группировке "семерку" составляют трехкратное повторение слова "василек" и четырехкратное - слова "амарант"; "семерку" в группировке 1+6 дают однократное звучание русского слова и шестикратное - иностранных слов.

Отказ от le bleuet в пользу le bluet, продиктованный числовой идеей, дополняется употреблением существительного amarantus не в именительном падеже, а в звательном: amaranthe¹. Если учесть твердый знак в словах "василек" и "амарант", то в "жужжании вокабул" наберется 54 буквы (в двух словах - по 7 букв, в пяти - по 8; 7x2=14; 5x8=40; 14+40=54). Приплюсовав к этому числу еще 4 буквы (слово "одни", последнее "число" в абзаце), мы обнаружим, что количество букв, посредством которых в анализируемом абзаце зашифрованы числа, -58. Сумма цифр в этом числе -13. Напомню: повествователь - чин 13-го класса; суммарное число первого абзаца -31; оно же повторяется во втором абзаце, где к нему добавляется число 13; всего в отрывке 13 абзацев. Как мы убедились, число 13 фигурирует и в третьем абзаце.

Цифровой вариант этого числа - 103 - есть суммарное число пятого абзаца, в котором от чисел в глазах рябит. Предшествующий ему четвертый абзац свободен от чисел, но вторая его половина примечательна: "Успокоясь мало-помалу, наблюдал я движение передних колес и делал математические исчисления². Нечувствительным образом сие занятие меня утомило, и путешествие уже казалось мне не столь приятным, как сначала". Действительно, найти все числа, зашифрованные в следующем абзаце, и держа их в уме, сложить - дело утомительное. Цитируя, буду в скобках давать числовые комментарии.

"Приехав на станцию, я отдал **кривому** (одноглазому - имеется в виду число 1) **смотрителю** (станционные смотрители приравнивались к чинам 14-го класса) свою подорожную и потребовал скорее лошадей. Но с неизъяснимым неудовольствием услышал я, что лошадей нет; я заглянул в почтовую книгу: от города * до Петербурга едущий **шестого** (6) класса чиновник с будущим ("с

---

¹ Звательный падеж - форма, которую принимает имя, служащее обращением. Например: "Шуми, шуми, о водопад!" (Державин); "Добре, сынку, добре!" (Гоголь). В русском языке звательный падеж, как правило, совпадает с именительным и обычно не рассматривается как особый падеж.

² Математика упоминается в 4-м абзаце (4 - корень числа 13) и в 13-м.

будущим" - указание на грядущего попутчика, имени которого упомянутый чиновник не сообщил; итогу имеются в виду 2 персоны) взял двенадцать (12) лошадей, генеральша Б. (генерал - чин 2-го класса; жены чиновников пользовались в дороге теми же правами, что их мужья) - восемь (8), две (2) тройки (3) пошли с почтой, остальные две (2) лошади взял наш брат прапорщик (13). На станции стояла одна (1) курьерская тройка (3) и смотритель (14) не мог ее мне дать. Если паче чаяния наскочет курьер или фельдъегерь и не найдет лошадей, то что с ним тогда будет, беда - он может лишиться места, пойти по миру. Я попытался подкупить его совесть, но он остался непоколебим и решительно отвергнул мой двугривенник (20). Нечего делать! Я покорился необходимости".

Переведа дух, сложим выявленные в этом абзаце числа: $1+14+6+2+12+2+8+2+3+2+13+1+3+14+20=103$. Если же заменить двухзначные слагаемые их цифровыми корнями, то суммой будет число 49, в котором сумма цифр -13 . Количество упоминаемых в абзаце лошадей -31 . Это число представлено в группировке $1+3$: 28 лошадей были отданы смотрителем ($2+8=10-1$), 3 лошади были оставлены на станции (цифры 1 и 3 составляют число 13). Наконец, почтовая книга познакомила прапорщика с четырьмя проезжающими (4 - корень чисел 13 и 31). Остается вспомнить преувеличение Пушкина к разобранному абзацу и в очередной раз констатировать, что подобные его невинные намеки много стоят.

Замена слова "год" аббревиатурой "г." у Пушкина нередка; напротив, трудно вспомнить, где, кроме рассматриваемого отрывка, он использовал аббревиатуру "р." вместо слова "рублей". Сопоставим: "4 мая 1825 г." $-4+5+7$ г. -16 г. -7 г.; 475 р. $-4+7+5$ р. -16 р. -7 р.; 7 г. -7 р. Если учесть автобиографическое значение чисел 31 и 13 (отрывок написан 31-летним Пушкиным) и связь их с числом 7 (символом Пушкина в день его 31-летия), а также "рифму" инициалов фамилий Пушкина (П. или Р.) и упомянутой в отрывке генеральши Б., то можно с большой долей уверенности предположить, что "уравнение" 7 г. -7 р. есть намек на желанное для автора превращение Гончаровой, которой было при первой встрече с Пушкиным 16 (7) лет, в Pouchkine.

Не вижу необходимости разбирать далее "Записки молодого человека", ибо полагаю достигнутой цель обращения к ним здесь: показать, что отрывок, признанный эскизом к "Станционному смотрителю", имеет характер числового упражнения; кроме того, нельзя не согласиться с тем, что, проштудировав приведенные абзацы, мы приблизились к постижению тайн пушкинской числовой техники.

Вернемся к "Смотрителю". В нем велика роль не только числа 14, коим он датирован, и корня этого числа (5), равно как и других чисел, сводящихся к названному корню, но и двойной инверсии (в горизонтальной и вертикальной плоскостях), образуемой цифрами 5 и 2¹. "Суший мученик четырнадцатого класса" (5) Самсон Вырин, которому в 1816 г. было 50 (5) лет, и его дочь, которой в том же году было 14 (5) лет, родились соответственно в 1766 г. (1+7+6+6-20-2) и в 1802 г. (1+8+2-11-2), из чего следует, что оба персонажа символизируются и "пятеркой", и "двойкой".

Во фразе, которая сейчас будет процитирована, естественным выглядел бы оборот: "... с первого взгляда". Однако рассказчик сообщает: "Маленькая кокетка со **второго** взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня..." В этом абзаце зашифровано еще одно число - "тройка", в сумме с которой "двойка" превращается в "пятерку": "... Она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы **втроем** начали беседовать, как будто век был знакомы".

При второй встрече со зрителем, уже сломленным горем, рассказчик с помощью пунша удовлетворяет свое любопытство: "Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что **ром** прояснил его угрюмость. На **втором** стакане сделан он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и *тронула*". Этому абзацу, предвещающему повесть Самсона Вырина, симметрично отвечает абзац, следующий за ней: "Таков был рассказ приятеля моего, старого зрителя, рассказ, неоднократно прерываемый *слезами, которые живописно отирал он своею полой, как усердный Терентич в прекрасной балладе Дмитриева*. Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он **пять** стаканов в продолжении своего повествования; но как бы то ни было, они сильно *тронули* мое сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого зрителя, долго

---

¹ Такая инверсия широко распространена в музыке Ренессанса и барокко. См.: Петров Ю. Диалектика и математика в "Хорошо темперированном клавире" И.С.Баха // Об интерпретации клавирной музыки И.С.Баха. М., 1992.

Необходимо заметить, что, исследуя числовые конструкции в "Повестях Белкина", я применил метод анализа, разработанный Ю.Петровым в отношении музыкальных произведений. (Кроме названной статьи Петрова см. его же работу: Диалектика парных сонат Д.Скарлатти в контексте эпохи барокко // Музыкальная риторика и фортепианное искусство. М., 1989.)

думал я о бедной Дуне . . ." Намеренность инверсии "2 - 5" снова не подлежит сомнению. В частности, это подтверждается тем, что в балладе Дмитриева, где возвратился домой бывший вахмистр, мечтавший о встрече с женой, которую он не увидел, ибо, как сообщил ему верный холоп Терентьич, она была судима и сослана за пристанодержательство, - в этой балладе никто слез полой не утирал. А ведь Пушкин, свойственна высочайшая точность; например, он поправил Вяземского, цитируемого в эпитафии к "Смотрителю". В стихотворении "Станция" сказано:

*Когда губернский регистратор,
Почтовой станции диктатор . . .*

Пушкин пишет: *Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.*

Князь Вяземский.

Чин "губернский регистратор" в Табели о рангах не было - был чин 14-го класса "коллежский регистратор", правами которого пользовались станционные смотрители. Названное число для Пушкина в данном случае важно. Упоминание о балладе Дмитриева также несет в себе определенную числовую нагрузку, связанную с встречающимися там числами. Их всего три. Первое - в строфе:

*Кто это? Бывший вахмистр
Шашминского полку¹,
Отставку получивший
Чрез двадцать службы лет.*

Второе число - в строфе: *Вот пятый год в исходе, -
Охти нам! - как об ней
Ни слуха нет, ни духа,
Как канула на дно.*

Третье число - в заключительной строфе:

*Сей витязь и поныне,
Друзья, еще живет;
Три года, как в округе
Он земским был судьей.*

Число 20 (2) сменяется числом 5, а затем указание на то, что "сей рыцарь" служит отечеству уже 23 года (20 лет в полку и 3 в суде), дает число, в котором сумма цифр = 5. "Двойка" снова обобщается "пятеркой".

---

¹ Не исключено, что слово "шашминского", в котором слышится фамилия гусара, увезшего Дуню, способствовало пушкинской ссылке на эту балладу.

Эти случайные у Дмитриева превращения включены (посредством уподобления Вырина Терентичу) в контекст повести, где такие инверсии особенно часты во вступительном рассуждении о зрителях. Поначалу следуют одни "пятерки" - в заглавии, в эпиграфе, во фразе: "Кто не проклинал **станционных зрителей**, кто с ними не бранивался?"; "Что такое **станционный зритель**? Сущий мученик **четырнадцатого класса** . . ."; "Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на **зрителе**. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут - а виноват **зритель**". Затем чередуются "двойки" и "пятерки": "Приезжает **генерал (2)**; дрожащий **зритель (5)** отдает ему две **(2)** последние **тройки (2+3-5)**, в том числе курьерскую: **Генерал (2)** едет, не сказав ему спасибо. Через **пять (5)** минут - колокольчик! . . и фельдъегерь бросает ему на стол свою **подорожную!** . . Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Еще несколько слов: в течение **двадцати (2)** лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого **зрителя (5)** не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие **станционных зрителей (5)** представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные **зрители (5)** вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общезнанию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника **6-го класса** (сумма этого числа с предшествующим ему $-11-2$), следующего по казенной надобности ¹.

¹ Инверсия "5 - 2" дополняется инверсией "6 - 9" (играющей, как мы вскоре убедимся, громадную роль в "Грбовщике"): беседу зрителей рассказчик - титулярный советник, чин 9-го класса - предпочитает "речам какого-нибудь чиновника 6-го класса" ("девятка" - перевернутая "шестерка"). Изящество вкрапления такой инверсии в том, что ее члены в сумме с членом главной в данном случае инверсии "5 - 2" воссоздают последнюю: "сумма" классов рассказчика и зрителя (9+14) выражается "пятеркой" (23-5), а "сумма" классов антипатичного рассказчику чиновника и зрителя (6+14) - "двойкой" (20-2).

Легко догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия **смотрителей** (5). В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями".

Таково вступление к повести, датированной 14 (5) числом, которое состоит из 2 абзацев.

Едва ли не беспрецедентное (если иметь в виду литературные произведения) значение инверсии "2 - 5" обусловлено в "Станционном смотрителе", наверное, более всего тем, что повесть есть свободная вариация притчи о блудном сыне, которая в главе 15 Евангелия от Луки начинается в стихе 11 (2) и заканчивается в стихе 32 (5).

Нельзя, однако, не сказать о том, что та же инверсия играет заметную роль и в других частях цикла. Например, Сильвио в 1809 г., когда он первый раз стрелялся с Бурминым, было 29 (2) лет, а погиб он в возрасте 41 (5) года; Бурмину во время его первой дуэли с Сильвио было 20 (2) лет, венчался он в возрасте 23 (5) лет, его супружеская жизнь с Марьей Гавриловной началась, когда ей было 20 (2) лет, а он был полковником (чин 6-го класса) лет 26 (6+2+6-14-5); Белкин вышел в отставку в возрасте 25 лет¹ (как Пушкин, получивший отставку и сосланный в Михайловское), в 1823 (5) г., а И.Л.П. - в 1818 г., в возрасте 20 (2) лет (южная ссылка Пушкина началась в 1820 г., и ему тогда было 20 лет). Наконец, "Выстрелу" и "Станционному смотрителю", датированным 14 (5) числом, противопоставлены следующие за ними "Метель" (составляющая вместе с "Выстрелом" цикл в цикле) и "Барышня-крестьянка", датированные 20 (2) числом: герой и рассказчик в "Выстреле" и в "Смотрителе" - мужчины, герой - фигура трагическая, заканчиваются обе повести его смертью; "Метель" и "Барышня" рассказаны девицей К.И.Т., главное лицо в них - девушка, развязки - счастливейшие, приводящие к свадьбе.

К одной из этих героинь, к Марье Гавриловне, число 20 (2), несомненно, имеет отношение: в первый раз она появляется перед читателем (в "Метели") в 1811 (2) г., в последний раз (в "Выстреле") - в 1820 (2) г.; в полном смысле супругой Бурмина она стала в 20 (2) лет. То же число связывает Марью Гавриловну Р** с ее прототипом - О.С.Пушкиной-Павлицевой, родившейся 20 (!) 1797 (20+12+1797-2+3+6-11-2).

"Метель" тайно посвящена Гончаровой (см. гл. 1). Это обстоятельство служит одним из подтверждений того, что число 20 (2) символизирует в "Повестях" Гончарову как в день ее рождения,

¹ Инверсия "2 - 5" сфокусирована в числе 25.

так и в осень 1830 г.: 27.8 1812-9+8+3-20-2; 27.8 1830-9+8+3-20-2.

Обе датированные 20 числом "дамские" повести со счастливыми концовками и с нежностью написанными героинями связывает с Гончаровой еще и то, что героини предстают перед нами в возрасте 17 лет - столько было Гончаровой в день помолвки¹. Этот день - 6.5 1830. Заменяв последнее число его цифровым корнем, произведем привычную операцию: 6+5+3-14-5. Значит, противоречивое единство цифр 2 и 5, множество раз обыгрываемое в цикле, и в частности подчеркнутое контрастом "мужских", датированных 14 (5) числом повестей и примыкающих к ним "дамских", датированных 20 (2) числом, - это единство, оттененное еще и нерасторжимостью "Выстрела" и "Метели", имеет в "Повестях Белкина" первостепенное значение во многом потому, что Пушкин увидел в нем символ связи между днем рождения Гончаровой (в 1812 и 1830 гг.) и днем своей с ней помолвки. Наверное, для того чтобы иметь больше возможностей пользоваться символической для него инверсией "2 - 5", а также упоминавшейся формулой 5+7-3, 31-летний Пушкин соотносит себя с персонажами "лет тридцати двух" или двадцати трех, или с 20-летними, или с 41-летними и т.д. (существенное отличие числовой конструкции "Повестей" от "Записок молодого человека").

В цикле есть еще одна девушка, которой столько же лет, сколько было Гончаровой в день помолвки, - Лотхен Шульц. О ней и о ее матери сказано вскользь несколько слов, главная цель кото-

---

¹ Число 2 символизирует не только Гончарову, но и Дуню и Самсона Вырина. В связи с этим обратим внимание на то, что "Смотритель", где даты рождения отца и дочери сводятся к числу 2, рассказан А.Г.Н. Инициалы, если их переставить местами, те же, что у Николая Афанасьевича Гончарова - душевнобольного, который, как Самсон Вырин, был отцом дочери-красавицы, несчастным и запивающим. Позволительно предположить, что в инициалах рассказчика повести, ориентированной на притчу о блудном сыне, зашифровано слово "наг" (беден, бедняк), намекающее на инициалы пушкинского тестя, а также на участь обоих "блудных" (пьющих) отцов - НА.Гончарова и Самсона Вырина. О последнем замечу, что он не внял притче о блудном сыне, учащей милосердию и прощению: "Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, мегут улицу вместе с голю кабацкою (так наказывали проституток - А.К.-Р.). Как подумаешь пороку, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы. . ." Вообразив Дуню беспутной и пожелав ей могилы, он сам сбился с пути и умер. Пушкинская вариация на тему притчи о блудном сыне - повесть о несчастном "блудном" отце - содержит еще одну примечательную инверсию: в доме спившегося смотрителя поселился пивовар.

рых - сообщить возраст жены и дочери немца-сапожника: <<Господин и госпожа Шульц и дочка их, семнадцатилетняя Лотхен, обедая с гостями, все вместе угощали и помогали кухарке служить. < . . . > Вдруг хозяин потребовал внимания и, откупоривая засмоленную бутылку, громко произнес по-русски: "За здоровье моей доброй Луизы". Полушампанское запенилось. Хозяин нежно поцеловал свежее лицо сорокалетней своей подруги, и гости шумно выпили здоровье доброй Луизы>>. Если дочери 17 лет (что роднит ее с Гончаровой), а матери 40, то Лотхен родилась, когда Луизе было 23 года (Пушкин в Болдине - "мужчина лет тридцати двух").

Число 23 не вписано в текст повести, но его присутствие несомненно. В "Повестях" инверсия "23 - 32" - дело обычное, и, обнаружив одно из этих чисел, всегда нужно оглядеться: не скрывается ли поблизости другое? В "Гробовщике" - скрывается.

Одна пара чисел (17 и 23) помогает установить другую, из которой в тексте дано тоже только одно "гончаровское" число, а "пушкинское" надо найти. "Переступив за незнакомый порог и нашед в новом своем жилище суматоху, он вздохнул о ветхой лачужке, где в течение осьмнадцати лет все было заведено самым строгим порядком", - сказано об Адриане Прохорове. 18 лет - возраст Гончаровой осенью 1830 г. Момент, с которого в биографии Прохорова начинается отсчет восемнадцатилетнего срока, нам помогает определить скелет отставного гвардии сержанта Петра Петровича Курилкина, напомнивший гробовщику о его первом гробе, который он обманом продал в 1799 г., в год рождения Пушкина. Отсюда следует, что время действия в повести - 1817 г. (снова "число" Гончаровой). Если второй период в жизни не только Луизы Шульц, но и Адриана Прохорова - "гончаровский", то первый период в жизни обоих должен быть "пушкинским". Очевидно, у Адриана он продлился не 23 года, как у Луизы, а 32 (иначе гробовщик был бы всего годом старше супруги сапожника, однако в повести упоминается о свежем лице сорокалетней подруги Готлиба, а о Прохорове говорится: "старый гробовщик"). Такая мысль находит ряд подтверждений, совокупность которых делает ее неопровержимой.

Если Адриану Прохорову (А.П.) 50 лет (32+18=50), то его символизирует то же число (5), что и пушкинских двойников: Алексея Бурмина (А.Б.), который венчался в возрасте 23 лет, был в последней сцене "Выстрела" "мужчиной лет тридцати двух" и вступил в переписку с издателем А.П. в возрасте 41 года; Алессандро Сильвио (А.С.), погибшего в возрасте 41 года; И.Л.П., который при встрече с Бурминым был мужчиной лет двадцати трех; Белкина,

которому в 1830 г. исполнилось бы 32 года. Наконец, сам Александр Сергеевич (А.С.) Пушкин (А.П.) был осенью 1830 г. "мужчиной лет тридцати двух".

Если Прохорову, который продал первый гроб в год пушкинского рождения, в возрасте 32 лет, и прожил на Басманной (вблизи места рождения Пушкина) 18 лет (18 исполнилось Гончаровой в 1830 г.) до переезда на Большую Никитскую, где по соседству с Гончаровыми жил реальный гробовщик Адриан Прохоров, - если пушкинскому гробовщику в 1817 г. было 50 лет, то он родился в 1767 г., в один год с Сергеем Львовичем Пушкиным и, следовательно, символизируется тем же числом 3 ($1+7+6+7-21-3$), что и А.С.Пушкин в год его рождения.

Теперь нам известны даты рождения почти всех главных героев цикла. Даты эти сводятся к числам 3, 7 и 2: 3 - символ Марьи Гавриловны Р**, в замужестве графини Б*** (Бурминой) и Адриана Прохорова; 7 - символ Белкина, Сильвио, И.Л.П., поручика Р***, Бурмина и его с Марьей Гавриловной дочки, Марьи Алексеевны Трафилиной; 2 - символ Самсона Вырина и его дочки Дуни. Вместе с тем число 3 символизирует Пушкина в 1799 г., 7 - Пушкина в осень 1830 г. и Гончарову в момент ее знакомства с Пушкиным, 2 - Гончарову в год ее рождения и в осень 1830 г. Все эти три числа учтены в датировке частей цикла: 3 - цифровой корень суммы чисел в дате окончания Предисловия и цикла; 7 - корень числа 16 (Предисловие, а с ним и "Повести", закончены 16 ноября) и корень суммы всех чисел в датах окончания частей цикла (это показано в таблице, с которой читатель познакомится чуть позже); 2 - корень числа 20, коим помечены "Метель" и "Барышня-крестьянка". Теми же числами представлены дата окончания цикла ($16.11.1830-7+2+3$) и являющаяся для Пушкина символом счастья комбинация "тройка, семерка, туз".

Число 18 относится в "Гробовщике" к "гончаровскому" периоду в жизни Прохорова. Корень этого числа - 9, и датировка повести воспринимается как звено в ее числовой конструкции. Кроме того, число 9 - одно из основных в хронологической конструкции сюжета "Гробовщика", хотя в тексте оно отсутствует. Вспомним, что в гости в Шульцу Прохоров пошел в 12 часов; цифровой корень этого числа и цифры, из которых оно состоит, дублируются в составе "прохоровской делегации": 1 мужчина+2 дочери-девицы. В хронологическом отношении выходу гробовщика из дому симметричен приход к нему мертвецов, который мыслим (хотя время не названо, как, впрочем, числа 23 и 32, парные к 17 и 18, в биографии

Луизы и Адриана) только в 12 часов ночи¹.

Оппозиция "полдень - полночь" дополняется оппозицией "вечерня - обедня". Члены первой из них имеют одно и то же числовое значение. Как мы сейчас увидим, члены второй оппозиции тоже наделены числовыми значениями, но составляющими инверсию: "6 - 9".

Застолье в доме Шульца было продолжительным, "... и уже благовестили к вечерне, когда встали из-за стола". Поутру Прохоров услышал от своей работницы: "Как ты заспался, батюшка ... < ... > Ты целый день пировал у немца, воротился пьян, завалился в постелю, да и спал до сего часа, как уж к обедне отблаговестили". Все это означает, что гости встали из-за стола около 6 часов вечера и что гробовщик продрал глаза около 9 часов утра. В таком случае благовестили к поздней обедне, с чем согласуется сообщение работницы: "К тебе заходил сосед портной, и здешний будочник забегал с объявлением, что сегодня частный именинник, да ты изволил почивать, и мы не захотели тебя разбудить". Эти визиты сделаны не прежде 7 - 8 часов утра; во втором из них, нанесенном Юрко, который накануне под руки был отведен в свою будку, угадывается обращенный будочником к единственному русскому среди его вчерашних собутыльников призыв похмелиться на именинах

---

¹ Число 12 - тоже одно из главных в повести. В группировке 7+5 оно предстает в следующем пассаже: "Итак, Адриан, сидя под окном и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновению был погружен в печальные размышления. Он думал о проливном дожде, который, за неделю тому назад, встретил у самой заставы похороны отставного бригадира" (бригадир - чин 5-го класса). Цифровой корень числа 12 назван в таинственной фразе, которая по внешней видимости лишь оттеняет прозаический бытовизм повести и ничтожность действующих лиц: "Сии размышления были прерваны нечаянно тремя франмасонскими ударами в дверь". На серебряной свадьбе сапожника "... пили здоровье ... целой дюжины германских городков ..." (это число - единственное в описании многочисленных тостов). Число 12 фигурирует и в биографическом известии о будочнике Юрко (где, кроме того, число 25 связывает будочника с отмечающим серебряный юбилей Шульцем, а желтый цвет его бывшего жилища - с Прохоровым, купившим желтый домик): "Лет двадцать пять служил он в сем званьи верой и правдою ... Пожар двенадцатого года, уничтожив первопрестольную столицу, истребил и его желтую будку. (Снова инверсия: у Юрко была желтая будка, Прохоров въехал в желтый домик. - А.К.-Р.) Но тогда, по изгнанию врага, на ее месте появилась новая, серенькая с белыми колонками дорического ордена, и Юрко стал опять расхаживать около нее ..." Из того что действие происходит в 1817 г., следует: Юрко отслужил 30 лет (25 до 1812 г. и 5 после) (25=7; 7+5=12).

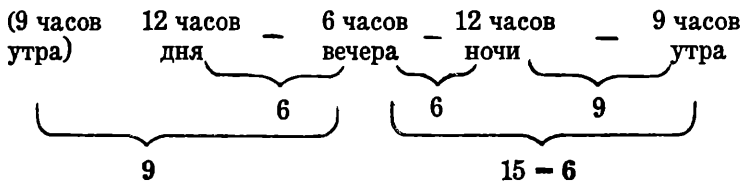
частного пристава. Очевидно, упоминания о портном, начавшем утро с визита к соседу, и об именинах - намеки на церковный праздник и на обусловленную им позднюю обедню. Одним из подтверждений того, что в оппозиции "вечерня - обедня" кроются числа 6 и 9, является начальный абзац повести, заключающий в себе такую инверсию. Тут числа встречаются только в двух предложениях. В первом случае их сумма - 6, во втором - 9: "Последние пожитки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую . . ." (2+4=6); "Переступив за незнакомый порог и нашед в своем новом жилище суматоху, он вздохнул о ветхой лачужке, где в течение осмнадцати лет все было заведено самым строгим порядком . . ." (1+8=9)¹.

Если трапеза у Шульца, начавшись сразу после полудня, закончилась через 6 часов, то еще через 6 часов мыслится появление мертвецов у гробовщика (читая о его встрече с ними, мы не знаем, что она ему снится), после чего через 9 часов последовало пробуждение Прохорова; оно случилось через 15 часов после того, как гости Шульца сели за стол (15=6; за вычетом 15 часов в сутках остается 9).

---

¹ Инверсия "6 - 9" - обычное явление в ренессансном и барочном искусстве. Наверное, более всего она была распространена в музыке (см. об этом указанные выше статьи Ю.Петрова) и в архитектуре, но ее нельзя считать за редкость и в литературе. Так, "Новая жизнь" Данте, где, как в "Комедии", число 9 служит символом Беатриче, состоит из 42 разделов (4+2=6). В разделе 6 автор сообщает о послании в форме сервентезы, содержащем имена 60 (6+0=6) красивейших дам Флоренции, и добавляет: "Я и вовсе не упомянул бы о нем, если б не надобно было сказать, что во время его сочинения странным образом случилось так, что, среди прочих имен этих донн, ни под каким иным числом не пожелало стать имя моей Донны, как именно под девятью". В этой сервентезе противоположение "6+9" обусловлено, наверное, тем, что затеяна она ради упоминания имени не только Беатриче, но и той, демонстративное преклонение перед которой служило для Данте прикрытием его любви к Благороднейшей.

Самое раннее из дошедших до нас стихотворений Петрарки, "Панегирик покойной матери", заключает в себе 38 строк - потому, что мать Франчески прожила 38 лет. Ссылка на это произведение понадобилась мне для того, чтобы исключить сомнения в неслучайности количества стихотворений в первой и в последней редакциях "Книги песен" - 171 (9) и 366 (6).

Приведенная гармоничная, симметричная и содержащая инверсии хронологическая схема, которая отражена в датировке повести и в ее начальном абзаце - порука тому, что оппозиция "вечерня - обедня" расшифровывается как числовая инверсия "6 - 9".

Заменив в той же схеме число 12 его цифровым корнем, мы получим такой вариант:

3 - 6 - 3 - 9

К числам 3, 6 и 9 сводятся оппозиции "полдень - полночь" и "обедня - вечерня"¹.

Здесь же отмечу, что противопоставление угрюмого Прохорова веселым могильщикам Шекспира и В.Скотта отсылает читателя к первой сцене пятого акта "Гамлета" (1+5-6) и к гл. XXIV романа "Ламермурская невеста" (2+4-6), а упоминание о переплетчике, "коего лицо казалось в красненьком сафьянном перешлете", - цитата из шестого явления третьего действия комедии Я.Б.Княжнина "Хвостун" (6+3-9). Кроме того, в упомянутой сцене трагедии Шекспира один из персонажей сообщает, что стал могильщиком 30 (3) лет тому назад, в тот день, когда родился принц Гамлет (Прохоров продал свой первый гроб в год рождения Пушкина), и что череп Йорика пролежал в земле 23 года (числа 3 и 23 играют огромную роль в "Повестях Белкина", и в частности в "Трбовщике").

Повествуя о "Трбовщике", воплощенной ограниченности, которая в хмельной гордыне возжелала попировать с объегоренными ею мертвецами, Пушкин проповедует честность и смирение. Сон

¹ По-видимому, Пушкин сознательно опирался на многовековую традицию использования этих чисел в их триединстве. Ю.Петров, обнаруживший эту традицию в музыке, назвал их числами-консонансами, ибо их сложение или умножение приводит к одному из них и, таким образом, они образуют гармоничный аккорд. Указанная традиция запечатлена, в частности, в "Комедии": произведение написано терцинами, в нем 3 кантики; если, следуя традиции, рассматривать начальную песнь "Ада" как вступительную к поэме, то в каждой кантике - 33 песни (3+3-6; 3х3-9), а всего в поэме - 99 песен (9+9-18-9; 9х9-81-9); каждая кантика увенчивается словом *stelle* (светила), состоящим из 6 букв.

Прохорова - намек Судьбы на загробное возмездие и на то, что ждало гробовщика по возвращении от немца, если б Трюхина умерла-таки в соответствии с лелеемым им планом и он нагрел бы руки на ее похоронах, а его клиенты сошлись бы на его зов. Сдается мне, что число 9, которым датирована повесть, играет первостепенную роль в ее конструкции потому, что, будучи символом Гончаровой, оно еще и сопряжено с одной из главных мыслей цикла (с мыслью о гибельности для человека осуществления многих его желаний), обусловившей обманчивую действительность фабулы "Гробовщика". Самое интересное для читателя, ищущего приключений, оказывается не более чем сном Прохорова. В повести, если говорить о ее внешнем сюжете, так ничего и не произошло. В связи с этим нужно вспомнить, что "девятка", приплюсованная к любому числу, не меняет его цифрового корня и равна в таких комбинациях нулю. В частности, "девятка", которой датирован "Гробовщик", не влияет на символизирующее Пушкина в день рождения, а также идею его духовного возрождения число 3 - корень суммы чисел, которыми датированы части цикла, складывающейся из "девятки" и трех символизирующих Пушкина в осень 1830 г. "семерок"¹. Налицо соответствие датировки "Гробовщика", а также роли в нем числа 9, "бездейственности" его сюжета и контрасту последнего с фабулой других повестей, где автор приводит героя либо к смерти, либо к свадьбе.

Ввиду того что гробовщик, коего инициалы совпадают с пушкинскими, переселяется с Басманной на Никитскую, что его жизнь делится на "пушкинский" (32 года) и "гончаровский" (18 лет) периоды, что его, родившегося вместе с отцом Пушкина в 1767 г., символизирует, как Пушкина, число 3 ($1+7+6+7-21=3$), - ввиду всего этого отпадают сомнения в том, что один из слоев содержания повести - автобиографический. Следовательно, преподанный Судьбою гробовщику в его сне урок, бесполезный для него, адресован в какой-то мере Александру Сергеевичу Пушкину и связан с мыслями А.П. о женитьбе. Думается, в "Гробовщике" отразились переживания Пушкина, который уехал в Болдино, рассорившись с будущей тещей, и "оставил дверь открытой". Он мог решить примерно так: если свадьбе не бывать - кто знает, это, может, к лучшему ("Черт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан"; а сердце гробовщика не радовалось приобретению давно манившего Адриана Прохорова (А.П.) желтого

¹ $16+14+20+9+14+20-7+(5+2)+9+(5+2)-7+7+9+7-30=3$

Кстати, хронологическая схема сюжета "Гробовщика" может быть выражена не только числами 12, 6, 12, 9, но и числами 12, 18 (шесть часов вечера), 0 (полночь) и 9, корень суммы которых =3

домика. Не уподобляет ли Пушкин свой "бред о счастье" мечтам сумасшедшего?). Да и ехал Пушкин навстречу эпидемии холеры, и в случае его смерти он благодаря тому, что вернул невесте слово, ею ему данное, сразу оставил бы Гончарову вполне свободной. Если все это так и было, тогда число 9 в "Гробовщике", связанное с Гончаровой и с "бездейственностью" сюжета, - символ того, что все осталось по-прежнему, что мечты Пушкина о счастье в браке с Гончаровой сродни рассыпавшемуся сну гробовщика, и что Пушкин, возможно, возблагодарит небо за разрушение этих мечтаний. Возможно, "девятка" акцентируется в "Гробовщике" еще и потому, что образует инверсию с "шестеркой", числом пушкинской помолвки, состоявшейся 6 мая.

Эпиграф к повести тайно указывает на то, что притча о гробовщике учит бескорыстию и смирению.

*Не зрим ли каждый день гробов,
Седин драхляющей вселенной?*

Д е р ж а в и н

Казалось бы, эпиграф оправдан лишь названием повести и профессией героя. Строки из оды "Водопад" готовят читателя к зрелищу того, что ежедневно видит Прохоров: "... В кухне и гостиной поместились изделия хозяина: гробы всех цветов и всякого размера ..." Однако именно этот персонаж (единственный среди главных действующих лиц "Повестей") ни в коем случае не был бы способен дорасти до грозного вопроса, поставленного в эпиграфе. Применительно к "батюшке Адриану Прохоровичу" такой вопрос выглядит метанием бисера перед свиньями. У недалекого читателя, разочарованного тем, что интригующее появление мертвецов обернулось для "романического воображения" пустышкой, эпиграф вызывает (как и повесть) недоумение, вступает в разительное несоответствие с внешней (а для упомянутого читателя всецелой) ничкемностью развязки и всего сюжета.

Между тем именно в свете эпиграфа приобретают особую невеселую комичность старания человеческой букашки, которая обманом наживается на смертях ближних и возомнила о себе настолько, что, надувшись на живых, вздумала справить новоселье с мертвецами.

Разумеется, эпиграф отсылает к контексту оды. Она написана на смерть Г.А.Потемкина. Водопад уподобляется сначала жизни людской, заканчивающейся смертью, затем - славе и, наконец, - сильным мира сего.

Первое сравнение содержит строки, вошедшие в эпиграф:

*Не жизнь ли человека нам
Сей водопад изображает? -
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.*

*Не так ли с неба время льется,
Кипит стремлением страстей,
Честь блещет, слава раздаётся,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?*

*Не зрим ли всякий день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не упадет ли в сей зев
С престола царь и друг царев?*

У Пушкина есть много высказываний о славе. Не обошел он эту тему и в "Повестях Белкина". В контекст "Метели" посредством эпиграфа включено (см. гл. 1) резюме "Светланы" Жуковского, где, в частности, сказано:

*Слава - нас учили - дым;
Свет - судья лукавый.*

С помощью того же приема в контекст "Гробовщика" введены содержащиеся в "Водопаде" обличения ложной славы:

*О! слава в свете сильны!
Ты точно есть сей водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, грамок, ясен;*

*Дивиться вокруг себя людей
Всегда толпами собирает;
Но если он водой своей
Удобно всех не напоет,
Коль рвет берега и в быстринах
Его нет выгод смертным - ах!*

*Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить,
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлечь с вниманьем?*

*Пусть на обросший дерном холм
Придет путник и воссядет,
И, наклонясь своим челом,
На подписанье гроба, скажет:
Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой.*

Включено в контекст "Гробовщика" и противопоставление ложной славы славы, заслуженной доблестным служением людям и Отечеству:

*Где слава? Где великателье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век,
Вся жизнь людей не что иное,
Как лишь метание пустое.*

*Иль нет! - тяжелый некий шар,
На нежном волоске висящий,
В который бурь, громов удар
И молнии небес ярящи
Отсюду беспрестанно бьют
И ах! зефиры легки рвут.*

*Единый час, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихиев дуновенье
Гигантов в прах преобразить;
Их ищут места - и не знают:
В пыли героев попирают!*

*Героев? - Нет! - но их дела
Из мрака и веков блистают;
Нетленна память, похвала
И из развалин вылетают;
Как холмы гробы их цветут . . .*

Разработанные по правилам риторики строфы о славе заканчиваются выводом, в котором возникает уподобление водопада прославленному человеку:

*И плоть, и труд коль истлевают,
Что ж нашу славу составляет?*

*Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир;
Лишь праведника свят кумир.*

*Услышите ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, светла порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету¹,
Чтоб счастье доставить свету².*

В совокупности все процитированное - комментарий к вопросу, который вынесен в эпиграф к написанной в холерный год жутковатой повести, где ничтожный, жадный, жуликоватый, угрюмый, не задумывающийся о загробном возмездии и занесшийся гробовщик имеет кое-какие автобиографические черты, словно списанные с отражения в кривом зеркале.

Державинские рассуждения о славе имеют в контексте "Гробовщика" прежде всего автобиографическое значение, ибо повесть создана человеком, прошедшим через искушения славы и получившим право в итоге жизни сказать:

*И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Возможно, выбор эпиграфа к "Гробовщику" был сопряжен еще и с числами. "Мафусаила долголетье", упоминаемое Державиным, - реминисценция библейского стиха: "Всего же дней Мафусаила было девятьсот шестьдесят девять лет; и он умер" ("Бытие", V, 27). Число 969 содержит те же инверсии, которые доминируют в числовой конструкции "Гробовщика". Причем цифровой корень этого числа - 6, а названо оно в стихе 27 (9)³. Кроме того, "Водопад"

---

¹ М е т а - цель.

² Чтоб счастье доставить свету - "Водопады, или сильные люди мира, только тогда заслуживают истинные похвалы, когда споспешествовали благоденствию смертных" (комментарий Державина).

³ Пора сделать вывод: главный способ организации материала в "Повестях" - поэтический, т.е. музыкальный: "рифмы" - звуковые (буквенные) и беззвучные, графические (числовые и буквенные). В обоих родах "рифмы" огромную роль играют инверсии. Например: П.-Б***, *Раца* (пара) - *Раца* (Раца), Графиня **Trafilina** 23 - 32, 6 - 9, 2 - 5 и т.д.

написан секстинами (6), а эпитафия взята Пушкиным из двенадцатой секстины (1+2-3). 3, 6, 9 - к этим цифрам сводится хронологическая конструкция сюжета повести.

Теперь, когда мы подробно познакомились с пушкинской числовой техникой, убедились в том, что "белкинский" цикл пронизан числами, что даты окончания его частей включены в их художественную конструкцию и служили для Пушкина в канун женитьбы важнейшими символами, - теперь мы можем оценить значение и красоту числовой картины, складывающейся из дат завершения работы над Предисловием и над каждой повестью.

Предисловие	16.11 1830	7 2 3	7+2+3-12-3
"Выстрел"	14.10 1830	5 1 3	
"Метель"	20.10 1830	2 1 3	
"Гробовщик"	9. 9 1830	9 9 3	
"Станционный смотритель"	14. 9 1830	5 9 3	
"Барышня-крестьянка"	20. 9 1830	2 9 3	
		<u>30+31+18=</u>	<u>3+4+9=16=7</u>

Комментируя эту таблицу и подводя некоторые итоги, я должен буду частично повторить сказанное ранее.

Подобно тому как на шахматной доске угловые поля соответствуют друг другу по диагонали, в рассматриваемой таблице совпадают корневые значения "левого верхнего" числа с "правым нижним" и "левого нижнего" с "правым верхним" (см. сведенные к корням ряды чисел в верхней и в нижней строках таблицы 7+2+3-12-3 и 3+4+9-16-7):

7	3
3	7.

7 - символ Пушкина в осень 1830 г., 3 - символ Пушкина в 1799 г. Таким образом, "угловые поля" на этой "шахматной доске" - пушкинские.

16, начальное число в дате окончания Предисловия и всего цикла, - "число" Гончаровой, которой при встрече с Пушкиным было 16 лет. То же число - сумма корней чисел, обозначающих в датах окончания частей цикла день, месяц, год.

В верхнем углу таблицы числом 16 начинаются два ряда чисел - горизонтальный и вертикальный. Сумма корней (12) в горизонтальном ряду равна сумме цифр в числе 93, являющемся суммой вертикального ряда. 93 - инверсия числа 39, которым выражается сумма цифр в дате рождения Пушкина. Сумма корней в этой дате (21) есть инверсия числа 12, являющегося суммой корней в горизонтальном ряду (в дате окончания Предисловия и цикла). Последняя сумма корней, символизирующая пушкинскую

заветную комбинацию "тройка, семерка, туз", дату рождения Пушкина, идею его духовного возрождения в браке с Гончаровой, год их помолвки и создания "Повестей Белкина", - эта сумма корней складывается из чисел 3 и 7, символизирующих Пушкина в 1799 г. и в осень 1830 г., и числа 2, символизирующего Гончарову в год ее рождения и в осень 1830 г. Сумма цифр в дате окончания Предисловия и цикла (верхний ряд) равна 21 и соотносится с годом смерти (1821) Сильвио, двойника Пушкина и Толстого-Американца, символизируя духовное возрождение пушкинского свата, начавшееся после его женитьбы в 1821 г. Сумма корней в вертикальном ряду (30) соотносится с годом (1830) создания "Повестей" и помолвки Пушкина с Гончаровой, с возрастом, в котором (на 30-м году от рождения) скончался двойник Сильвио и Пушкина, Белкин, когo смерть символизирует духовное возрождение Пушкина, начавшееся после того, как он на 30-м году жизни (в конце 1828 г., когда умер Белкин) встретил Гончарову.

Числом 20, символизирующим Гончарову в 1812 г. и в осень 1830 г., датированы "Метель" и "Барышня-крестьянка".

2 (корень числа 20) - инверсия числа 5, корня числа 14, которыми датированы "Выстрел" и "Станционный смотритель".

Число 9 (коим датирован "Гробовщик"), будучи корнем числа 18 и обращением числа 6, соотносится с возрастом пушкинской невесты в осень 1830 г. и с днем (6 апреля) помолвки Пушкина с Гончаровой.

В рассматриваемой таблице суммарные числа в трех столбцах корней - 30, 31 и 18. Первое из них более не требует комментариев, второе соответствует возрасту Пушкина, а третье - возрасту Гончаровой в осень 1830 г. Кроме того число 31, будучи инверсией числа 13, символизирует дату помолвки Пушкина и Гончаровой (6.4.1830 = 6+4+3=13).

В датировке "Барышни-крестьянки" есть уточнение: "9 чв.". Благодаря троякому числовому значению этой ремарки (9 часов вечера - 21 час; корень числа 21 = 3) в датировке повести наряду с числом 20 и его корнем (2) обнаруживаются еще три числа, несущие в цикле огромную смысловую и конструктивную нагрузку. Причем, если посредством числа 2 связана датировка "Барышни" и "Метели", "Барышни" и "Выстрела", а также "Смотрителя" (вследствие инверсии, образуемой числами 2 и 5, корнями чисел 20 и 14), то посредством числа 9 связана датировка "Барышни" и "Гробовщика", а посредством чисел 21 и 3 связана датировка "Барышни" и Предисловия. Случилось так, что дата окончания повести, которую Пушкин сделал финальной в опусе, связана с датой окончания каждой его части.

В совокупности дат окончания частей цикла обнаруживается

столь стройная и притом изощренная архитектоника, в этих датах, среди которых ни одна не является посторонней художественной конструкции "Повестей", проступает столь разветвленная система связей с биографией Пушкина, героев цикла и их прототипов, что бессмыслицей, включающей в себя отрицание гениальности Пушкина, было бы предположение, будто здесь вовсе ни при чем осознанная и потрясающая его работа. Вместе с тем датировка, наверняка, соответствует срокам написания "белкинских" повестей и Предисловия. Как такое увязать со значением чисел, которыми датированы все части цикла? Приходится признать вмешательство "непостижного уму": "Повестям Белкина" в высшей степени призрачна тайна, которой отмечены великие произведения искусства; такие произведения всегда больше, чем их автор, ибо гениальный художник - не только творец, но и "богов орган живой"; без споспешествования высшей инстанции художник не в силах создать шедевр. Во всем этом - объяснение тех несомненных фактов, что искусство есть священная этическая стихия и что художник нередко оказывается (обычно сам того не ведая) пророком. Пушкинское творчество изобилует неосознанными пророчествами. Встречаются они и в "Повестях Белкина" (см., например, в разделе 3 этой главы заключительное наблюдение в комментарии к фразе: "Смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину"). Обратим внимание на итоговый ряд корней чисел в таблице дат окончания частей цикла: $3+4+9=16=7$. Поскольку число 9 не влияет на корень суммы, можно оставить два слагаемых: $3+4=7$. Число 7, корень суммы всех чисел, фигурирующих в датах окончания частей цикла, складывается из чисел, к которым сводятся даты рождения Пушкина и его смерти ($29.1\ 1837=2+9+1+1+8+3+7=31=4$).

Прочерченная в "Повестях Белкина" линия преемственности Данте - Пушкин тоже отражена в системе дат окончания частей цикла: в эту числовую конструкцию загадочным образом вошли все те известные истории даты биографии Данте, которые представляли наибольший интерес для Пушкина как для творца "Повестей Белкина" (имею в виду даты рождения и смерти Данте, его встречи с Беатриче, начала и конца работы над "Комедией" и над ее предшественницей - "Новой жизнью").

Данте родился в 1265 г. (день неизвестен). Сумма цифр в этом числе -14, корень -5 (числом 14 датирован "Выстрел"; герой повести, имя-символ которого восходит к "Комедии", погибает в возрасте 41 года; при встрече Бурмина и рассказчика первому идет 32-й год, второму - 23-й).

По словам Данте, он встретил Беатриче "в конце девятого

года своей жизни". Очевидно, это произошло в 1274 г. Сумма цифр в этом числе -14, корень -5, что соотносится [не только] с датой окончания "Выстрела".

Стихотворения, включенные в "Новую жизнь", писались в период с 1283 по 1292 год. Сумма цифр и в том и в другом числе -14, ее корень -5. Интервал между этими датами - 9 лет; 9 у Данте - символ Беатриче; числом 9 датирован "Трбовщик", и оно в повести связано с Гончаровой.

Вероятная дата начала работы над "Комедией" (законченной в год смерти Данте) - 1307 г. Корень этого числа (2) совпадает с корнем числа 20, которым датированы "Метель" и "Барышня-крестьянка".

Согласно общепринятой версии "Комедия" писалась 14 (5) лет.

Данте умер 14.9.1321. Сумма цифр в этой дате -21, ее корень -3. В 1821 г. (корень -3) погиб Сильвио, сумма цифр в дате окончания "Повестей" -21; число 3 символизирует Пушкина в год его рождения.

Корень числа 1321 (год смерти Данте) =7.7 - итог суммы чисел в таблице дат окончания частей "белкинского" цикла, символ Пушкина в осень 1830 г., символ Сильвио, И.Л.П., поручика Р***, Бурмина и Белкина.

Числа, которыми представлены названные веки биографии Данте, сводятся к тем же корням, что и даты окончания частей "белкинского" цикла: 7, 5, 2, 9, 3.

Важные наблюдения, относящиеся к подобным совпадениям в пушкинском творчестве, приводит Непомнящий: <<Карьера Гришки Отрепьева - как сон (ср. гигантскую роль темы сна в "Онегине", "Капитанской дочке" и пр., и пр.). Мы расстаемся с ним, когда он засыпает, а встречаемся с ним впервые, когда он спит: "Ночь. Келья в Чудовом монастыре. Отец Пимен. Григорий спящий". И надо же так с л у ч и т ь с я (на это обратила мое внимание М.Новикова), что Григорий по-гречески означает б о д р с т в у ю щ и й! Б о д р с т в у ю щ и й спящий! . . . И ведь не сам он выдумал имя герою! А католические интриги против Руси (см. сцену "Краков. Дом Вишневецкого. Самозванец и pater Черниковский") в соотношении с именем отца Марины - Мнишек, что означает "монашек"? А Мнишка он ведь тоже не придумал . . . Вообще, иногда кажется, что не он опирается на факты, а факты "подогнаны" под него, не он их слышит, а они его слушаются. Или - или он ничего не придумывает, а пишет всегда то, что есть на самом деле - есть, было или - будет.

Как и чем объяснить, например, вот такое "совпадение", на которое как-то указал мне кинорежиссер Ю.Швырев, знаток Пуш-

кина и Данте, - в шестой главе "Онегина" Ленский, в ночь накануне дуэли, читает стихи "вслух, в лирическом жару, как Дельвиг пьяный на пиру", а назавтра, 14 января, гибнет; спустя пять лет после написания этих строк, в 1831 году, умирает Дельвиг, и это случается 14 января . . . Дуэль самого Пушкина происходит 27 января, ровно на 13 дней (разница между старым и новым стилями) позже дуэли Ленского и смерти любимейшего из друзей . . . Единственная молитва, переложенная Пушкиным в стихах, - молитва св. Ефрема Сирина; Пушкин умирает 29 января(10 февраля) - в день памяти этого святого . . . Создается впечатление: когда он пишет - ворочается вся вселенная, время сжимается и исчезает, пространство становится обозримым и слышимым во все концы; или наоборот: он пишет тогда, когда слух его улавливает это ворочанье; одним словом -

*Но лишь Божественный взгляд
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта вострепнется,
Как пробудившийся орел >> ¹.*

В "Повестях" Пушкин, учитывая числовые соответствия, связывающие его биографию, биографии персонажей и их прототипов, не делал поправки на разницу между старым и новым стилями - это было бы слишком сложно и, главное, противоестественно, ибо меняло бы числа в биографии, например, Данте, многие из которых тот ввел в числовую конструкцию "Комедии" и "Новой жизни" (а ведь с обеими числовыми конструкциями связаны "Повести"). Оговорив это обстоятельство, постараюсь обосновать мое предположение о том, что в числовую конструкцию "Повестей Белкина" Пушкиным включены важнейшие для него вехи биографии Петрарки.

В гл. 1 отмечалось, что в сонете "Мадонна" Пушкин уподобил Гончарову Лауре, а себя - Петрарке, что в "Метели" велико значение строки из сонета Петрарки, посредством цитирования которой весь сонет вводится в контекст повести, и пушкинский двойник Бурмин уподобляется Петрарке, а Марья Гавриловна - Лауре; говорилось и о том, что девица К.И.Т., рассказчица "Метели", символизирует не только идею духовного возрождения героев повести и Пушкина, но и союз античной и христианской культур, и что тем самым Пушкин тайно указывает на свою преемственность по отношению к Петрарке, утверждавшему вслед за Данте названный союз в своем творчестве; наконец, обращалось внимание на то, что ту же идею символизировала коронация Пет-

---

¹ Н е п о м н я щ и й В. Указ. соч. С. 393-394.

рарки как короля поэтов, признанная современниками началом эпохи Возрождения.

Это случилось в пасхальное воскресенье, 8.4 1341 г. Воскресение Христово символизируется числом 3, и, конечно, Петрарка, тщательно выбиравший день своей коронации, учитывал, что корень суммы цифр в дате, которую он хотел видеть началом новой эпохи, $\sqrt{3}$. Сумма же цифр в указанной дате -21 . 3 и 21 - корень чисел и сумма цифр в дате смерти Данте, к двадцатилетию которой Петрарка приурочил возрождение античной традиции коронавания поэтов на Капитолийском холме. При этом числа 3 и 21 играют огромную роль (являясь, в частности, символами духовного возрождения Пушкина и его двойников - Сильвио и Бурмина) в "Повестях Белкина", преемственность которых по отношению к "Комедии" и "Новой жизни" Данте и "Книге песен" Петрарки не подлежит сомнению.

Петрарка встретился с Лаурой 6.4 1327 (сумма цифр -23 , сумма корней -14)¹, Петрарке тогда было 23 (5) года, Лауре - 20 (2) лет. В связи с этим достаточно ограничиться напоминанием о том, что Бурмин в возрасте 23 лет обвенчался с Марьей Гавриловной, которой, когда они вновь встретились и полюбили друг друга, было 20 лет, что Бурмин при встрече с И.Л.П. был "мужчиной лет тридцати двух", а тому шел 23-й год, что Пушкин был помолвлен и писал "Повести Белкина" на 32-м году жизни, что "мужские" повести в цикле датированы числом 14 (5), а "дамские" - числом 20 (2).

Связь "Метели" с творчеством Петрарки и числовые переключки между биографиями Петрарки и Пушкина и конструкцией "Повестей" дополняются пародированием в Предисловии к циклу, в открывающей "Историю села Горюхина" белкинской автобиографии и в автобиографическом отрывке "Письма к потомкам" Петрарки.

Рассказывая в написанном незадолго до смерти "Письме к потомкам" о своей жизни, Петрарка высказывает презрение к прижизненной славе и порицает себя за то, что в свое время стремился к ней. В данном отношении "Письму к потомкам" созвучен мировоззренческий поворот Пушкина на рубеже 1820 - 1830-х годов, сказавшийся, в частности, в "Повестях Белкина".

"Письмо к потомкам" начинается так: "Коли ты услышишь что-нибудь обо мне - хотя и сомнительно, чтобы мое ничтожное и

---

¹ В числовом отношении дата смерти Петрарки - словно эхо его встречи с Лаурой: 19.7 1374 (сумма цифр -32 , сумма корней -14).

темное имя прошло далеко сквозь пространство и время, то тогда, быть может, ты возжелаешь узнать, что за человек я был и какова была судьба моих сочинений, особенно тех, о которых молва или хотя бы слух дошел до тебя". Этот зачин пародируется в первой же фразе белкинской автобиографии: "Если Бог пошлет мне читателем, то, может быть, для них будет любопытно узнать, каким образом решился я написать Историю села Горюхина".

Петрарка цену себе знал, о чем свидетельствует само обращение к потомкам. Начало же этого письма ("Коли ты услышишь что-нибудь обо мне - хотя и сомнительно, чтобы мое ничтожное и темное имя прошло далеко сквозь пространство и время . . .") проникнуто заведомым самозанижением, шутливым выражением смирения и простодушным лукавством. Тем же отмечено перевоплощение Пушкина в Белкина. Причем, умертвив автора повестей и сочинив от имени Бурмина, другого своего двойника, жизнеописание Белкина, Пушкин тоже создал своего рода письмо к потомкам. Автобиография же Белкина в "Истории Горюхина" - именно обращение к потомкам "Ныне, как некоторый историк (Нибур - А.К.-Р.), коего имени я не запомню, оконча свой трудный подвиг, кладу перо и с грустью иду в мой сад размышлять о том, что мною совершено. Кажется и мне, что написав Историю Горюхина, я уже не нужен миру, что долг мой исполнен и что **пора мне опочить!**"

В гл. 1 говорилось о связи "Повестей" с пушкинским автобиографическим отрывком, где замечается: "Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец. < . . . > Приятель мой происходил из одного из древнейших наших родов, чем и тщеславился со всевозможным добродушием. < . . . > Будучи беден . . ." Все это - шарж на себя и пародия на "Письмо к потомкам", в котором говорится: "Был же я один из вашего стада, жалкий смертный человек, ни слишком высокого, ни слишком низкого происхождения". Прерываю цитату для того, чтобы отметить: следующая за сими смиренными словами фраза позволяет сказать о Петрарке, что он "происходил из одного из древнейших . . . родов, чем и тщеславился со всевозможным добродушием". "Род мой (как сказал о себе кесарь Август) - древний. < . . . > Я родился от почтенных, небогатых или, чтобы сказать правду, почти бедных родителей". "Я родился, - раздается в ответ голос потомка, - от честных и благородных родителей. < . . . > Село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Белкиных". Почти так же начинается жизнеописание Белкина в письме Бурмина к А.П.: "Иван Петрович Белкин родился от честных и благородных (т.е. знатных - А.К.-Р.) родителей. < . . . > Покойный отец его . . . был человек не богатый . . ."

Таким образом, в Предисловии к "Повестям Белкина" пародируются и биография Пушкина, и его стихотворение "Моя родословная" (что было показано в начале этой главы), и летопись, характеризующая предка Пушкиных как "мужа честна" ("т.е. знатного, благородного"), и "Письмо к потомкам" Петрарки. И если Петрарка, заявив о своем смирении, цитирует слова, сказанные о себе кесарем Августом, то Пушкин, сделав своим двойником смиренного Белкина, при этом указывает (о чем говорилось ранее) на таких своих знатных предков, как Рача и Рюрик.

"Я всегда презирал богатство, - извещает потомков Петрарка, - не потому, чтобы не желал его, но из отвращения к трудам и заботам, его неразлучным спутникам". Это высказывание мог бы отнести к себе и Белкин, крепко захрапевший на стуле в тот момент, когда Бурмин "своими строгими допросами плута старосту в крайнее замешательство привел и к совершенному безмолвию принудил". "С тех пор, - заключает Бурмин, - перестал я вмешиваться в его хозяйственные распоряжения и предал его дела (как и он сам) распоряжению Всевышнего".

"Не искал я богатством, - пишет Петрарка, - стяжать возможность роскошных трапез, но, питаясь скудной пищей и простыми яствами, жил веселее, чем все последователи Апиция с их изысканными обедами. Так называемые пирушки (в сущности попойки, враждебные скромности и добрым нравам) всегда мне не нравились. < . . . > От всякого рода соблазнов я всегда держался вдалеке не только потому, что они вредны сами по себе и не согласны со скромностью, но и потому, что они враждебны жизни размеренной и покойной". Следуя примеру Петрарки, "Иван Петрович вел жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств", и Бурмину "никогда не случалось . . . видеть его на́веселе (что в нашем краю за неслыханное чудо почесться может)".

Петрарка и Белкин получили небогатое образование. Петрарка учился в "небольшом и ближайшем к Авиньону городке, - и в этих двух городах, - сказано в "Письме к потомкам", - я усвоил начатки грамматики, диалектики и риторики, сколько позволял мой возраст или, вернее, сколько обычно проходят в школах, - что, как ты понимаешь, дорогой читатель, немного". Белкин получил "первоначальное образование" "от деревенского дьячка". Эти сообщения следует понимать и так, что высочайшей просвещенности Петрарка и Пушкин достигли благодаря самообразованию. Интересно, что образованность Пушкина, которой он при жизни далеко не был так знаменит, как Петрарка, тайно получила одно из самых своих блистательных воплощений в "Повестях Белкина". Вникая в них, в равной степени восхищаешься начитанностью Пушкина, его пониманием явно и скрыто цитируемых им произведений и

его памятью - ведь в Болдине у него под рукой было считанное количество книг.)

Петрарка и Пушкин были не только великими писателями, но и великими читателями. Пушкин, умирая, сказал, глядя на книжные полки: "Прощайте, друзья!" Петрарка в исходе дней писал: "Я хочу, чтобы смерть пришла ко мне в то время, когда я буду читать или писать". Говорят, так он и скончался: тихо заснул, склонившись над рукописью.

В "Инвективе против врача" Петрарка молвил, что поэт "стремится укрыть истину под прекрасным покрывалом, дабы она осталась скрытой от глупой черни и дабы образованным читателям благородного ума ("любопытным изыскателям" - А.К.Р.) истина эта показалась тем приятнее, чем труднее было им ее отыскать". - Как будто сказано о "Повестях Белкина".

Посылая Кола ди Риенцо Эклогу V, Петрарка сопроводил ее письмом, где разъяснял ее мысль, ибо "жанр этого произведения таков, что если сам автор не укажет к нему ключ, содержание его может быть другими случайно частично угадано, но никогда не понято целиком". "Белкинский" опус тоже "никогда не может быть понят целиком", если не обнаружить, что Предисловие соотносится с повестями как ключ с шифром, что во всех частях цикла такими ключами служат: числа, "рифмы" инициалов персонажей и прототипов, символы, таящиеся в инициалах, чинах и званиях особ, от которых слышаны Белкиным повести, имя-символ Сильвио и многое другое.

Остается заключить: Пушкин, сознавая свое глубокое родство с Петраркой, сделал его наряду с собой прототипом скромного Белкина. Думается, это отражено помимо прочего в "рифмах": Пушкин - Петрарка - Белкин; Иван Петрович - Петрарка. Иван Белкин - духовный сын прославленного Франчески Петрарки.

7

У мистического писателя Белкина, проза которого в высшем смысле поэтична, насыщена "рифмами" инициалов и музыкай чисел, также есть прямой потомок: Михаил Булгаков.

Первые два персонажа, с которыми знакомится читатель романа "Мастер и Маргарита", - критик Берлиоз и поэт Бездомный. Имя и инициалы Михаила Александровича Берлиоза и Михаила Афанасьевича Булгакова совпадают. Бездомный - псевдоним Понырева, и тождество инициалов в фамилиях Берлиоз, Бездомный и Булгаков обогащается "рифмой" "Б - П" (Берлиоз - Понырев, Бездомный - Понырев, Булгаков - Понырев). К беседующим литера-

торам присоединяется Воланд. Инициал этого имени, написанного по-русски, в графическом отношении идентичен латинской букве В, читающейся как русская Б, и потому имя Воланд "рифмуется" с фамилиями его собеседников и Булгакова. Запомнившееся же Бездомному "двойное В", начальная буква фамилии профессора черной магии (Woland), есть инверсия буквы М¹, что "рифмуется" эту фамилию с безымянным автобиографическим героем - мастером (попутно отметим "рифму": мастер - Михаил), с именем его подруги, Маргариты, и с титулом, которым величает Воланда его свита - мессир. Как мысленно выразился Бездомный, Воланд сплел рассказ о Пятом Прокураторе, всаднике Понтии Пилате, единственным другом которого был пес Банга². "Рифмы" "Б(В) - П" и "W(B) - М" дополняются еще одним тайным автобиографическим знаком: свою вторую жену, Любовь Евгеньевну Белозерскую, Булгаков ласкательно звал Любаней, Любангой и Бангой. Дав псу кличку Банга, писатель скрыто подчеркнул, что Пилат наделен автобиографическими чертами.

Они проступают в самых разных героях, что, как и "рифмы" инициалов, характеризует Булгакова последователем Пушкина-Белкина.

Преследующая Пилата головная боль, его волчьи оскал и глаза - все это у него от Булгакова. Притом некоторыми чертами Пилат отмечен наряду с героями, которых связывают с ним и с автором "рифмы" инициалов. Ср: "Афранию показалось, что теперь на него глядят четыре глаза - собачьи и волчьи"; "Пришедший человек (Левий Матвей - А.К.-Р), лет под сорок (как Воланд - А.К.-Р) был черен, оборван, покрыт засохшей грязью, смотрел по-волчьи, исподлобья"; "Гримасничая от напряжения, Пилат шурился, читал. . ."; "Без драм, без драм, - гримасничая, отозвался Азazelло. . ."; <<На это Азazelло как-то надменно хмыкнул и ответил так:"Любая женщина в мире, могу вас уверить, мечтала бы об этом, - рожу. Азazelло перекосило смешком, - но я разочарую вас, этого не будет">>; "Безумец! - сказал Пилат, почему-то гримасничая. Под левым глазом у него задергалась жилка, - умирать от ожогов

---

¹ На эти "рифмы" мне указал В.Дворкин.

Кроме Пушкина, кажется, только Булгаков "рифмовал" в прозе буквы русского и латинского алфавитов.

² Обратим внимание также на следующее: выйдя из своего подвального с романом о Пилате, мастер был затравлен и сошел с ума; Бездомный сошел с ума после встречи с Воландом, рассказавшим ему о Пилате; не верившие в чудеса Берлиоз и Бенгальский лишились головы: первому ее сначала отрезало трамваем, а затем ее выкрал из морга прибывший в Москву вместе с Воландом Бегемот; тот же Бегемот оторвал голову Бенгальскому.

солнца!" <<"Имей в виду, что он перед смертью сказал, что никого не винит, - Пилат значительно поднял палец, лицо Пилата дергалось">>; <<Небритое лицо его (мастера - А.К.-Р.) дергалось гримасой, он сумасшедше пугливо косился на огонь свечей (волк, как любой дикий зверь, боится огня - А.К.-Р.) . . . Он ухватился за подоконник рукою, как бы собираясь вскочить на него и бежать, оскалил зубы . . . и закричал "Мне страшно, Марго! У меня снова начались галлюцинации!">>; "Больной опустил голову (по-волчьи - А.К.-Р.) и стал смотреть в землю утрюмыми больными глазами"; "Левий (который смотрел по-волчьи - А.К.-Р.) с ненавистью поглядел на Пилата и улыбнулся столь недоброй улыбкой (оскаллился - А.К.-Р.), что лицо его обезобразилось совершенно"; "Из зеркала, - заметил, репетируя приветливую улыбку Максудов, двойник Булгакова из "Записок покойника" ("Театрального романа"), - глядело на меня лицо со сморщенным лбом, оскаленными зубами и глазами, в которых читалось не только беспокойство, но и задняя мысль"; <<"Ты, - оскалившись перебил Иван, - понимаешь ли, что надо поймать профессора (впоследствии Бездомный стал профессором - А.К.-Р.)? А ты лезешь ко мне со своими глупостями! Кретин!" < . . . > Судорога исказила его лицо, он быстро переложил свечу из правой руки в левую, широко размахнулся и ударил участливое лицо по уху>>. << Воланд взял в руки поданный ему роман, повернул его, отложил в сторону и молча, без улыбки уставился на мастера. Но тот неизвестно отчего впал в тоску и, обращаясь к далекой луне, вздрагивая, начал бормотать: "И ночью при луне мне нет покоя. О боги!">>; "Не может он (профессор Понырев - А.К.-Р.) совладать с этим весенним полнолунием. Лишь только оно начинает приближаться, лишь только начинает разрастаться и наливатьсЯ золотом светило, которое когда-то висело выше двух пятисвечей, становится Иван Николаевич беспокоен . . . "; "Круто, исподлобья (как волк - А.К.-Р.) Пилат буравил глазами арестованного, и в этих глазах уже не было мути, в них появились всем знакомые искры"; "Пилат мертвыми глазами поглядел на первосвященника и, оскалившись, избобразил улыбку"; <<"А я только что сию минуту приехал в Москву", - растерянно ответил профессор, и тут только приятели догадались заглянуть ему как следует в глаза и убедились в том, что левый, зеленый, у него совершенно безумен, а правый - пуст, черен и мертв>>; <<"Добрый человек?" - спросил Пилат, и дьявольский огонь сверкнул в его глазах>>; <<"Светильники зажег . . ." - сквозь зубы в тон арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали>>; <<"Не думаю", - сквозь зубы сказал Воланд>>; <<"И мне жаль!" - подтвердил неизвестный

(Воланд - А.К.-Р.), сверкая глазом . . >>; <<"Именно, именно", - закричал он, и левый зеленый глаз его, обращенный к Берлиозу, засверкал . . . >>; "Поэт (Бездомный - А.К.-Р.), для которого все, сообщаемое редактором, являлось новостью, внимательно слушал Михаила Александровича, оставив на него свои бойкие зеленые глаза, и лишь изредка икал, шепотом ругая *абрикосовую воду*"; <<За квартирным вопросом открывался роскошный плакат, на котором изображена была скала, а по гребню ее ехал всадник в бурке и с винтовкой за плечами. Пониже - пальмы и балкон, а на балконе - сидящий молодой человек с **очень-очень бойкими** (зелеными? - А.К.-Р.) глазами и держащий в руке *самопишущее перо*. Подпись: "Полнообъемные творческие отпуска от двух недель (рассказ, новелла) до одного года (роман, трилогия). Ялта, Су-ук-Су, Боровое, Цихидзири, Махинджаури, Ленинград (Зимний дворец)">>. Даже этот молодой человек с плаката имеет через посредство Бездомного кое-какое отношение к автору. У плакатного борзописца, трудящегося в "полнообъемном творческом отпуску" в д о м е т в о р ч е с т в а (еще одно дикое словосочетание), "очень-очень бойкие глаза"- как у Бездомного, который подобно бездомному в молодости Булгакову боровшемуся за существование, брался за любые заказы. Отсюда и самопишущее перо. Рядом с балконом и пальмами на плакате угадываются *абрикосовые* деревья, а ниже - море, т.е. *вода*. Очевидно, Бездомный большую антирелигиозную поэму об Иисусе Христе "сочинил в очень короткий срок" (примерно за две недели), пребывая в "полнообъемном творческом отпуску" в Ялте, что и отозвалось икотой, в которой он винил абрикосовую воду. Потому-то позже он, осознав, что его стихи чудовищны, на вопрос мастера: "Простите, вы, может быть, даже оперы "Фауст" не слышали?" - "страшнейшим образом сконфузился и с пылающим лицом что-то начал объяснять про какую-то поездку в санаторию в Ялту".

Доказывавший Воланду, творящему в мире "Мастера и Маргариты" возмездие, что дьявола нет, Бездомный уверяется в обратном, пускается преследовать Сатану и препровождается в сумасшедший дом. Из его беседы с врачом, происходящей в присутствии поэта Рюхина, мы между прочим узнаем его возраст.

"- Сколько вам лет?

- Подите вы все от меня к чертям (!) в самом деле! - грубо закричал Иван и отвернулся.

- Почему же вы сердитесь? Разве я сказал вам что-нибудь неприятное?

- Мне двадцать три года, - возбужденно заговорил Иван, - и

я подам жалобу на вас всех. А на тебя в особенности, гнида! - отнесся он отдельно к Рюхину.

- А на что же вы хотите жаловаться?

- На то, что меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в сумасшедший дом! - в гневе ответил Иван⁷.

Появление важнейшего числа обставлено по-пушкински - так, чтобы оно не бросалось в глаза.

Трижды переключая в этой сцене речь Ивана на почему-то взбесившего его Рюхина, Булгаков не только маскирует названное число, но и наводит чуткого читателя на мысль о том, что этих поэтов связывает какая-то ниточка. Оба кропали ужасающие "идейные" вирши, но одаренный Иванушка делал это в безответственности девственного невежества искренно "на все сто", а бездарный Рюхин был органическим конъюнктурщиком. Оба поняли цену своей "поэзии", но для Бездомного это было шагом к духовному рождению, и он порвал со своим массолитовским ремеслом¹, а Рюхин, затосковав, впал в зависть к светочу русской поэзии и раскрылся во всей красе. В приемной дома скорби Бездомный только предчувствует правду о своих стихах, но о рюхинских он ее в основном уже постиг и, раздосадованный незадачами в ловле консультанта, отводит душу (в том числе и за смутное отвращение к своим изделиям) на Рюхине.

<< - Вы находитесь, - спокойно заговорил врач, присаживаясь на белый табурет на блестящей ноге, - не в сумасшедшем доме, а в клинике, где вас никто не станет задерживать, если в этом нет надобности.

Иван Николаевич покосился недоверчиво, но все же пробурчал:

- Слава те господи! Нашелся наконец один нормальный человек среди идиотов, из которых первый - балбес и бездарность Сашка!

- Кто это Сашка-бездарность? - осведомился врач.

- А вот он, Рюхин! - ответил Иван и ткнул грязным пальцем в направлении Рюхина.

Тот вспыхнул от негодования.

"Это он вместо спасибо! - горько подумал он, - за то, что я принял в нем участие! (Спровадил в сумасшедший дом удачливого собрата по перу - А.К.-Р.) Вот уж действительно дрянь!"

- Типичный кулачок по своей психологии, - заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина, - и притом кулачок, тщательно маскирующийся под пролетария. Пос-

---

¹ Кстати, МАССОЛИТ расшифровывается, наверное, не только как Московская ассоциация советских литераторов, но и как массовая литература.

мотрите на его постную физиономию и сличите с теми стихами, которые он сочинил к первому числу! Хе-хе-хе . . . "Взвейтесь!" да "развейтесь!" . . . а вы загляните к нему внутрь - что он там думает. . . вы ахнете! - И Иван Николаевич зловеще рассмеялся.

Рюхин тяжело дышал, был красен и думал только об одном, что он отогрел у себя на груди змею, что он принял участие в том, кто оказался на поверку злым врагом. И главное, и поделаться ничего нельзя было: не ругаться же с душевнобольным?!>>

Перерождение Ивана едва начинается, он, так сказать, еще не совсем спятил и потому в соответствии с тем, как это было тогда принято, по темноте своей облакает литературное обвинение в форму политического доноса. Рюхину, лишенному возможности даже протестовать, не позавидуешь. Но в главном Иван прав, и это доходит до Рюхина на обратном пути из сумасшедшего дома. <<"Да, да, обидные слова, брошенные Бездомным прямо в лицо, - размышляет Рюхин о причине своего ужасного настроения духа. - И горе не в том, что они обидные, а в том, что в них заключена правда".

Поэт не глядел уже по сторонам, а, уставившись в грязный, трясущийся пол, стал что-то бормотать, нить, глодая самого себя. Да, стихи . . . Ему - тридцать два года! В самом деле, что же дальше? - И дальше он будет сочинять по несколько стихотворений в год. - До старости? - Да, до старости. - Что же принесут ему эти стихотворения? Славу? "Какой вздор! Не обманывай-то хоть самого себя. Никогда слава не придет к тому, кто сочиняет дурные стихи. Отчего они дурные? Правду, правду сказал! - безжалостно обращаясь к самому себе Рюхин, - не верю я ни во что из того, что пишу! . . >>

Конспирация отменная! Надо быть посвященным в тайнопись "Повестей Белкина", чтобы обратить внимание на подробности, которые имеют концепционное значение и являются тайным признанием Булгакова в том, что он унаследовал пушкинскую технику "рифм" и обращения с числами.

Бездомному - 23 года, Рюхину - 32. Такая инверсия связывает их друг с другом и напоминает о ее роли в "Повестях Белкина", где, например, Бурмин и рассказчик "Выстрела" встречаются, когда первый - "мужчина лет тридцати двух", а второй - мужчина лет двадцати трех. Указанная инверсия в этом месте булгаковского романа дополняется излюбленной Пушкиным "игрой" русской и латинской букв Р: Александр Рюхин (АР.) - это Александр Пюхин (АП.), т.е. убийственная для "балбеса и бездарности Сашки" карикатура на фамилию Пушкин. Подчеркивая это, Булгаков призывает Рюхина к опекушинскому монументу, где советский вирше-

писец изливает свою зависть к Пушкину, чуть ли не вступает в поединок с памятником ("каменным гостем" члена МАССОЛИТа) и, встав на платформе грузовика, сам являет вид памятника.

<<Отравленный взрывом неврастении, поэт покачнулся, пол под ним перестал трястись. Рюхин поднял голову и увидел, что он давно уже в Москве и, более того, что над Москвой рассвет, и что близехонько от него стоит на постаменте металлический человек, чуть наклонив голову, и безразлично смотрит на бульвар.

Какие-то странные мысли хлынули в голову заболевшему поэту. "Вот пример настоящей удачливости, - тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял (словно пистолет навел - А.К.-Р.), нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, - какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю . . . Что-нибудь особенное есть в этих словах: "Буря мглюю . . ."? Не понимаю! . . . Повезло, повезло! - вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся (от возмущения - А.К.-Р.), - стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие . . . ">>

Околесица, которую несет Рюхин о пушкинском везении в дуэли с Дантесом, исполнена неведомого ему глубокого смысла. Но об этом речь впереди, а покамест надо заметить, что в рассматриваемой главе пародируются не только фамилия и инициалы Пушкина (А.П. - А.Р., Александр Пушкин - Александр Рюхин) и пара пушкинских персонажей (граф Б***, "мужчина лет тридцати двух" - рассказчик И.Л.П., мужчина лет двадцати трех): Бездомный, 23 лет, - Рюхин, 32 лет, - но и инициалы Алексея Бурмина и рассказчика И.П.: Иван Бездомный - Александр Рюхин - Пюхин. Более того, булгаковская пародия распространяется на еще одну пару двойников: Александр Пушкин (А.П., А.Р.) - Иван Белкин (И.Б.); Александр Рюхин (А.Р.) - Иван Бездомный.

Тут же выясняется, что Булгаков учитывает цифровые корни чисел и по-пушкински тайно обыгрывает инверсию, образуемую "пятеркой" (корнем чисел 23 и 32) и "двойкой". Инверсия эта незаметно вкраплена в сцену рассказа Ивана врачу о встрече с Воландом и погоне за ним.

"- . . . Он лично с Понтием Пилатом разговаривал. Да нечего так на меня смотреть! Верно говорю! Все видел - и балкон и пальмы. Был, словом, у Понтия Пилата, за это я ручаюсь.

- Ну-те, ну-те . . .

- Ну, стало быть, я иконку на грудь пришил и побежал . . .

Тут вдруг часы ударили два раза.

- Эге-ге! - воскликнул Иван и поднялся с дивана, - два часа, а я с вами время теряю! Я извиняюсь, где телефон?

- Пропустите к телефону, - приказал врач санитарам.

Иван ухватился за трубку, а женщина в это время тихо спросила (отвлекая внимание читателя от чисел - А.К.-Р.) у Рюхина:

- Женат он?

- холост, - испуганно ответил Рюхин.

- Член профсоюза?

- Да.

- милиция? - закричал Иван в трубку, - милиция? Товарищ дежурный, распорядитесь сейчас же, чтобы выслали пять мотоциклов с пулеметами для поимки иностранного консультанта. Что? Заезжайте за мною, я сам с вами поеду . . . Говорит поэт Бездомный из сумасшедшего дома . . ."

Грузили Ивана в машину 5 человек: << . . . Пантелей, швейцар, милиционер, официант и поэт Рюхин выносили спеленутого, как куклу, молодого человека, который, заливаясь слезами, плевался, норовя попасть именно в Рюхина, давился слезами и кричал: "Сволочь!">> "Грузовик унес на себе от ворот Грибоедова" пятерых: "несчастного Ивана Николаевича, милиционера, Пантелея и Рюхина", а также шофера.

Перед остановкой грузовика на Страстной площади в голове Рюхина возникает число 32 (5): "Да, стихи . . . Ему - тридцать два года!" После сцены у памятника Пушкину "пятерка" обращается в "двойку" (между ними чисел в тексте нет): "Колонна тронулась. Совершенно больной и даже постаревший поэт не более чем через две минуты входил на веранду Грибоедова".

Числа 2 и 5 - центральные в числовой конструкции "Мастера и Маргариты".

Воланд и его свита - 5 персон. Остановились они на Садовой в доме №302-бис (5-2); дом - шестизэтажный (5+6-11-2); занятая ими квартира - № 50 (5), в шестом парадном (5+6-2), в пятом (5) этаже. Первые слова романа: "Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина". Последние слова романа: ". . . Жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат". Роман состоит из 32 (5) глав, в нем 2 части. Смерть Иешуа наступила в пятом часу казни. Мастер сошел с ума в два часа ночи. Пятый прокуратор Иудеи мучился у Булгакова две тысячи лет. ("Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна, как видите, его терзает бессонница") Шаркающей кавалерийской походкой он входит в роман "ранним утром четырнадцатого (5) числа весеннего месяца нисана". Последние слова о нем в романе мастера: "Так встретил рассвет пятнадцатого (15-6) нисана пятый

прокуратор Иудеи Понтий Пилат" (5+6-2). Берлиоз читал Бездомному "нечто вроде лекции об Иисусе Христе" и, <<обнаруживая солидную эрудицию, Михаил Александрович сообщил поэту между прочим и о том, что то место в пятнадцатой книге в главе 44-й знаменитых Тацитовых "Анналов", где говорится о казни Иисуса, есть не что иное, как позднейшая поддельная вставка>> (15+44-59-14-5). "Приближенные уверяют, что это ревматизм, - говорил Воланд, не спуская глаз с Маргариты, - но я сильно подозреваю, что эта боль в колене оставлена мне на память одной очаровательной ведьмой, с которой я близко познакомился в тысяча пятьсот семьдесят первом году в Брокенских горах, на чертовой кафедре" (1571-1+5+7+1-14-5). "Сто двадцать одну Маргариту обнаружили мы в Москве, и, верите ли, - тут Коровьев с отчаянием ударил себя по ляжке, - ни одна не подходит. И, наконец, счастливая судьба . . ." Подруга мастера - сто двадцать вторая Маргарита (1+2+2-5).

В ответ на вопрос Воланда: "Ведь вы - человек бедный?" - буфетчик Соков "втянул голову в плечи, так что стало видно, что он человек бедный.

- У вас сколько имеется сбережений?

Вопрос был задан участливым тоном, но все-таки такой вопрос нельзя не признать неделикатным. Буфетчик замаялся.

- Двести сорок девять тысяч рублей (249 000-6) в пяти сберкассах (6+5-2), - отозвался из соседней комнаты треснувший голос, - и дома под полом двести (2) золотых десятков.

Буфетчик как будто прикипел к своему табурету.

- Ну, конечно, это не сумма, - снисходительно сказал Воланд своему гостю, - хотя, впрочем, и она, собственно, вам не нужна. Вы когда умрете?

Тут уж буфетчик возмутился.

- Это никому неизвестно и никого не касается, - ответил он.

- Ну да, неизвестно, - послышался все тот же дрянной голос из кабинета, - подумаешь, бинном Ньютона! Умрет он через девять месяцев¹, в феврале (2) будущего года, от рака печени, в клинике Первого МГУ, в четвертой палате" (9+2-2; 1+4-5).

<<С легкой руки членов МАССОЛИТа никто не называл дом "Домом Грибоедова", а все говорили просто - "Грибоедов": "Я вчера два (2) часа протолкался у "Грибоедова". - "Ну и как?" - "В Ялту на месяц добился". - "Молодец!" - Или: "Пойди к Берлиозу, он сегодня от четырех до пяти (4+5-9) принимает в "Грибоедове" . . . и так далее>> (2+9-2). "Грибоедов" - "старинный двухэтажный дом

---

¹ Это - одно из многих указаний на то, что Воланд посетил Москву в мае (6).

кремового цвета . . . ". МАССОЛИТ разместился во втором этаже, проводя нас по которому, автор акцентирует число 5: <<Далее следовали, повинуваясь прихотливым изгибам грибоедовского дома, - "Правление МАССОЛИТа", "Кассы № 2, 3, 4, 5" (2+3+4+5=14-5), "Редакционная коллегия", "Председатель МАССОЛИТа", "Бильярдная", различные подсобные учреждения и, наконец, тот самый зал с колоннами, где сетка наслаждалась комедией гениального племянника>>. "Пятерка" здесь - корень суммы чисел, относящихся к номерам касс, и количество табличек на дверях.

Несколькими абзацами ниже литератор Амвросий, хвастаясь тем, что он - завсегдатай в грибоедовском ресторане, говорит своему коллеге Фоке: <<Ты хочешь сказать, Фока, что судачки можно встретить и в "Колизее". Но в "Колизее" порция судачков стоит тринадцать (4) рублей пятнадцать (6) копеек, а у нас - пять (5) пятьдесят (5)! (4+6+5+5=20-2). Кроме того, в "Колизее" судачки третгедневные (3; 2+3=5), и, кроме того, у тебя нет гарантии, что ты не получишь виноградной кистью по морде . . .>>

В ожидании Берлиоза члены МАССОЛИТа, собравшиеся на заседание, томились от духоты, и речь зашла о дачном литераторском поселке Перелыгино:

"- Это уж как кому повезет, - прогудел с подоковника критик Абабков.

Радость загорелась в маленьких глазах Штурман Жоржа, и она сказала, смягчая свое контральто:

- Не надо, товарищи, завидовать. Дач всего двадцать две (4), и строится еще только семь (4+7=2), а нас в МАССОЛИТе три тысячи (2+3=5).

- Три тысячи сто одиннадцать человек (3111-6), - вставил кто-то из угла (инверсируя "пятерку" в "двойку" - 5+6=2).

- Ну, вот видите, - продолжала Штурман, - что же делать: естественно, что дачи получили наиболее талантливые из нас . . .

- Генералы! - напрямик врезался в склоку Глухарев - сценарист.

Бескудников, искусственно зевнув, вышел из комнаты.

- Один в пяти комнатах в Перелыгине, - вслед ему сказал Глухарев.

- Лаврович один в шести, - вскричал Денискин, - и столовая дубом обшита (5+6=2)!

- Э, сейчас не в этом дело, - прогудел Абабков, - а в том, что половина двенадцатого (1130-2+3=5)".

"На сеанс черной магии собралось 2500 человек (число состоит из цифр 2 и 5). В открытом Фаготом на сцене бесплатном дамском

магазине Гелла рекламировала духи "Шанель" номер пять. Разоблачения черной магии добивался Семплеяров, сидевший в ложе № 2

По контракту Воланд должен был получить за 7 выступлений 35 000 рублей - по 5 000 за сеанс (7+8+5=20-2).

Несколько ошеломленный трескотней Коровьева, Никанор Иванович Босой <<заявил, что жилтоварищество согласно сдать на неделю квартиру № 50 (5) артисту Воланду с платой по . . . - Никанор Иванович замялся немножко и сказал

- По пятьсот (5) рублей в день.

Тут Коровьев окончательно поразил председателя. Воровски подмигнув в сторону спальни, откуда слышались мягкие прыжки тяжелого кота, он просипел:

- За неделю это, стало быть, выходит три с половиной тысячи (8)?

Никанор Иванович подумал, что он прибавит к этому: "Ну и аппетитик же у вас, Никанор Иванович!" - но Коровьев сказал совсем другое:

- Да разве это сумма! Просите пять (5), он даст>> (5+5+8+5=23-5).

Коровьев же доносит на председателя жилтоварищества дома № 302-бис (5), клеветца по телефону, что он спекулирует валютой, и рекомендуясь при этом Тимофеем Квасцовым, проживающим в том же доме в квартире № 11 (2).

В ответ на недоумение Маргариты тем, что в ювелиршиной квартире поместился огромный зал, Коровьев ссылается на пятое измерение пространства.

Степа Лиходеев, очнувшись в тяжелом похмелье, увидел Воланда в 11 (2) часов и через полчаса (в 11.30 - 2+3=5) был выброшен в Ялту. В главе "Вести из Ялты" Булгаков раздражается остроумнейшим эзотеричным фейерверком "пятерок" и "двоек":

"В то время, как случилось несчастье с Никанором Ивановичем, недалеко от дома № 302-бис (5), на той же Садовой, в кабинете финансового директора Варьете Римского находились двое (2): сам Римский и администратор Варьете Варенуха".

"Римский вынул часы, увидел, что они показывают пять минут третьего (14.05=5,5 или 2,5) и совершенно остервенился. В самом деле! Лиходеев звонил примерно в одиннадцать (2) часов, сказал, что придет через полчаса (11.30-2+3=5), и не только не пришел, но и из квартиры исчез".

"В телеграмме было напечатано следующее: Ялты Москву Варьете. Сегодня половину двенадцатого (5) угрозыск явился шатен ночной сорочке без сапог психический назвался Лиходеевым

директором Варьете Молнируйте ялтинский угрозыск где Лиходеев”.

”За двадцать (2) лет своей деятельности в театрах Варенуха видал всякие виды, но тут он почувствовал, что ум его застывает как бы пеленою, и он ничего не сумел произнести, кроме житейской и совершенно нелепой фразы:

- Этого не может быть!”

”Варенуха проделал все, что полагается человеку в минуты великого изумления. Он и по кабинету пробежал, и дважды (2) воздымал руки. < . . . >

Римский же смотрел в окно и напряженно о чем-то думал. Положение финдиректора было очень затруднительным. Требовалось тут же, не сходя с места, изобрести обыкновенные объяснения явлений необыкновенных.

Пришурившись, финдиректор представил себе Степу в ночной сорочке и без сапог влезавшим сегодня около половины двенадцатого (5) в какой-то невиданный сверхбыстроходный самолет, а затем его же, Степу, и тоже в половине двенадцатого (5), стоящим в носках на аэродроме в Ялте . . . черт знает что такое!”

”- Сколько километров до Ялты? - спросил Римский.

Варенуха прекратил свою беготню и заорал:

- Думал! Уже думал! До Севастополя по железной дороге около полутора тысяч (1500—6) километров. До Ялты еще накинй восемьдесят (8) километров (6+8—14—5). Но по воздуху, конечно, меньше”.

”Спасибо подтверждение срочно пятьсот (5), угрозыск мне завтра вылетаю Москву Лиходеев”.

Следующий пассаж принадлежит к свидетельствам того, что порой не только Пушкин, но и Булгаков учитывал суммарное число абзаца:

”Гм . . . Да . . . Ни о каких поездах не может быть и разговора. Но что же тогда? Истребитель? Кто и в какой истребитель пустит Степу без сапог? Зачем? Может быть, он снял сапоги, прилетев в Ялту? То же самое: зачем? Да и в сапогах в истребитель его не пустят! Да и истребитель тут ни при чем. Ведь писано же, что явился в угрозыск в половине двенадцатого (5) дня, а разговаривал он по телефону в Москве . . . позвольте-ка . . . тут перед глазами Римского возник циферблат его часов . . . Он припоминал, где были стрелки. Ужас! Это было в двадцать минут двенадцатого (11.20—2+2—4). Так что же это выходит? Если предположить, что мгновенно после разговора Степа кинулся на аэродром и достиг его через пять (5), скажем, минут, что, между прочим, тоже немисливо, то выходит, что самолет, снявшись тут же, в пять (5) минут покрыл более тысячи (1) километров? Следо-

вательно, в час он покрывает более двенадцати (3) тысяч километров!! Этого не может быть, а значит, его нет в Ялте" (5+4+5+5+1+3-23-5).

В квартире № 50 разгорелась форменная перестрелка. "Но длилась эта стрельба недолго и сама собой стала затихать. Дело в том, что ни коту, ни пришедшим она не причинила никакого вреда. < . . . > Кто-то из пришедших, чтобы это окончательно проверить, выпустил штук пять в голову окаянному животному, и кот бойко ответил целой обоймой" (наверняка, обратив при этом "пятерку" в "двойку", ибо самый обыкновенный браунинг - шестизарядный; 5+6-2).

В эпилоге говорится о жертвах страха и подозрительности, ставших следствием визита Сатаны. В разных городах в отделения милиции были доставлены "десятка полтора котов" (6) и некоторое количество людей, среди которых названо 23 (5) человека (6+5-2). Перечисление арестованных людей обусловлено почти исключительно числовыми соображениями:

"Кроме котов некоторые незначительные неприятности постигли кое-кого из людей. Произошло несколько арестов. В числе других задержанными на короткое время оказались: в Ленинграде - граждане Вольман и Вольпер (2), в Саратове, Киеве и Харькове - трое Володиных (2+3-5), в Казани - Волох, а в Пензе, и уж совершенно неизвестно почему, - кандидат химических наук Ветчинкевич (5+2-7) . . . Правда, тот был огромного роста, очень смуглый брюнет.

Попались в разных местах, кроме того, девять Коровиных (7+9=16), четыре Коровкина (16+4-20) и двое Караваевых (20+2-22).

Некоего гражданина сняли с севастопольского поезда связанным на станции Белгород. Гражданин вздумал развлечь едущих с ним пассажиров карточными фокусами" (22+1-23-5).

В следующем абзаце эта "пятерка" инверсируется в "двойку":

"В Ярославле, как раз в обеденную пору, в ресторан явился гражданин с примусом в руках, который он только что взял из починки. Двое швейцаров, лишь только увидели его, бросили свои посты в раздевалке и бежали, а за ними бежали из ресторана все посетители и служащие. При этом у кассирши непонятным образом пропала вся выручка". Здесь же можно вспомнить Арчибальда Арчибальдовича - флибустьера, который сошел с горящего брига "Трибоедов" "с двумя балыковыми бревнами под мышкой".

Мастер "нанял у застройщика две комнаты в подвале маленького домика в садике" "в переулке близ Арбата". "Маргарита Николаевна со своим мужем вдвоем занимали весь верх прекрасного особняка в саду близ Арбата". "Все пять комнат в верхнем

этаже особняка, вся эта квартира, которой в Москве позавидовали бы десятки тысяч людей, в полном ее распоряжении”.

По словам мастера, большая комната в его квартире - "громадная комната, **четыринадцать (5) метров**". Мастер владеет **пятью** иностранными языками. "Но вот что осталось совершенно неясным для следствия - это побуждение, заставившее шайку похитить душевнобольного, именующего себя мастером, из психиатрической клиники. Это установить не удалось, как не удалось добыть и фамилию больного. Так и сгинул он навсегда под мертвой кличкой: **номер сто восемнадцатый из первого корпуса**". (1+1+8+1=11-2).

Одна из кульминаций романа - глава "Великий бал у Сатаны", расположенная, кстати сказать, в зоне "золотого сечения". Это - глава **23** в романе, состоящем из **32** глав. Среди гостей, целующих руку Маргариты, персонально названы **25** (инверсия "2 - 5" в одном числе; в связи с этим вспоминаются и **два пятисвечия**, горевшие над Ершалаимом). **Одиннадцатый (2)** по счету гость - Фрида, "женщина лет двадцати" (2). Ее-то и освобождает от мук хозяйка бала, **сто двадцать вторая (5)** из найденных свитой Воланда в Москве Маргарит (2 - символ Фриды, 5 - символ Маргариты). Ходатайствуя за Фриду перед Воландом, Маргарита рискует всем, но она верна понятиям о чести и словно выполняет завет милосердия, полученный ею, первым читателем романа мастера, от Иешуа. Воланд предоставляет Маргарите самой простить несчастную преступницу:

"- Ну, Фрида, - подсказал Коровьев.

- Фрида! - **пронзительно крикнула** Маргарита.

Дверь распахнулась и растрепанная, нагая, но уже без всяких признаков хмеля женщина с испуганными глазами вбежала в комнату и простерла руки к Маргарите, а та сказала величественно:

- Тебя прощают, не будут больше подавать платок.

Послышался вопль Фриды, она упала на пол ничком и простерлась крестом (крест здесь - напоминание о мученической кончине Иешуа, символ искупительной жертвы Христа и христианского милосердия - А.К.-Р.) перед Маргаритой. Воланд махнул рукой, и Фрида пропала из глаз”.

Наказание Фриде, обольщенной хозяином кафе, в котором она служила, и задушившей своего новорожденного младенца платком, заключалось в том, что в течение **тридцати (3)** лет она, просяпаясь, находила у себя на столике этот платок.

Если сто двадцать вторая (5) Маргарита, обнаруженная в Москве, прощает появившуюся в главе **23 (5)** одиннадцатую (2) гостью на балу у Сатаны, Фриду, которая страдала **30 (3)** лет, то в

главе 32 (5) мастер, "номер сто восемнадцатый из первого корпуса" (2), освобождает пятого (5) прокуратора Иудеи, терзания которого длились 12 000 (3) лун. Эти два события имеют значение несущих опор в конструкции романа. Связь между ними подчеркивается, в частности, посредством повтора чисел и инверсий: мастер (2) освобождает Пилата (5); Маргарита (5) освобождает Фриду (2).

"- Двенадцать тысяч лун за одну луну когда-то, не слишком ли это много? - спросила Маргарита.

- Повторяется история с Фридой? - сказал Воланд. - Но, Маргарита, здесь не тревожьте себя. Все будет правильно, на этом построен мир¹.

- Отпустите его, - вдруг пронзительно закричала Маргарита так, как когда-то кричала, когда была ведьмой, и от этого крика сорвался камень в горах и полетел по уступам в бездну, оглашая горы грохотом. Но Маргарита не могла сказать, был ли это грохот падения или грохот сатанинского смеха. Как бы то ни было, Воланд смеялся, поглядывая на Маргариту, и говорил:

- Не надо кричать в горах, он все равно привык к обвалам, и это его не встревожит. Вам не надо просить за него, потому что за него уже попросил тот (отданный игемоном из трусости на казнь Иешуа, последовательницей которого стала Маргарита в истории с Фридой - А.К.-Р.), с кем он так стремится разговаривать, - тут Воланд опять повернулся к мастеру и сказал: - Ну что же, теперь ваш роман вы можете закончить одной фразой!

Мастер как будто этого ждал уже, пока стоял неподвижно и смотрел на сидящего прокуратора. Он сложил руки рупором и крикнул так (ср. с пронзительным криком Маргариты: "Фрида!" - А.К.-Р.), что эхо запрыгало по безлюдным и безлесым горам:

- Свободен! Свободен! Он ждет тебя!

Горы превратили голос мастера в гром, и этот же гром их разрушил². Проклятые скалистые стены упали. Осталась только

¹ Ср. со словами из "Белой гвардии": "Улетающий в черное, потрескавшееся небо Бог ответа не давал, а сам Николка еще не знал, что все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему".

² Это "отражение отражения" символично: реальные Иисус и Пилат стали прототипами героев мастера. Мастер (двойник Булгакова) погиб из-за своего романа. В мире ином он встречается со своим героем (Пилатом) и прощает его в соответствии с волей другого героя - Иешуа, по ходатайству которого он сам обретает покой. Справедливо и милосердно закончить, казалось бы, уже завершенный роман и получить покой мастеру помогает неотрывная от земной жизни и устремленная в область божественного стихия искусства, а именно герои мастера. Так, по Булгакову, осуществляется связь людей в веках и в разных мирах - в многомерном пространстве и в вечности.

площадка с каменным креслом. Над черной бездной, в которую ушли стены, загорелся необъятный город с царствующими над ним сверкающими идолами над пышно разросшимся за много тысяч лун садом. Прямо к этому саду протянулась долгожданная прокуратором лунная дорога, и первым по ней кинулся бежать остроухий пес. Человек в белом плаще с кровавым подбоем поднялся с кресла и что-то прокричал (ср. с воплем прощенной Фриды - А.К.-Р.) хриплым, сорванным голосом. Нельзя было разобрать, плачет он или смеется, и что он кричит. Видно было только, что вслед за своим верным стражем по лунной дороге стремительно побежал и он".

Заслужив право простить, мастер сам навсегда успокаивается:

"... Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я.

Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами памяти стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил на свободу созданного им героя. Этот герой ушел в бездну, ушел безвозвратно, прощенный в ночь на воскресенье сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат"¹.

Возмездие и милосердие по справедливости неотделимы друг от друга. Их равновесием (вопреки распространенному мнению о господстве в "Мастере и Маргарите" идеи возмездия) отмечен мир

---

¹ Ср. "Наутро он (ученик мастера, "сотрудник Института истории и философии, профессор Иван Николаевич Поньрев" - А.К.-Р.) просыпается совершенно спокойным и здоровым. Его исколотая память затихает, и до следующего полнолуния профессора не потревожит никто. Ни безносый убийца Гестаса, ни пятый прокуратор Иудеи всадник Понтийский Пилат".

Мастер - "номер сто восемнадцатый из первого корпуса" (2); Бездомному-Поньреву, последние слова о котором - почти те же, что о мастере, в начале романа 23 (5) года, а в эпилоге переродившийся Иван - "скромно одетый человек лет тридцати или тридцати с лишним", т.е., конечно, "мужчина лет тридцати двух" (5); его фамилия и псевдоним "рифмуются" с фамилией Булгаков; Бездомный - Поньрев, которого в дом скорби препровождает тридцатидвухлетний Рюхин-Шюхин, - двойник мастера, двойника Булгакова. Как тут отрицать осознанную преемственность по отношению к "Повестям Белкина"?

булгаковского романа, и в этом сказывается преемственная связь с миром пушкинского искусства. Булгаков, как и Пушкин, в итоге принимал все на свете ("все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему"; "все будет правильно, на этом построен мир").

Трагический и просветленный финал "Мастера и Маргариты" проникнут милосердием. Читая об освобождении Пилата и мастера, испытываешь катарсис.

В мире "Мастера и Маргариты" все люди ответственны друг перед другом, причем свои грехи каждый оплачивает не только сам - во искупление их кто-то другой должен принести жертву.

"Весельчаки" из свиты Воланда, карающие советских граждан, расплачиваются за свою земную жизнь, служа "части той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо".

Высота жертвенного подвига Иешуа подчеркнута тем, что перед повешением на столб он отказался от наркотического напитка, сказал, "что благодарит и не винит за то, что у него отнята жизнь", а в конце казни оторвался от поднесенной на копье губки и, "стараясь, чтобы его голос звучал ласково и убедительно, и не добившись этого, хрипло попросил палача" за мучившегося рядом убийцу: "Дай попить и ему". Его странное, как выразился Афраний, поведение во время казни ("он все время пытался заглянуть в глаза то одному, то другому из окружающих и все время улыбался какой-то растерянной улыбкой") объясняется не только чудовищным контрастом между расправой с ним и его убеждением в том, что все люди добрые, не только тем, что его не поняли даже верные ему ученики ("эти добрые люди . . . ничему не учились и все перепутали, что я говорил, я вообще начинаю опасаться, что эта путаница будет продолжаться очень долгое время"). Иешуа заглядывает в глаза окружающим и улыбается растерянной улыбкой еще и потому, что он страдает своим палачам, на которых его смерть падет проклятием, и всему роду человеческому, который он обрек на новые испытания - на муки (хотя и очистительные) совести. (Вспомним: понятие "совесть" возникло в христианскую эру).

Христос воскрес в третий день. Предательство игемона стоило ему прижизненных и загробных ("смерти нет") терзаний совести, которые продлились 12 000 (3) лун - такой срок отпущен ему для очищения. Пилат прощен еще и потому, что его угадал родившийся после него спустя два тысячелетия мастер, не только осудивший прокуратора, но и проникшийся состраданием к нему, извлекший из его судьбы урок для себя и для человечества. Этот урок и спасение Пилата мастер оплатил своей трагической жизнью и гибелью. Маргарита получила возможность спасти Фриду, став от

страданий ведьмой. Воланд приводит мастера по просьбе Иешуа к Пилату, чтобы он отпустил созданного им героя. После этого Воланд дарует покой и мастеру - снова в согласии с ходатайством Иешуа. "Тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит", и Банга разделяет удел Пилата, Маргарита - долю мастера; участь мастера отчасти разделяет его ученик, сделавшийся душевнобольным, но прекрасным человеком, - Иван Николаевич Понырев, которому мастер завещал написать продолжение его романа о Пилате. От этого героя мастера Иван Николаевич унаследовал мучительное беспокойство в полнолуние, а с Иешуа его роднит символизирующее их обоих число 9: Иван в психиатрической клинике значился номером 117 (9), Иешуа был казнен в возрасте 27 (9) лет. Круг замкнулся. Так оказываются связанными друг с другом персонажи, жившие на земле в разных веках, пребывающие в разных мирах. Эти миры находятся в многомерном пространстве, в котором, по мысли Булгакова, время есть фикция (см. высказывания изобретателя машины времени в комедии "Блаженство" и в ее варианте, названном "Иван Васильевич").

Так же, как в "Повестях Белкина" и в "Капитанской дочке", в "Белой гвардии" и в "Мастере и Маргарите" автор исповедует нецерковное христианство.

Булгаков дерзко делает ограниченным человеком героя, прототипом которого является евангелист Матфей. Вспомним высказывания Иешуа о Левии Матвее: "Я вообще начинаю опасаться, что эта путаница будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной"; "... Ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но однажды я заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты Бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал". В согласии с этим (хотя и нарочито впадая в преувеличение, ибо он цитирует Берлиоза) Воланд заявляет: "... Ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда, и если мы начнем ссылаться на евангелия как на исторический источник ..."

Иешуа Га-Ноцри - "человек лет двадцати семи" (9); Христос был распят в возрасте 33 (6) лет; "девятка" - перевернутая "шестерка"; так посредством чисел Булгаков подчеркивает связь Иешуа Га-Ноцри с Иисусом Христом и отличия от него¹.

Конечно, Булгаков не сомневался в том, что Христос существо-

---

¹ Вообще числовая конструкция романа сложна и отнюдь не сводится к чередованию "пятерок" и "двоек".

вал¹, и преклонялся перед ним; писатель разделял утверждение Иешуа: "Смерти нет"; короче говоря, Булгаков верил в Бога. Но веру эту никак не называет церковной. (Здесь надо также вспомнить о том, что православная церковь запрещала художнику оперировать числами.) Поэтому-то мастер, двойник Булгакова, не заслужил света, а заслужил покой. Иешуа не принимает его в Рай и просит Воланда о том, чтобы тот взял с собой мастера. Царство Воланда - Ад. Очевидно, мастер и его подруга обретают покой в Лимбе, находящемся в первом круге дантовского Ада. По Данте Лимб - единственное место в Аду, где нет страданий. Здесь носят в воздухе вздохи, порожденные "скорбью без боли". В Лимбе обитают души некрещеных праведников (например, младенцев, не успевших нагрешить, Гомера, Горация, Вергилия, Сократа, Платона . . .). У Булгакова узнаются даже черты дантовского пейзажа. Для того чтобы очутиться в Лимбе, надо пересечь омывающий его ручей и войти в ворота замка. Вечный приют мастера и Маргариты - не замок, но старинный дом с венецианским (итальянским!) окном. К этому дому герой "шел со своей подружкой через каменный мшистый мостик. Он пересек его. Ручей остался позади верных любовников . . ." Лимб находится в верхнем круге Ада; Сатана пребывает на дне прощастии Ада; простившись с мастером и Маргаритой, "черный Воланд . . . кинулся в провал, и, вслед за ним, обрушилась его свита".

Тайно уготовив мастеру место в Лимбе, автор указал на преемственность своего романа, пронизанного числами, по отношению к "Комедии", с которой неразрывно связан "Выстрел", что вряд ли не знал Булгаков. Думаю, он как никто другой из писателей постиг пушкинскую тайнопись, но скрывал это во имя эзотерики собственного творчества, для того чтобы самому использовать такие шифры.

И у Пушкина, и у Булгакова числа имеют мистическое значение. Для того чтобы его понять, следует установить, на какие традиции опирался каждый из них, создавая числовые шифры. По-видимому, среди общих для Пушкина и Булгакова источников - астрология. Не исключено, что числовая конструкция имеет в "Мастере", как и в "Повестях Белкина", также автобиографическую подоплеку. Как бы то ни было, сначала надо хотя бы в общих чертах выявить саму числовую конструкцию, что и явилось одной из задач данной работы.

В "Мастере и Маргарите" раздается эхо одного имеющего кон-

---

¹ Примечательны фразы Воланда: "Имейте в виду, что Иисус существовал"; "Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует. О большем я уж вас и не прошу".

цепционное значение мотива из "Белой гвардии", связанного с творчеством Пушкина. В гл. 1 доказывалось, что оппозиция "кот - кот" - мистическая: "кот" - символ сатанинского начала, воплощенного в бесовском сукином коте гетмане, душа у которого - черная; белый "кот" - символ чести, веры, милосердия и спасения, который восходит к "Метели", рассказанной девицей КИТ, "Капитанской дочке" и (вместе с этими пушкинскими произведениями) к Книге пророка Ионы. Иона побывал в чреве большой рыбы или (согласно славянскому переводу Библии) кита. Напомнив обо всем этом, привожу цитату из главы "Великий бал у Сатаны", где у Маргариты произошло единственное столкновение с шутком Бегемотом, взбесившим ее высказыванием, чуждым милосердию:

" - К ней (к Фриде - А.К.-Р.) камеристка приставлена, - пояснил Коровьев, - и тридцать лет кладет ей на ночь на столик носовой платок. Как она проснется, так платок уже тут. Она уж и сжигала его в печи и топила его в реке, но ничего не помогает.

- Какой платок? - шептала Маргарита, подымая и опуская руку.

- С синей каемочкой платок. Дело в том, что когда она служила в кафе, хозяин как-то зазвал ее в кладовую, и через девять месяцев она родила мальчика, унесла его в лес и засунула ему в рот платок, а потом закопала мальчика в земле. На суде она говорила, что ей нечем кормить ребенка.

- А где же хозяин этого кафе? - спросила Маргарита.

- Королева, - вдруг заскрипел снизу кот, - разрешите мне спросить вас: при чем же здесь хозяин? Ведь не он душил младенца в лесу!

Маргарита, не переставая улыбаться и качать правой рукой, острые ногти левой вонзила в Бегемотово ухо и зашептала ему:

- Если ты, сволочь, еще раз позволишь себе впутаться в разговор . . .

Бегемот как-то не по-бальному вспискнул и захрипел (как задущенный младенец - А.К.-Р.):

- Королева . . . ухо вспухнет . . . Зачем же портить бал вспухшим ухом? . . . Я говорил юридически . . . с юридической точки . . . **Считайте, что я не кот, а рыба, только оставьте ухо**".

Обещая стать нем как рыба, Бегемот словно готов превратиться в свою противоположность: из кота, слуги Сатаны, сделаться посланницей Бога, спасительной рыбой. Если бы существовало выражение "нем как кот", он мог бы сказать и так: "Считайте, что я не кот, а кит".

Намекнув на оппозицию "кот - кит" в своем последнем романе,

Булгаков подчеркнул его связь с "Капитанской дочкой" и "Метелью", а также с первым своим романом. Кстати сказать, в "Белой гвардии" 20 (2) глав и 3 части (2 - инверсия числа 5; 2+3=5), а в "Мастере" 32 (5) главы и 2 части. Строение обоих романов содержит числовую инверсию, и последний роман по своему строению инверсионен в сравнении с первым. Напомню, с помощью такого приема подчеркнуты связь и контраст между "Выстрелом", датированным 14 (5) числом, и "Метелью", датированной 20 (2) числом, "Станционным смотрителем", датированным 14 (5) числом, и "Барышней-крестьянкой", датированной 20 (2) числом.

Прозу Булгакова в его вершинном творении, "Мастере и Маргарите", роднит с пушкинской многое, в том числе - естественность, ясность, стройность, прозрачность, лаконизм, музыкальность и угадывающееся присутствие тайны. Все это нерасторжимо связано с молчаливым приобщением Булгакова к пушкинской технике "рифм" и обращения с числами.

"Поединок" Александра Рюхина - Пюхина с памятником Пушкину, сочетание инициалов Рюхина и Бездомного и соотношение их возрастов в начале романа (23 и 32 года) напоминают о "Выстреле". И неудивительно, что в безумных и кощунственных словах Рюхина ("Повезло, повезло! Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие . . .") скрыто понимание Булгаковым главной мысли повести ("не убий") и того, что есть связь между "Выстрелом" и дуэлью Пушкина с Дантесом.

8

Только на пороге кончины Пушкина нашло разрешение его двойственное отношение к дуэли как к пережитку и как к необходимому средству отстаивания чести, и он сравнялся с тем требованием, которое предъявил себе повестью, слышанной от подполковника И.Л.П. Последняя дуэль Пушкина и его уход из этого мира словно предсказаны в "Выстреле" и стали развязкой первой повести Белкина. Для того чтобы понять это, надо сравнить путь, пройденный Сильвио, с пушкинским.

Как заметил Булгаков устами Рюхина, Пушкину не было позволено стать убийцей (ему повезло). Судьба хранила и Сильвио. При этом она внешне потакала ему, обуреваемому самоубийственными стремлениями, но вела его совсем не к той цели, к которой, как ему казалось, он направляется.

В буйстве молодого Сильвио выразилась его суетная страсть к славе. Будучи участником большинства дуэлей, поминутно случавшихся в его полку, он почти неминуемо стал бы убийцей или был бы убит. Судьба устроила его дуэль с Бурминным так, чтобы он,

составив ужасный план мщения, отказался от выстрела и зарекся стреляться до тех пор, пока не расквитается с графом.

Удалившись в глухое местечко, где ему легче было пренебрегать мнением общества при отказах от поединков, Сильвио был озлоблен на Судьбу, которая на самом деле ему благоволила - например, он не вызвал и потому не убил поручика Р***. Как удар Судьбы воспринял Пушкин ссылку в 1820 г., но позже понял, что все шло к лучшему: в частности, благодаря изгнанию он не стрелялся с Толстым, не только опаснейшим дуэлянтом, но и своим будущим сватом.

Судьба позволила Сильвио подчинить жизнь жажде прикончить Бурмина и таким образом на протяжении шести лет лишала его возможности сделаться убийцей. По ее же воле он достиг соперника не перед его свадьбой, но после, и появление Марьи Гавриловны спасло жизнь Бурмину и душу Сильвио. Казалось бы, обстоятельства способствовали тому, чтобы мщение оказалось особенно ужасным. Сильвио хотел застрелить счастливого молодого человека на глазах его жены, но он недооценил свои силы в борьбе с тем хорошим, что в нем было, и не сумел преступить заповеди "не убий".

Интересно, что именно злоба не дала ему выстрелить в первом поединке ("... волнение злобы было во мне столь сильно, что я не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступал ему первый выстрел"). Дрожь в руках - симптом того, что, горя желанием убить, он насилует свою природу. При новой встрече с Бурминым у Сильвио дрожит (что там рука!) голос: << "Ты не узнал меня, граф?" - сказал он дрожащим голосом >>. Он испытал несказанное облегчение, когда понял, что не сумеет выстрелить в Бурмина: "Тут он было вышел, но остановился в дверях, оглянулся на простреленную мною картину, выстрелил в нее, почти не целясь, и скрылся". - Рука не дрогнула.

Участие убийцы избежал и герой повести А.А.Бестужева (Марлинского) "Вечер на бивуаке", из которой взят второй эпиграф к "Выстрелу". Мечин, гусарский подполковник¹, рассказывает товарищам о том, что был тяжело ранен на дуэли, защищая честь девушки, которая была почти его невестой, и, выздоровев, узнал, что она выходит замуж за его соперника. Тут рассказчик произносит фразу, вошедшую в эпиграф к "Выстрелу": "Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел)".

---

¹ Сильвио и Бурмин служили в гусарах; рассказчик "Выстрела" - подполковник; в этом же чине выходили в отставку Толстой и Липранди, прототипы Сильвио и И.Л.П.

Сделать этот выстрел ему, как Сильвио, было не суждено. Наутро он получил повеление ехать в южную армию (Пушкина от поединка с Толстым уберегла ссылка на юг), что случилось стараниями его друга, который поехал с ним и удержал его от самоубийства. Рассказчик говорит: "... Он спас мою совесть от двух убийств..." - от убийства соперника и от самоубийства. (Толстой, прототип Сильвио, был спасен своей будущей женой от самоубийства; Сильвио спасен Судьбой от двух убийств - он не вызвал поручика Р*** и не выстрелил в Бурмина, избежав таким образом духовного самоубийства.) В доказательство того, что соперник Мечина - человек без чести и совести, тот же друг передал Мечину проигранный этим человеком опрарвленный в бриллианты медальон - подарок упомянутой дамы.

"Подполковник снял его с груди и показал офицерам.

- Пусть мне тупым кремнем отпилят голову, если я вижу тут что-нибудь! - вскричал Ольский. - Вся эмаль разбита вдребезги.

- Провидение, - продолжал подполковник, - сохранило меня от смерти... пуля сплоснулась на портрете Софьи, но не пощадила его".

Такое попадание пули в медальон подобно пуле, которую Сильвио всадил на пулю Бурмина. Эти выстрелы, символизирующие в повести расчет Пушкина с самим собой, прилились в картину, что снова заставляет вспомнить "Комедию". Беатриче обращается к Данте ("Чистилище", XXXIII)¹:

Но так как ты, - мне угадать нетрудно, -

Окаменел и потускнел умам

И свет моих речей приемлешь скудно,

Хочу, чтоб ты в себе их нес потом,

Подобно хоть не книге, а картине,

Как жезл приносят с пальмовым листом.

"Выстрел" в известном смысле - картина жизни Пушкина, написанная им в назидание самому себе.

В доме Бурмина картина, которая "была прострелена двумя пулями, всажеными одна на другую", "изображала какой-то вид из Швейцарии". Это - намек на шиллеровскую драму "Вильгельм Телль" и на меткость ее главного героя. То же относится к фразе из первой части повести: "Искусство, до коего достиг он, было невероятно, и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было (Телль пробил яблоко, положенное на голову его сына - А.К.-Р.), никто бы в нашем полку не усумнился подставить ему своей головы". По-моему, эти намеки - тайное указание на то,

¹ 3+3=6. Идея "Выстрела" выражается словами шестой заповеди.

что "Выстрел", как и "Вильгельм Телль", проникнут идеей милосердия. В финале драмы Шиллера мысль автора выражает Вальтер Фюрст: "Бесплодна месть - она убийства жаждет", а Телль отпускает на свободу врага Швейцарии, отцеубийцу.

П а р р и ц и д а

... О, сжалось, Телль! О, будьте человечны! .

(Падает перед ним на колени.)

Т е л л ь *(отворачиваясь)*

Да встаньте! Встаньте эс!

П а р р и ц и д а

Нет, прежде руку помощи подайте.

Т е л л ь

Как вам помочь? Что вам людская помощь?

Но встаньте . . . Пусть ужасно злодеянье -

Вы человек . . . Я тоже человек.

Телль безутешного не оттолкнет.

Что в силах сделать - сделает.

П а р р и ц и д а *(подбежав, хватая Телля за руку)*

Ах, Телль!

Вы душу от отчаянья спасете.

Т е л л ь

Да отпустите руку! Вам пора.

Тут скрыться невозможно, вас настигнут.

Надеяться нельзя вам на защиту . . .

Где вы приют найдете?

П а р р и ц и д а

Я не знаю.

Т е л л ь

Господь внушил мне вот такую мысль:

В Италию спешите, к папе, в Рим!

И там, у ног святейшего отца,

Томящуюся душу успокойте.

Концовка драмы, прославляющей свободу, главным борцом за которую является Телль, выражает, в частности, ту мысль, что обнажать оружие можно только во имя свободы. За свободу Греции пал Сильвио¹.

Пушкин был смертельно ранен на дуэли спустя шесть (вспом-

---

¹ Содержащиеся в "Выстреле" намеки на драму Шиллера имеют числовое подтверждение. Упомянутый выстрел Телля происходит в III сцене III действия (3+3=6), а диалог Телля с Паррицидой - во II сцене V действия (2+5=7). Инициалы рассказчика "Выстрела" символизируют шестую заповедь, а его чин 7-го класса характеризует его как двойника Пушкина, Сильвио, графа Б*** и поручика Р***, символом которых является число 7.

ним о громадной роли этого числа в "Выстреле"! лет после того, как написал "Повести Белкина" и женился. Он стрелялся с Дантесом, отстаивая честь своей семьи, достоинство национального писателя и независимость от бюрократической государственной власти и светской черни. Условия дуэли делали неизбежным ее смертельный исход. "Ужас сопровождал их бой. Они дрались, и дрались на смерть. Для них уж не было примирения, и ясно видно было, что для Пушкина нужна была жертва или погибнуть самому" (А.П.Языков - А.А.Катенину¹).

"Пушкин упал на шинель, служившую барьером, и остался неподвижным, лицом к земле" (Виконт д'Аршиак - кн. П.А.Вяземскому).

"Секунданты бросились к нему, и, когда Дантес намеревался сделать то же, Пушкин удержал его словами:

- Attendez! Je me sens assez de force, pour tirer mon coup. (Подождите! Я чувствую в себе достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел².)

"После слов Пушкина, что он хочет стрелять, г. Геккерен возвратился на свое место, став боком и прикрыв грудь свою правую рукою" (К.К.Данзас - кн. П.А.Вяземскому).

"При падении Пушкина пистолет его попал в снег и потому Данзас подал ему другой. Приподнявшись несколько и опершись на левую руку, Пушкин выстрелил" (А.А.Аммосов).

"Пушкин, полулежа, уперся в какую-то перекладину старых перил, тут лежавшую, для того, чтобы ловчее целиться" (Н.Н. со слов полковых товарищей Дантеса и, по-видимому, самого Дантеса. Письмо к издателю Рус.Арх., 1908).

"На коленях, полулежа, Пушкин целился в Дантеса в продолжении двух минут и выстрелил в него так метко, что, если бы Дантес не держал руку поднятой, то непременно был бы убит; пуля пробила руку и ударилась в одну из металлических пуговиц мундира, причем все же вдавила Дантесу два ребра" (А.А. Щербинина).

"Геккерн упал, но его сбила с ног только сильная контузия; пуля пробила мясистые части правой руки, коею он закрыл себе грудь, и, будучи тем ослаблена, попала в пуговицу, которую панталоны держались на подтяжке против ложки: эта пуговица спасла Геккерна. Пушкин, увидя его падающего, бросил пистолет вверх и закричал:

- Bravo!

---

¹ Цит. по: В е р е с а е в В. Указ. соч. С. 118.

² Ср. со вторым эпиграфом к "Выстрелу".

Между тем кровь лила из раны" (В.А. Жуковский - С.Л. Пушкину) ¹.

Пушкин проявил грандиозное мужество, прицеливаясь в течение двух минут и сумев выстрелить наверняка. Его выстрел должен был на месте прикончить Дантеса. Но по воле Промысла Пушкину не дано было (как и героям "Выстрела") стать убийцей. Выстрел оказался фантастически и спасительно метким. Попадание пули в пуговицу словно предсказано в первой повести Белкина выстрелом Бурмина, пробившим Сильвио фуражку на вершок ото лба, упоминаниями о выстреле Телля и о медальоне, уберегшем от пули грудь рассказчика повести "Вечер на бивуаке", и более всего выстрелом Сильвио, всадившего в картину свою пулю на пулю Бурмина.

Пушкину, как Сильвио, открылось, что он не желает убивать соперника:

"Выстрелив, г. Пушкин снова упал. Почти непосредственно после этого он два раза впадал в полубморочное состояние, на несколько мгновений мысли его помутились. Но тотчас же он вполне пришел в сознание и больше его уже не терял" (Виконт д'Аршизак - кн. П.А. Вяземскому).

"Придя в себя, Пушкин спросил у д'Аршиака:

- Убил я его?

- Нет, - ответил тот, - вы его ранили.

- Странно, - сказал Пушкин, - я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет . . . Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, мы снова начнем" (кн. П.А. Вяземский - вел. кн. Михаилу Павловичу) ².

На смертном одре, в невероятных мучениях, Пушкин достиг, наконец, того уровня жизненного поведения, который он задал себе "Выстрелом": <<Данзас сказал ему, что готов отомстить тому, кто его поразил. - "Нет, нет, - ответил Пушкин, - мир, мир">> (А.Н. Веневитинова - С.Л. Пушкину со слов Е.А. Карамзиной) ³.

"Выстрел" оказался не только покаянием, но и пророчеством.

Рассказчик "Выстрела" подполковник И.Л.П. - символ заповеди "не убий", при этом он является двойником Пушкина и пушкинского двойника Белкина. Пора сказать о том, что Белкин тоже не только двойник Пушкина и И.Л.П., но и символ.

Вспомним: в каждой повести показывается, что смирение человека, принятие им мира и своей судьбы есть непременно условие

---

¹ В е р е с а е в В. Указ. соч. С. 119.

² Там же.

³ Там же. С. 131.

его счастья; в "белкинском" цикле почти все совершается против воли героев - к их счастью, из чего следует: человек мал, слаб и неразумен перед лицом высшей воли. Поэтому фамилия Белкин в символическом смысле означает: человек - белка в колесе Фортуны.

Так Пушкин не только выразил одну из философских посылок цикла, но и подчеркнул ее связь с античной культурой, не противореча при этом христианскому духу "Повестей", - традиция использовать термины "Fortuna" и "Fatum" как синонимы понятия "Провидение" восходит к европейскому Средневековью. Учитывая связь "Повестей Белкина" с "Комедией", надо заметить, что в "Комедии" Вергилий попрекает Данте за мысль, будто Фортуна держит <<"в когтях своих" счастье всех племен ("Ад", VII), и поясняет: она - исполнительница Божьей воли. Бог, распределяя власть ангелов над светом небесных сфер, дал Фортуне сферу мирского блеска. < . . . > Фортуна, говорит Вергилий, нужно хвалить (что втайне делает Пушкин в "Повестях Белкина" - А.К.-Р.), а не клясть. Очевидно, он имеет в виду губительную возможность торжества "пустого счастья", полного подчинения одних другим, если бы "счастьем" стали распоряжаться люди>>¹. В связи с тем что эзотеричное пушкинское учение о счастье, "Повести Белкина", - произведение глубоко русское и к тому же имеющее отношение к астрологии, следует упомянуть о взаимосвязи в древнерусских представлениях "счастливого колеса" со "звездным движением"².

Символическое значение фамилии Белкин указывает на античную культуру как на один из корней пушкинского творчества и связывает этот корень с двумя другими - европейской христианской культурой и древнерусской.

Именем Белкина Иван символизируются народность пушкинских повестей из русской жизни, их национальный характер и значение для отечественной словесности.

Отчество Петрович дано Белкину не только оттого, что он - духовный сын Петрарки, которого, как было показано, Пушкин сделал наряду с собой прототипом Белкина. В этом отчестве цикл отражен как неперковная проповедь христианской нравственности (апостол Петр - основатель церкви Христовой). Религиозность "Повестей" выражена, в частности, посредством играющих в них громадную роль чисел, что не согласуется с предписаниями православия. Числовая конструкция в цикле - элемент европейской культуры. Включенность в нее "Повестей" символизируется отчеством Петрович, которое, как и фамилия Белкин, "ведет в Рим".

¹ Доброхотов А. Указ. соч. С. 104.

² См.: Карев В. Судьба//Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 474.

Но если фамилия напоминает о древнеримской богине Фортуне, то отчество - о том, что в Риме был распят апостол Петр, что Рим стал центром христианской Европы, что в Риме Петрарка возродил античную традицию коронования поэтов и возложил свой лавровый венок на алтарь собора Святого Петра, символизировав тем самым начало эпохи Возрождения.

Отстаивая вслед за Данте и Петраркой, с творчеством которых неразрывно связаны "Повести Белкина", союз античной и христианской культур, Пушкин при этом воздвиг своим циклом арку, соединяющую русскую культуру с европейской.

Философскую концепцию "Повестей Белкина" вряд ли правомерно рассматривать вне связи с тем, что в XVIII-XIX вв. идея Бога нередко (куда чаще, чем в XVI-XVII вв.), утрачивая прежнюю определенность, трансформировалась в идею Судьбы. Отсюда, например, возникновение в конце XVIII в. в музыке (эволюционировавшей с запозданием по отношению к литературе и живописи) мелодий и мотивов, символизирующих Судьбу, и большое их значение в творчестве композиторов XIX в.; отсюда же появление в русской литературе (вслед за "Повестями Белкина") состоящего из повестей романа "Герой нашего времени", последняя часть которого - "Фаталист"; отсюда и характерная для французского вольнодумства XVIII в. тяга к рассмотрению проблемы Судьбы как проблемы Случая. Философии Случая не был чужд и Пушкин, о чем, в частности, свидетельствуют <<Заметка о "Графе Нулине">> и "Пиковая дама". В "Повестях Белкина" содержится некий эквивалент комбинации "тройка, семерка, туз" (вспомним хотя бы дату окончания цикла). Порой неясно, Предопределение или Случай решает участь героев¹. (Например: "Таким образом вражда старин-

¹ Конечно, такой вопрос можно отнести к великому множеству произведений (это не противоречит сказанному о символическости его постановки применительно к "Повестям Белкина" как явлению искусства XIX в.). Как указывает в названной выше статье В.Карев, "в мифологии монотеистических религий (иудаизм, христианство, ислам) функции судьбы в принципиально переосмысленном (в сравнении с античными ее истолкованиями - А.К.-Р.) виде поглощаются концепцией божественного провидения, согласно которой все сущее, включая жизнь, поступки и действия каждого человека, детерминировано (предопределено) волей единого и всемогущего бога. Однако победа монотеистического бога над судьбой, избавляющая человека от превратностей судьбы как иррационального начала, не избавляет его от иррациональности реального социального бытия, которая лишь усугубляется фаталистической концепцией предопределения, характерной для некоторых направлений в христианстве и исламе. < . . . > Вследствие этого идея судьбы, выходя из сферы мифа (античного - А.К.-Р.), продлевает свое существование в сфере философско-теологических спекуляций, художественно-поэтической символики и пр."

ная и глубоко укоренившаяся, казалось бы, готова была прекратиться от пугливости купой кобылки". Вспоминается "Песнь о вещем Олеге", где участь героя предопределена и связана с конем.) Фортуна - богиня Судьбы и Случая, с чем также связана фамилия-символ автора, от имени которого Пушкин в автобиографичном и эзотеричном опусе изложил учение о счастье.

Залогом счастья, толкует Пушкин читателю, имеющему уши, является верность нравственным основам христианства, и цикл выстроен так, чтобы пять повестей последовательно соответствовали ветхозаветным заповедям - с шестой по десятую.

Идея "Выстрела" выражается словами заповеди "не убий".

Заповедь "не прелюбодействуй" отражена в "Метели". Последнее очистительное испытание для Марьи Гавриловны и Бурмина - объяснение в любви, при котором каждый из них хранит верность неведомому супругу и вплоть до развязки убежден, что им надлежит расстаться. Выдержав этот экзамен, они обретают счастье.

"Трбовщик" соотносится с заповедью "не укради".

Трагедия Самсона Вырина в том, что он не поверил в счастье Дуни, посетил Минского негодяем, который непременно бросит его дочь, а ей в своих мыслях уготовил удел проститутки, которую в наказание заставят мести улицу вместе с голью кабацкой, о чем он поведал рассказчику, заключив свое повествование пожеланием Дуне могилы. В результате он сам погиб, спившись. Отсюда вывод: "Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего".

"Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как Бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю", - заявил своему сыну Иван Петрович Берестов. Но Алексей, полюбивший Акулину - не барышню своего круга, а крепостную крестьянку, - пренебрег этой угрозой. И уж, конечно, он и думать не мог о приданом, которое мог бы получить за Лизой, или о пользе, которую мог бы извлечь из близкого родства Муромских с графом Пронским (графом Б***?), человеком знатным и сильным. Он вел себя бескорыстно: "В первый раз видел он ясно, что он в нее страстно влюблен; романтическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову¹, и чем более он думал о сем решительном поступке, тем более находил в нем благоразумия". Не безумства, а благоразумия! И правильно, ибо счастье ему принесет соблюдение десятой заповеди: "не желай дома ближнего

---

¹ Чудная инверсия в отношении романтической любви Маши Р** к бедному армейскому прапорщику и ее попытке бегства с ним из отчего дома; впрочем героиню "Метели" под венец к Бурмину привело-таки ее неразумное романтическое воображение (в "Повестях Белкина" все - к лучшему).

твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего”.

“Барышня-крестьянка” помогает вместе с “Метелью” понять эпиграф к циклу.

Эти две “дамские” повести - ближайшие родственницы, их герои - “из рода Пушкиных”: фамилия **Берестов** “рифмуется” с фамилией пушкинского двойника **Белкина**; старший Берестов - полный тезка сочинителя **Ивана Петровича**; его сына зовут **Алексеем** - как пушкинского двойника **Бурмина**; фамилия которого “рифмуется” с фамилией **Муромский**; титул и “рифма” инициалов объединяет **Бурмина (графа Б***)** с близким родственником **Муромских графом Пронским**, инициал фамилии которого не может не напомнить об издателе **А.П.**, о рассказчике **И.Л.П.** и, следовательно, о самом **Пушкине**; инициал имени **Григория Ивановича Муромского** - тот же, что у ненарадовского **Гаврилы Гавриловича Р****, напоминающего, в свою очередь, о выведенном в “**Борисе Годунове**” **Гавриле Григорьевиче Пушкине** (очевидно, его отчеству обязан своим именем **Муромский**); прототип **Марьи Гавриловны** - сестра поэта **Ольга Сергеевна**; в очаровательной смуглянке (противоположение к бледной **Маше Р****) **Лизе Муромской** тоже угадывается пушкинская порода; обе героини происходят из деревень с лучезарными названиями - **Ненарадово** и **Прилучино**¹; обе переписывались со своими возлюбленными (вспомним, кстати, что **Пушкин**, запертый в **Болдине**, состоял осенью 1830 г. в переписке с **Гончаровой**).

---

¹ Несомненна связь этих названий с производной от глагола потрафить (угодить) фамилией **Трафилин**: **Ненарадово** и **Прилучино** принадлежат представителям “трафилинской ветви” **белкинского** рода. **Пелагея Гавриловна Белкина**, сестра или дочь ненарадовского помещика **Гаврилы Гавриловича Р****, была “из дому **Трафилиных**”; дочь владельцев **Ненарадова Марьи Гавриловны Р**** и **графа Бурмина (Б***)** - **Марья Алексеевна Трафилина**; имя и инициалы **Гаврилы Гавриловича Р**** - намек на **Гаврилу Григорьевича Пушкина**; на него же, **муромского воеводу**, и его сына **Григория, пронского воеводу**, намекают имя и фамилия **прилучинского помещика Григория Муромского** и родственника **Муромских, графа Пронского**; последний - **граф**, как **Бурмин (Б***)**; “рифмуются” фамилии **Бурмин** и **Муромский**. Если хозяева **Ненарадова** и **Прилучина** - “из дому **Трафилиных**”, то **Белкиным** и **Берестовым** (родство проявляется не только в отмеченной “рифме”, но и в совпадении имени-отчества старшего **Берестова** и младшего **Белкина** - **Иван Петрович**) принадлежат **Горюхино** и **Тугилово**. Эти грустные названия тоже связаны с фамилией-символом (человек - белка в колесе **Фортуны**).

Лизой и Алексеем "почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба", с чем гармонируют их "лесные" русские фамилии. Лиза - не карамзинская европеизированная сентименталистская простолюдинка, не бедная Лиза, а счастливая русская барышня, наряжающаяся крестьянкой (подобно Пушкину, разгуливавшему, бывало, окрест Михайловского в странном простонародном облачении), - **Муромская** (муромские леса знамениты . . . и находятся неподалеку от середины пути из Болдина в Москву, где ждала Пушкина Гончарова). Алексей - **Берестов**, что напоминает о его роли учителя грамоты (на Руси грамоты - берестяные).

Алексей наделен чертами, сближающими его с юным Пушкиным. Добрый и пылкий малый, окончивший университет в 1817 или 1818 г. (Пушкин в 1817 г. вышел из Лицея) и мечтавший вопреки воле отца служить в гусарах (на всякий случай были отпущены усы), он явился в кругу уездных барышень "мрачным и разочарованным", "говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности"¹, но "молодая красавица всегда имела право на его воображение".

"Барышни поглядывали на него, а иные и заглядывались, но Алексей мало ими занимался, а они причиной его нечувствительности полагали любовную связь. В самом деле, ходил по рукам список с адреса одного из его писем: *Акулине Петровне Курочкиной, в Москве, напротив Алексеевского монастыря, в доме медника Савельева, а вас покорнейше прошу доставить письмо сие А.Н.Р.*"

А вот это уже имеет отношение к болдинскому Пушкину! Ведь адресат Алексея не какой-нибудь, не, скажем, Р.А.К. или Т.Н.С., а именно А.Н.Р., что в контексте "Повестей Белкина" расшифровывается как Александр и Наталья Pouchkine или как **Н**Аталья Pouchkine. Повесть тайно посвящена возлюбленной, которую Александр Pouchkine, творивший в болдинском заточении, в мечтах видел своей женой. Отсюда и "нечувствительность" к уездным барышням прибывшего в свою отчину Алексея Берестова, отсюда и "**Алексеевский монастырь**" (то бишь "**Александровский**").

Письмо для передачи А.Н.Р. Алексей посылает на адрес **Акулины** Петровны Курочкиной. Именно Акулиной рекомендуется

---

¹ В 1820 г. Пушкин писал:

Минутной младости минутные друзья . . .

В 1826 г., в главе VI "Онегина" сказано:

Ужель и впрямь и в самом деле

Без элегических затей

Весна моих промчалась дней

(Что я шутя твердил доселе)?

Алексею изображающая крестьянку Лиза Муромская. Она выдает себя за дочь Василья-кузнеца, а Курочкина проживает в доме медника (обе профессии - "металлические"), что тоже связывает между собой этих Акулин.

Отчество Акулины Курочкиной - Петровна - роднит ее с пушкинским двойником, сочинителем Белкиным, инициал ее имени - тот же, что у белкинского родственника и однолетки Алексея Берестова (еще одного пушкинского двойника), а инициал ее отчества "рифмуется" с инициалом фамилии той (А.Н.Р., втайне названной в "Барышне-крестьянке" Натальей Pouchkine), кому она вручает берестовские письма.

Алексей Берестов, в коего перевоплотился Пушкин, адресуется к прилучинской крестьянке Акулине, но на самом деле переписывается с Лизой Муромской, своей будущей супругой, которая читает его послания, сменив крестьянский наряд на домашнее платье, как бы передав их от Акулины Лизе; тот же Алексей и тоже через Акулину (но уже Петровну, словно сестру пушкинского двойника Белкина) шлет письма в Москву будущей жене Пушкина. Все это - еще одно свидетельство того, что через посредство Алексея Берестова Александр Пушкин тайно обращается к Наталье Гончаровой. Кстати сказать, под руководством Алексея Лиза в роли крестьянки <<"на третьем уроке уже разбирала по складам "Наталью, боярскую дочь">>, повесть Карамзина, столь же известную, как "Бедная Лиза", где рассказывается о счастливой любви Натальи и Алексея.

Социальная дистанция между крестьянкой, дочерью Василья-кузнеца, и помещицей Лизой Муромской та же, что между московской простолюдинкой Акулиной из дома медника и аристократкой с Большой Никитской, дворянской (по-старинному - боярской) дочерью Натальей Гончаровой. В контексте повести фамилия Курочкина имеет амурную подоплеку, что подтверждается "рифмой" инициалов: Курочкина - Гончарова. Теперь можно заметить, что инициалы А.Н.Р. расшифровываются также как Акулина-Наталья Pouchkine (причем фамилии Pouchkine и Гончарова сводятся к псевдониму Grafilin).

У А.Н.Р. инициал фамилии - тот же, что у Маши Р**¹. Так подтверждается родство повестей, рассказанных девицей К.И.Т., в каждой из которых героиня символизирует Гончарову, а герой -

---

¹ Обратим внимание на различие в аббревиатурах: Маша Р**, поручик Р***. В первом случае 2 звездочки - число, символизирующее Гончарову, во втором - количество звездочек символизирует Пушкина. Сделавшись женой графа Бурмина, пушкинского двойника, Маша Р** превратилась в графиню Б***.

Пушкина. Родство подчеркнуто как сходством, так и инверсиями. Например, в "Метели" успех имели "военные действия" Марьи Гавриловны¹, а в "Барышне-крестьянке" "прекрасное военное движение Алексеево пропало втуне"². Весьма показательное сравнение концовок этих повестей. "Боже мой, Боже мой! - сказала Марья Гавриловна, схватив его за руку: - так это были вы! И вы не узнаете меня?" В заключительной сцене "Барышни-крестьянки", напротив, герой схватывает руки героини, узнав в Лизавете Григорьевне Акулину, а она "не узнает" его: <<Он вошел . . . и остолбенел! Лиза . . . нет Акулина, милая смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платице, сидела перед окном и читала его письмо³; она была так занята, что не слыхала, как он вошел. Алексей не мог удержаться от радостного восклицания. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотела убежать. Он бросился ее удерживать. "Акулина, Акулина! ." Лиза старалась от него освободиться . . . "Mais laissez-moi donc, monsieur, mais êtes-vous fou?"⁴ - повторяла она, отворачиваясь. "Акулина! Друг мой, Акулина!" - повторял он, целуя ее руки. Мисс Жаксон, свидетельница этой сцены, не знала, что подумать>>.

В "Метели" благодаря эпиграфу тайно звучит резюме "Светланы" ("Улыбнись, моя краса . . ."), что означает: повесть посвящена Гончаровой. Эпиграф к "Барышне-крестьянке" из "Душеньки" И.Ф.Богдановича ("Во всех ты, душенька, нарядах хороша") непосредственно соотносится с сюжетом повести и указывает на Лизу, но при этом он, конечно же, тайно обращен к Гончаровой и не оставляет сомнений в том, что заключительная часть "Повестей Белкина" тоже посвящена ей. Числовое тому подтверждение зак-

---

¹ "Ее военные действия имели успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость и черные глаза его с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка".

² "Алексей размышлял о том, какую роль играть ему в присутствии Лизы. Он решил, что холодная рассейность во всяком случае всего приличнее, и вследствие сего приготовился. Дверь отворилась, он повернул голову с таким равнодушием, с такою гордою небрежностью, что сердце самой закоренелой кокетки должно было бы содрогнуться. К несчастью, вместо Лизы, вошла старая мисс Жаксон, набеленная, затянута, с потупленными глазами и маленьким книжком, и прекрасное военное движение Алексеево пропало втуне. Не успел он снова собраться с силами, как дверь опять отворилась, и на сей раз вошла Лиза".

³ Ср.: Бурмин, пришедший к Марье Гавриловне объясниться, нашел ее "у пруда, под ивою, с книгою (у Лизы в руках было письмо - А.К.-П.) и белом платье . . .".

⁴ "Оставьте же меня, сударь; с ума вы сошли?"

лючается в том, что эпиграф взят из второй части "Душеньки" (число 2 в "Повестях" - символ Гончаровой).

Поэма Богдановича - свободное переложение мифа об Амуре и Психее. Психе - душа; отсюда имя Душенька, обусловленное еще и тем, что автор прославляет ее душу, столь же прекрасную, как она сама, не имевшая соперниц во всем мире. Таким же было отношение Пушкина к своей избраннице, которую можно назвать душой "Повестей Белкина": "Гляделась ли ты в зеркало, - писал он в 1833 г., - и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, - а душу твою люблю я еще более твоего лица"¹.

У Гончаровой, как у Душеньки, было две старшие сестры.

Послушная предсказанию Оракула (призыв к покорности Судьбе - один из лейтмотивов в "Повестях Белкина"), Душенька направляется (вопреки страхам родни) к неизвестному ей суженому на вершину неведомой ей горы - оказывается, на Парнас. В метафорическом смысле туда же лежал путь невесты Пушкина.

Эпиграф к "Барышне-крестьянке" - одно из пушкинских пророчеств. Когда Наталья Николаевна Пушкина появилась при дворе и была представлена императрице, о ее светских успехах с восторгом сообщала сестра поэта (прототип героини "Метели"): <<... Она принята в самом высоком кругу, и вообще говорят, что она всех красивее, ее прозвали "Психеей"!>>

Сравним последние строки "Метели" и "Барышни-крестьянки": "Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам..."; "В эту минуту дверь отворилась, и Григорий Иванович вошел².

- Ага! - сказал Муромский, - да у вас, кажется, дело совсем уже слажено.

---

¹ П у ш к и н А. С. Т. 10. С. 342.

² Какой дивный театр! Минуту назад Алексей, к досаде своей, услышал от слуги, что "Григорий Иванович с утра изволил выехать"; так Муромский ненароком отправил Алексея объясняться с Лизой - тот пошел отказываться от ее руки, которую, на самом деле, искал; так же направила Бурмина к своей дочери Прасковья Петровна - объясниться с его супругой, которой он собирался "открыть... ужасную тайну и положить... непреодолимую преграду" между ними: <<Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпасьянс, как Бурмин вошел в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. "Она в саду, - отвечала старушка, - подите к ней, а я вас буду здесь ожидать". Бурмин пошел, а старушка перекрестилась и подумала: авось, дело сегодня же кончится>>. Нечаянное появление Муромского тоже должно "кончить дело сегодня же" - он стал свидетелем сцены, о которой мисс Жаксон "не знала, что подумать", и лишил Алексея возможности не жениться на Лизе.

Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку.

КОНЕЦ ПОВЕСТЯМ И.П. БЕЛКИНА*

Парефразировав известное замечание Ахматовой об "Евгении Онегине", можно сказать: конец "Повестям Белкина" - женитьба Пушкина. Белкин умер, для Пушкина началась новая жизнь.

Концовка цикла тайно отсылает к эпиграфу к нему.

Г-жа Простакова

То, мой батюшка, он еще сызмала
к историям охотник.

Скотинин

Митрофан по мне.

Недоросль

Казалось бы, значение эпиграфа сводится к тому, что в соответствии с внешней непритязательностью повестей он готовит читателя к восприятию забавных историй. (Так эпиграф и принято истолковывать.)

Пушкин до последнего момента держал в секрете Предисловие и эпиграф (ключ к шифру!), и 5.9 1831, когда повести уже прошли цензуру, издатель опуса П.А. Плетнев (вспомним еще раз об издателе А.П.) беспокоился: "Не удержишь ли ты издания присылкою Предисловия и уморительно-смешного эпиграфа?"¹

В общепринятой трактовке эпиграф, охарактеризованный Плетневым со слов Пушкина, отнюдь не выглядит "уморительно-смешным". Однако он оказывается таковым, если вспомнить о контексте сцены, из которой он взят.

Бесприданница Софья (София по-гречески - премудрость), которой помыкают в доме Простаковых, становится благодаря своему дяде Стародуму богатой невестой, и по приезде Стародума к ней сватается Скотинин, брат Простаковой, а последняя сватает за Софьюшку своего сына, недоросля (благодаря Фонвизину это слово стало символом невежды) Митрофанушку. Стародум, Правдин и Милон учиняют претендентам в женихи экзамен, и те демонстрируют свою "ученость".

"П р а в д и н. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?"

М и т р о ф а н. Дверь? Котора дверь?

П р а в д и н. Котора дверь! Вот эта.

М и т р о ф а н. Эта? Прилагательна.

¹ Цит. по: Петрунина Н. "Повести Белкина" как целое // Проза Пушкина. Л., 1987. С. 158.

П р а в д и н. Почему ж?

М и т р о ф а н. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста (6) неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест сущестительна.

С т а р о д у м. Так поэтому у тебя слово **дурак** прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

М и т р о ф а н. И ведомо.

Г-жа П р о с т а к о в а. Что, каково, мой батюшка?

П р о с т а к о в. Каково, мой отец?

П р а в д и н. Нельзя лучше, в грамматике он силен.

М и л о н. Я думаю, не меньше в истории.

Г-жа П р о с т а к о в а. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

С к о т и н и н. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведу, чтоб выборный не рассказывал мне истории. Мастер, собачий сын, откуда что берется!

Г-жа П р о с т а к о в а. Однако все-таки не придет против Адама Адамыча.

П р а в д и н. (Митрофану). А далеко ли вы в истории?

М и т р о ф а н. Далек о ль? Какова история. В иной залетишь за тридевятъ земель (39), за тридесято (30) царство (6+3+9+3+0=21!).

П р а в д и н. А! так этой-то истории учит вас Вральман?

С т а р о д у м. Вральман! Имя что-то знакомое.

М и т р о ф а н. Нет. Наш Адам Адамыч истории не рассказывает; он, что я же, сам охотник слушать.

Г-жа П р о с т а к о в а. Оба они заставляют рассказывать истории скотницу Хавронью.

П р а в д и н. Да не у ней ли учились ли оба и географии?

Г-жа П р о с т а к о в а (сыну). Слышишь, друг мой сердечный, это что за наука?

М и т р о ф а н (тихо матери). А я почем знаю.

<...>

Г-жа П р о с т а к о в а. Мне поверь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

С т а р о д у м. О, конечно, сударыня. В человеческом невежестве весьма утешительно считать все за вздор, чего не знаешь".

Разгадка эпиграфа - в следующей сцене (явление IX) того же IV акта:

"Г-жа П р о с т а к о в а (Стародуму). Ну, мой батюшка! Ты довольно видел, каков Митрофанушка?

С к о т и н и н. Ну, мой друг сердечный? Ты видишь, каков я?

Стародум. Узнал обоих, нельзя короче.

Скотинин. Быть ли ж за мною Софьюшке?

Г-жа Простакова. Жених ли ей Митрофанушка?

Стародум. Не жених.

Г-жа Простакова. А что б помешало?

Скотинин. За чем дело стало?

} вместе

Стародум (сведя обоих). Вам одним за секрет сказать можно. Она сговорена. (Отходит и дает знак Софье, чтоб шла за ним).

Все это введено в контекст "Повестей Белкина", где последние слова Стародума тайно звучат из уст Пушкина и относятся к его невесте. Таким образом, один из смыслов эпитафия - посвящение "Повестей Белкина" Гончаровой.

Эпитафия взят из VIII явления IV действия (8+4-12-3). Предисловие состоит из 12 абзацев; сумма корней чисел в дате окончания цикла 12 (1611 1830-7+2+3-12); число 3 в "Повестях Белкина" - символ Пушкина в 1799 г. и символ его духовного возрождения в браке с Гончаровой, а также корень суммы чисел в комбинации "тройка, семерка, туз", которую Пушкин почитал для себя счастливою.

Разгадка к эпитафии заключена в IX явлении IV акта. Тайно цитируя эту сцену, Пушкин потешается над теми читателями, которые расценят эпитафия как обещание забавных историй. 9+4=13-4 13 есть инверсия числа 31, отражающего в таблице дат окончания частей цикла возраст Пушкина в Болдине; 9 - цифровой корень числа 18, соответствующего в той же таблице возрасту Гончаровой осенью 1830 г.

К числам 3 и 4, являющимся символами тех сцен из "Недоросля", в которых содержатся слова, взятые в эпитафия к "Повестям Белкина", и ключ к расшифровке эпитафия, - к этим числам сводятся даты рождения и смерти Пушкина. Их сумма (7) - символ Пушкина осенью 1830 г., Белкина, Сильвио, Бурмина, И.Л.П., поручика Р***. 3+4=7 - эта формула есть итоговый ряд чисел в таблице дат окончания частей цикла.

Те же, кто прочтут "Повести Белкина" в соответствии с обманным внешним значением эпитафия к циклу, обнаружат, как "уморительно-смешно" указывается в эпитафии, свою простоту (см.: Простакова), или нечистоту (см.: Скотинин), или невежество (см.: Недоросль).

Изумительная лаконичность и воздушность "Повестей Белкина" связана со стройностью изобилующего инверсиями плана, с тайными (данными намеком) цитатами, с числовыми (также едва

наполовину выписанными в тексте) и буквенными шифрами; так вокруг текста образуется "нимб", и потому ахматовское определение "Онегина" как "воздушной громады" как нельзя более подходит к этому краткому циклу.

"Повести Белкина" - произведение, находящееся на границе двух миров: горнего и дольного. Оно не в меньшей степени обращено к Богу и к душам, например, Петрарки или Данте, чем к людям, живущим на земле. Если говорить о последних, то Пушкин не рассчитывал на понимание современников; он сделал все, чтобы проникнуть в мир "Повестей Белкина" было доступно только потомкам, ибо это сочинение во многом сродни исповеди.

Дистанция, отделявшая избранника-Пушкина даже от его близких друзей, обусловила равнодушие поэта к публикации своих произведений. Он не лукавил, говоря, что пишет для себя, а печатается для денег.

Стиль "Повестей Белкина" ориентирован на Священное писание и "Комедию"; это символический реализм. Опора на Писание сказывается и в полном отсутствии эстетства (в частности, в не боязни повторять простые и необходимые слова: "сказал" и т.п.).

"Святая русская проза" (выражение ТМанна) вышла из "Повестей Белкина", стала их развитием, но, будучи устремлена, как великое искусство, в область божественного, она в сравнении с ними является приземленной; утраченной оказалась гармония божественного и человеческого, которой отмечены "Повести Белкина" - вершина-источник отечественной прозы.

Напоследок замечу: в контексте пушкинского творчества некий цикл составляют не только "Метель" и "Капитанская дочка", но и "Повести Белкина" и другое столь же числовое произведение - "Пиковая дама".

В 1833 г. Пушкин в Болдине подумывал о продолжении "белкинских" писаний, ибо 30.10 писал В.Ф.Одоевскому: "Не дожидайтесь Белкина; не на шутку, видно, он покойник; не бывать ему на новоселье ни в гостиной Гомозейки, ни на чердаке Панка. Недостоин он, видно, быть в их компании... А куда бы не худо до погреба-то добраться"¹. Фантазмагорическим и страшным продолжением "Повестей Белкина" в известном смысле явилась созданная во вторую Болдинскую осень "Пиковая дама". Тайный в "Повестях Белкина" числовой лейтмотив - 7, 2 (11), 3 - в ней сделался явным "тройка, семерка, туз". Как в "Барышне-крестьянке", героиня в "Пиковой даме" - Лиза (но не счастливая, а бедная). Лиза Муромская читает "Наталью, боярскую дочь" и

¹ П у ш к и н А.С. Т. 10. С. 354.

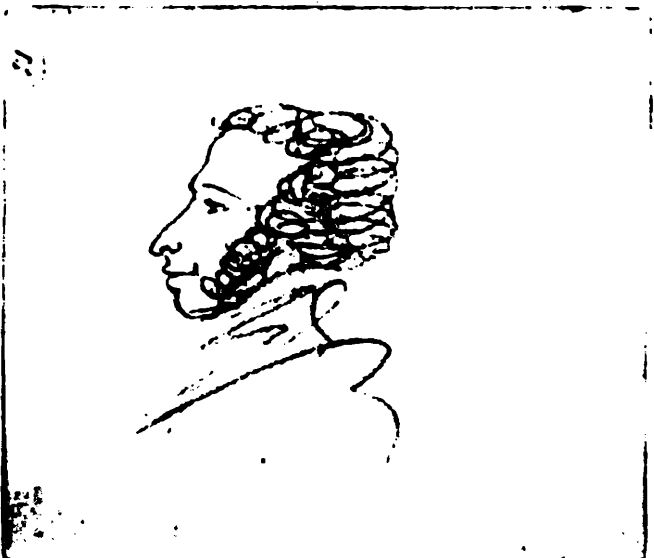
символизирует Наталью Гончарову, Алексей адресуется через некую Акулину к А.Н.Р. (Наталье Rouchkine), а историю о трех картах Пушкин услышал от Натальи Петровны (отчество, как у Акулины Курочкиной) Голицыной, сделанной прототипом графини. Лиза Муромская перевоплощается в Акулину, и через Акулину Петровну Курочкину Алексей переправляет письма к А.Н.Р., а в старой русской карточной игре - Акульке - проигрывает тот, кому достанется пиковая дама (Акулина). В дате окончания "Повестей Белкина" Гончарову символизирует число 11 (эквивалент туза); Германн проигрывает, когда вместо этой карты ему выпадает пиковая дама, т.е. Акулька (не слышалось ли здесь Пушкину нечто противоположное девице К.И.Т., или рыбе из Книги пророка Ионы: акула?).

Для того чтобы понять "Пиковую даму", необходимо разобраться в шифрах (в частности, числовых), таящихся в "Повестях Белкина". В свою очередь, постижение числовой конструкции леденящей душу "петербургской повести", наверное, прольет свет на некоторые тайны творений Белкина (быть может, прежде всего лучезарной "Барышни-крестьянки").

1986-1990

**Рисунки
скопированы
с их факсимиле
в книге
Т.Г. Цявловской
"Рисунки Пушкина".
/М., 1983/**

Алексей в. д. Киселев
Знаменитый и великий
Но створъ великого человека.
Онакъ святая послания
Каждодневная жизнь в се
Каждо время свое жизни
1828 г. июня 14 Москва

Автопортрет.
На листе с автографом стихотворения "Н. Д. Киселеву".
14 июня 1828 г. Москва.

Автопортрет.

1817–1818 гг. Царское Село? Петербург?

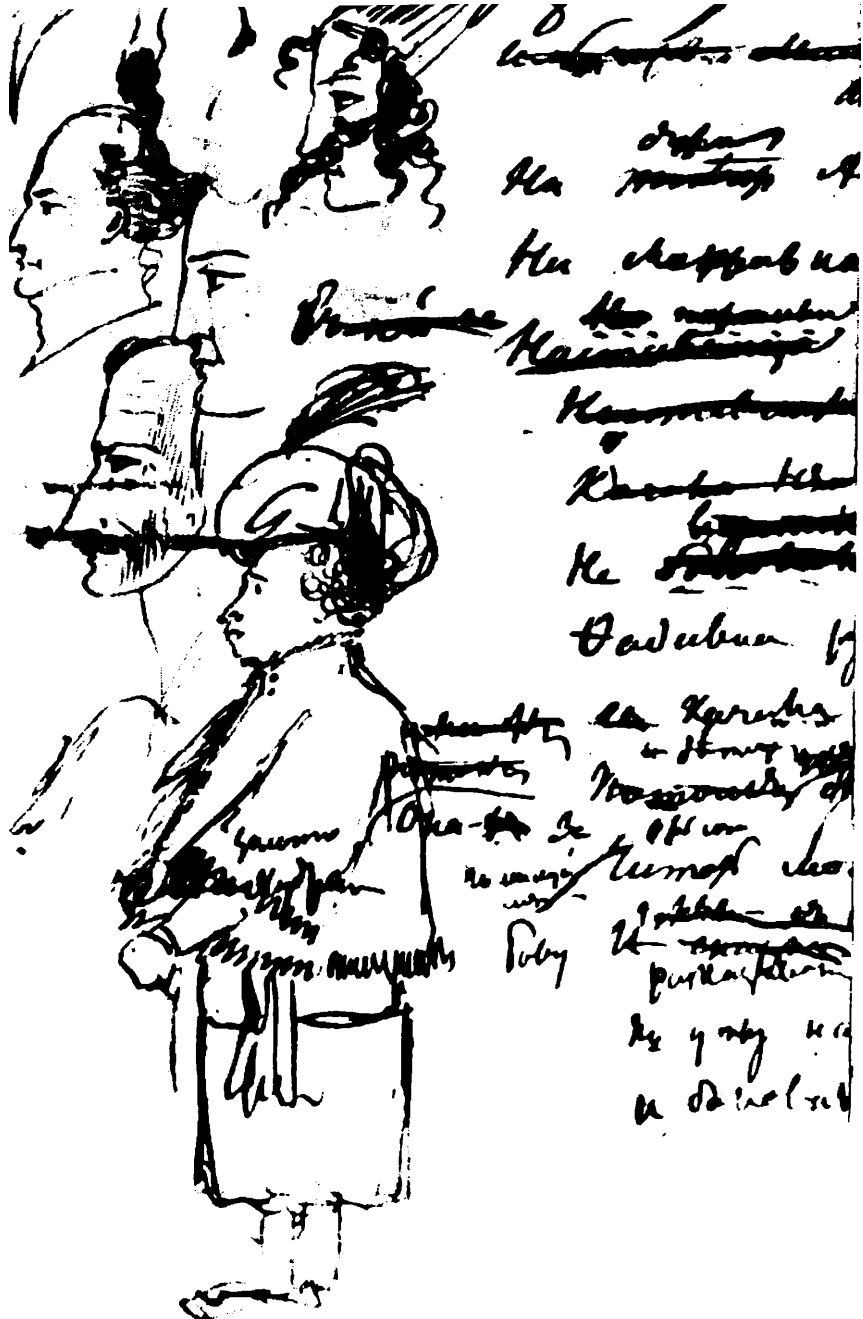
Проект портрета для книги "Стихотворения Александра Пушкина".

Два автопортрета.

9 сентября—октябрь 1826 г. Москва.

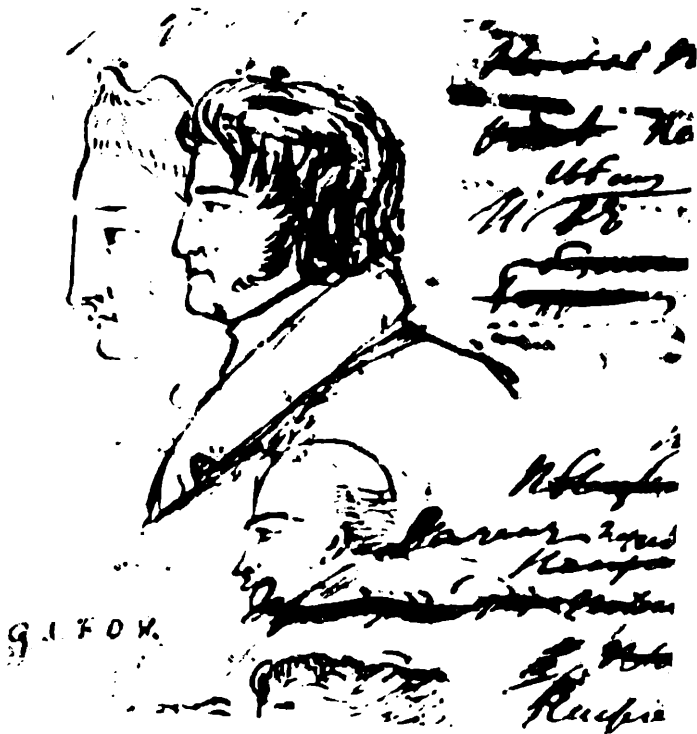
Пушкин изобразил себя до и после ссылки.

Придворный арап.

В черновике рукописи XXI строфы главы второй романа "Евгений Онегин". Начало ноября 1823 г. Одесса.

Рисуя воображаемый портрет своего африканского прашура, Пушкин придал ему свой профиль.

Гр. Ф.И. Толстой /"Американец"/.

В черновой рукописи строф X и XI главы второй романа
"Евгений Онегин". 22 октября - 23 ноября 1823 г. Одесса.

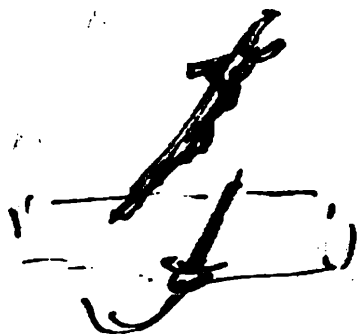

**С.Л. Пушкин /справа/, В.Л. Пушкин /слева/,
С.П. Трубецкой, П.С. Пущин, Виселица.**

На чистом листе, смежном с черновиками глав пятой и седьмой романа "Евгений Онегин". Начало января 1826 г. Михайловское.

Видея ²²
Адриана
Удобыча
милых из

Самые же
милые работы
Удобыча ~~и~~ ~~сам~~
конечно) ~~сам~~
хорошо ~~работает~~

перво ~~сам~~ ~~ра~~

Наброски к повести "Гробовщик".
В рукописи повести "Гробовщик".
Начало сентября 1830 г. Болдино.
Покойник схож с В.Л. Пушкиным.

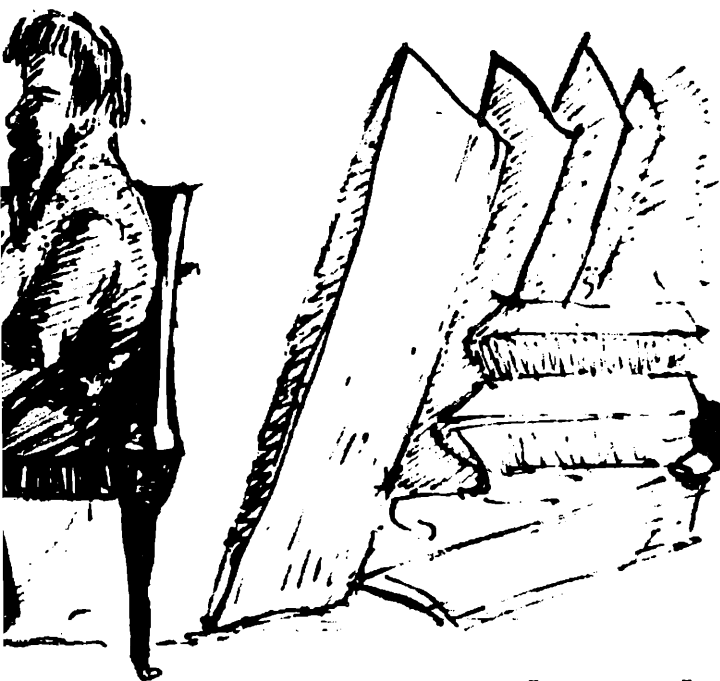

Р. Дядя; укажи же
конор, оно лажнъ донъ | а
и нужа а успубнъ | дупа уны
Годовъ башнъ годъ. Ма уны
апод уны уны уны
Ма уны уны уны
апод уны уны уны

~~Вот теперь бермо~~
~~испуга, или~~
~~вот, вот~~
на образамъ бѣга-
ннѣхъ премѣнъ -
иныхъ ~~примѣнъ~~ ~~примѣнъ~~
вѣдѣ. ~~вот~~ ~~вот~~ ~~вот~~ ~~вот~~

указатель
испуга
наблюдения
смерти
испуга

Сцена чаепития. Иллюстрация к повести "Гробовщик".
Рукопись повести "Гробовщик". Начало сентября 1830 г.
Полдино.

Возница похоронных дрог.

В рукописи повести "Гробовщик". 9 сентября 1830 г.
Болдино.

Н. Н. Пушкина.

В черновой рукописи поэмы
"Медный всадник".
6 октября 1833 г. Болдино.

Автопортрет.

В альбоме Е. Н. Ушаковой.
1827–1830 гг. Москва.

Пистолеты.

В черновой рукописи отрывка повести "Гости съезжались на дачу..." /сентябрь 1828 г., Петербург/ и в черновой рукописи песни второй поэмы "Полтава" /сентябрь 1828 г., Петербург/.

Оглавление

<i>От автора</i>	3
Глава 1	5
Глава 2	72
Рисунки А.С. Пушкина	201

Замеченные ошибки.

Не всюду исправлена имевшаяся в рукописи ошибка относительно даты пушкинской помолвки. Потому:

а) на стр. 149 в последней строке абзаца 1 должно читать: "6 апреля" /не "6 мая"/;

б) на стр. 119 в строке 2 абз. 1 должно читать:

"4 /6.4.1830 = 6 + 4 + 3 = 13 = 4/", — вместо:

"5 /6.5.1830 = 6 + 5 + 3 = 14 = 5/";

в) на стр. 142 в абз. 2 все, начиная со слов: "Этот день...", — следует зачеркнуть.

Стр. 117, абз. 3, строка 9. Вместо слов: "...первой дуэли Сильвио и...", — следует читать: "...венчания...".

Стр. 159, абз. 2, строка 5 снизу. Вместо: "/Нибур — А.К.-Р./", — следует читать: "/Гиббон — А.К.-Р./".

Стр. 146, абз. 2, строка 2 снизу. Не "...сели за стол..." — "встали из-за стола".

Некоторые опечатки

Стр. 14, абз. 1. Не "Ставки" — "ставни".

Стр. 23, сноска 3, строка 2. Не "о Сен-Пре" — "с Сен-Пре".

Стр. 24, абз. 4, строка 6. Не "заклинание" — "заклание".

Стр. 29, сноска 2, строка 1. Лишнее — "Р***".

Стр. 70, абз. 4, строка 4. Не "...отделил..." — "отдалил".

Стр. 106, абз. 3, строка 4 снизу. Напечатано: "не не выражал", — вместо: "но не выражал".

Стр. 110, сноска 2. Напечатано: "Пушкин А.С.", — вместо: "Цявловский М. Указ. соч.".

Редактор *Н.В. Прилуцкая*
Художник *А.А. Строков*
Художественный редактор *В.В. Лебедев*
Технический редактор *Т.Г. Никитенкова*
Корректор *Н.В. Прилуцкая*

Подписано в печать 27.02.92 Формат 60x90/16

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10

Уч. из. л. 7,5 тир. ~~10 000~~ 2.500

Зак. № 138 МГТО Печать с готовых диапозитивов.

Зак. № 46493 Производственно-издательский комбинат

